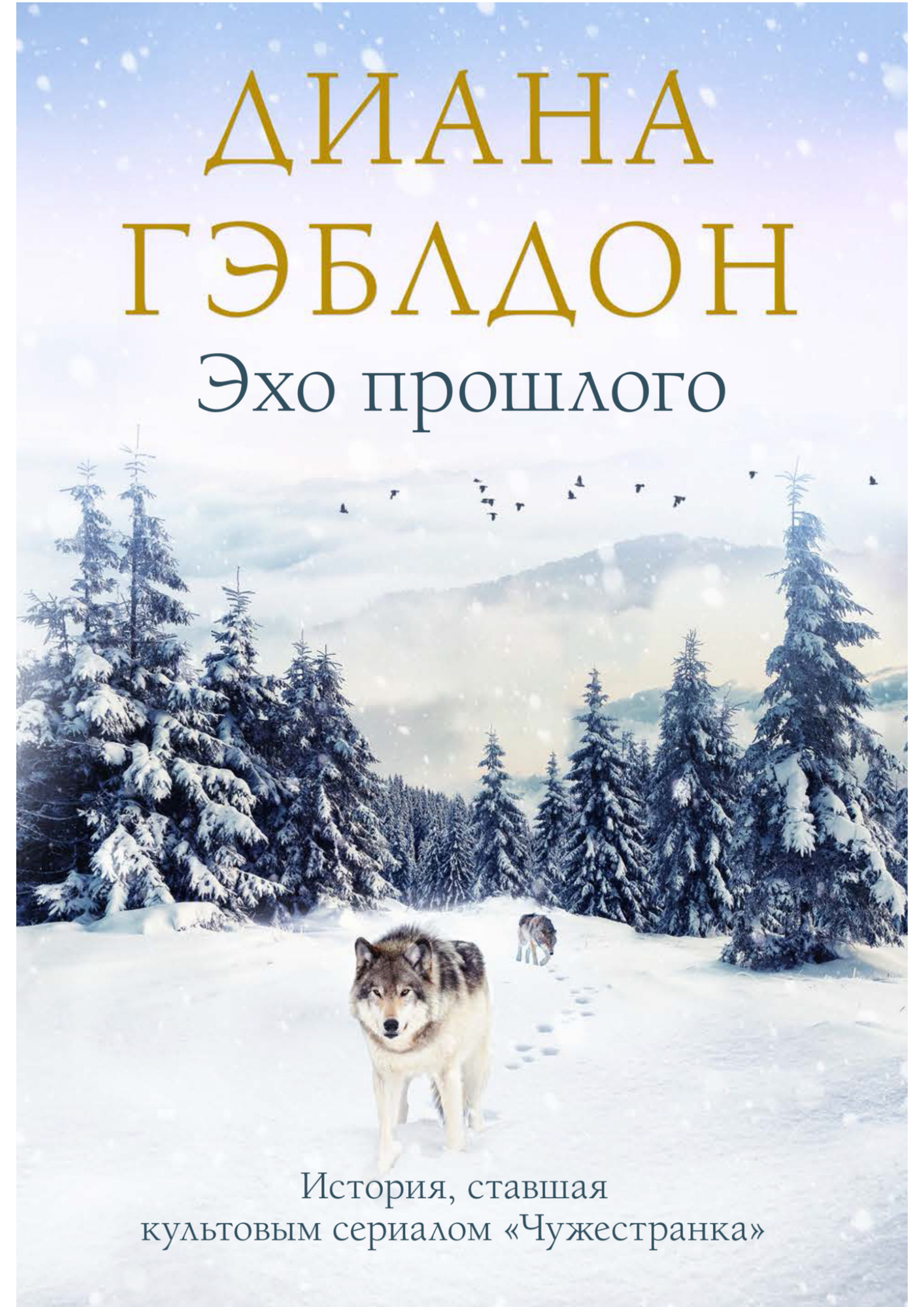


ДИАНА ГЭБЛДОН

Эхо прошлого

A winter scene with a wolf in the foreground and a reindeer in the background, surrounded by snow-covered evergreen trees and mountains under a blue sky with falling snow.

История, ставшая
культовым сериалом «Чужестранка»

Чужестранка. Сериал по романам
Дианы Гэблдон в одном томе

Диана Гэблдон

Эхо прошлого

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Гэблдон Д.

Эхо прошлого / Д. Гэблдон — «Эксмо», 2009 — (Чужестранка. Сериал по романам Дианы Гэблдон в одном томе)

ISBN 978-5-04-185083-8

История великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире и стала культовым сериалом «Чужестранка». 1777 год. Находясь среди бушующего восстания за независимость Америки, Клэр и Джейми должны решить, чью сторону они займут. Несмотря на кажущуюся простоту выбора – ведь Клэр уже знает, чем закончится война, – сделать это не так легко. Потому что даже борьба на стороне победителя не гарантирует спасения. XX век. Брианна и Роджер Маккензи вместе со своими детьми, Джемом и Амандой, живут в поместье Лаллиброх. Они изучают историю любви Джейми и Клэр по старинным письмам и документам, пытаясь отыскать ключи к разгадке запутанной судьбы своей семьи. Но и здесь, в двадцатом столетии, им предстоит столкнуться со старым врагом из прошлого. XVIII век. Восстание за независимость Америки заставляет Клэр и Джейми покинуть дом и отправиться в Шотландию. Обстоятельства вновь разделяют супругов, а воссоединение оказывается не таким простым, как представлялось. «Все, чего так ждут фанаты Гэблдон: история, приключения и любовь.» – The Arizona Republic

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-185083-8

© Гэблдон Д., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Книга 1	9
Пролог	9
Часть 1	10
Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	35
Глава 4	39
Глава 5	49
Часть 2	56
Глава 6	56
Глава 7	73
Глава 8	77
Глава 9	91
Глава 10	93
Глава 11	99
Глава 12	113
Глава 13	115
Глава 14	117
Глава 15	123
Глава 16	131
Глава 17	142
Глава 18	151
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Диана Гэблдон Эхо прошлого

Diana Gabaldon
AN ECHO IN THE BONE
Copyright © 2009 by Diana Gabaldon

© Метлицкая И., Парахневич Е., Сафронова А., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *



ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Чужестранка

Стрекоза в янтаре

Путешественница

Барабаны осени

Огненный крест

Дыхание снега и пепла

Эхо прошлого

Написано кровью
моего сердца

ДИАНА
ГЭБЛДОН
Эхо прошлого



Москва
2023

Книга 1

Новые испытания

Пролог

Тело на удивление податливо. А дух – и того более. Однако существуют испытания, после которых уже никогда не станешь прежним.

Твои слова, *a nighean*?¹ Это правда – тело легко искалечить, и дух можно сломить, но все же в человеке есть то, что нельзя уничтожить.

¹ Девочка, девушка (гэльск.). (Здесь и далее – примечания переводчика.)

Часть 1 Возмущение вод²

Глава 1 Иногда они и вправду мертвы

Уилмингтон, колония Северная Каролина. Июль, 1776 г.

Голова пирата исчезла. Уильям услышал, как кучка зевак на причале неподалеку оживленно гадают, покажется ли она снова.

– Не-а, утоп, и с концами, – качая головой, произнес оборванец метис. – Ежели оллигатор его не сожрет, то вода точно утащит.

Какой-то малый, похоже из лесной глуши, перекатил во рту табачную жвачку и в знак несогласия сплюнул в воду.

– Нет, еще денек-другой протянет. Хрящи, что удерживают голову, высыхают на солнце. Становятся жесткими, что твое железо. Сколько раз я видел, как это происходит с оленьими тушами.

Уильям заметил, что миссис Маккензи бросила взгляд на гавань и поспешно отвела глаза. Ему показалось, что она побледнела, и он чуть подвинулся, пытаясь загородить собой зевак и бурю воду, хотя высокий прилив и так скрывал привязанный к столбу труп. Впрочем, сам столб торчал, как суровое напоминание о расплате за преступление. Несколько дней назад пирата приговорили к утоплению в илистых прибрежных водах, и стойкость его разлагающегося трупа успела стать притчей во языцех.

– Джем! – внезапно воскликнул мистер Маккензи и рванул мимо Уильяма вдогонку за сыном. Мальчуган, такой же рыжеволосый, как его мать, ускользнул от присмотра, чтобы послушать людские разговоры, и теперь, держась за швартовую тумбу и едва не падая в воду, пытался разглядеть мертвого пирата.

Мистер Маккензи поймал парнишку за ворот и поднял на руки, хотя тот отчаянно вырывался и тянул шею, оглядываясь на заболоченную гавань.

– Папа, я хочу посмотреть, как оллигатор сожрет пирата!

Зеваки расхохотались, даже Маккензи слегка усмехнулся, но улыбка тотчас исчезла, когда он взглянул на жену. В ту же секунду он бросился к ней и подхватил за локоть.

– Думаю, нам пора идти, – сказал Маккензи, поудобнее взял сына, чтобы поддержать жену, которую явно что-то тревожило, и продолжил: – У лейтенанта Рэнсома... то есть лорда Элсмира, – поправился он, взглянув на Уильяма с извиняющейся улыбкой, – наверняка есть другие дела.

Что верно, то верно: Уильям собирался поужинать с отцом. Впрочем, они договорились встретиться в таверне как раз напротив причала, захочешь – не разминешься.

Уильям не преминул сообщить об этом семейству Маккензи и попросил их остаться: они ему нравились, особенно миссис Маккензи. Хотя краска уже вернулась на побледневшее лицо молодой женщины, она лишь сокрушенно улыбнулась и погладила по голове маленькую дочь, которую держала на руках.

– Нет, нам и вправду пора. – Миссис Маккензи посмотрела на сына, который все еще пытался вырваться из рук отца, украдкой взглянула на гавань и торчащий над приливной водой

² Ин. 5:3,4.

столб, затем решительно перевела взгляд на Уильяма. – Малышка вот-вот проснется и захочет есть. И все же я очень рада нашей встрече. Жаль, что мы так мало поболтали.

Она сказала это с подкупающей искренностью и легонько коснулась руки Уильяма, отчего у того сладко заныло внизу живота.

Теперь зеваки бились об заклад, появится ли снова утопленник или нет, хотя, судя по всему, в карманах у них гулял ветер.

– Два против одного, что он никуда не денется после отлива.

– Тело останется, а вот головы не будет, ставлю пять к одному. Чего бы ты там ни болтал, Лем, про хрящи, голова-то чуть ли не на ниточке держалась, когда его приливом накрыло. Как пить дать, оторвется.

Надеясь отвлечь внимание от этого разговора, Уильям начал изысканно прощаться и дошел до того, что в самой любезной придворной манере поцеловал руку миссис Маккензи, а потом, в порыве вдохновения, чмокнул ручку малышки, отчего все рассмеялись. Мистер Маккензи странно посмотрел на него, но, похоже, не обиделся и пожал ему руку совершенно по-республикански, а потом, продолжая шутку, опустил сына на землю, чтобы тот тоже обменялся рукопожатием с Уильямом.

– А вы кого-нибудь убили? – с интересом спросил мальчуган, глядя на его палаш.

– Пока нет, – улыбнулся Уильям.

– Мой дедушка убил две дюжины человек!

– Джемми! – в один голос воскликнули родители мальчугана, и тот сразу втянул голову в плечи.

– Это правда!

– Я уверен, что твой дед храбрый и неистовый воин, – серьезно сказал Уильям. – Королю всегда нужны такие люди.

– Дедушка говорит, что король может поцеловать его в задницу, – как ни в чем не бывало ответил мальчишка.

– ДЖЕММИ!

Мистер Маккензи закрыл ладонью рот своего чересчур прямодушного отпрыска.

– Ты же знаешь, что твой дедушка не говорил ничего подобного! – сказала миссис Маккензи.

Мальчуган согласно закивал, и отец убрал руку с его рта.

– Он не говорил, а бабуля говорила!

– Вот это больше похоже на правду, – пробормотал мистер Маккензи, с трудом сдерживая смех. – Тем не менее мы не говорим таких вещей солдатам, ведь они служат королю.

– Да? – рассеянно переспросил Джемми, явно теряя интерес к разговору. – А отлив уже начался?

– Нет, – твердо произнес мистер Маккензи. – И начнется еще не скоро. Ты уже будешь спать.

Щеки миссис Маккензи очаровательно заалели от смущения. Она одарила Уильяма извиняющейся улыбкой, и все семейство несколько поспешно удалилось, а Уильям, в душе которого желание рассмеяться боролось с отчаянием, остался.

– Эй, Рэнсом!

Услышав свое имя, он оглянулся и увидел Гарри Добсона и Колина Осборна – оба были вторыми лейтенантами из его полка, которые, судя по всему, пренебрегли службой, желая поскорее наведаться в злачные места Уилмингтона, какими бы те ни были.

– Кто это?

Добсон с любопытством уставился вслед уходящему семейству.

– Мистер и миссис Маккензи, друзья моего отца.

– Так она замужем? – Добсон втянул щеки, все еще разглядывая молодую женщину. – Хм, это слегка осложняет дело, но что за жизнь без трудностей?

– Трудности? – Уильям бросил скептический взгляд на своего невысокого друга. – Если ты не заметил, ее муж больше тебя раза в три.

Осборн рассмеялся и покраснел.

– Она сама в два раза больше Добби! Да она тебя раздавит!

– А с чего ты взял, что я буду внизу? – с достоинством спросил Добсон.

Осборн присвистнул.

– Откуда у тебя такая страсть к великаншам? – поинтересовался Уильям, взглянув на семью, которая почти скрылась из виду в конце улицы. – Эта женщина почти с меня ростом!

– Давай, сыпь соль на раны, не стесняйся!

Осборн, будучи выше Добсона с его пятью футами, все же был на голову ниже Уильяма и теперь шутливо пнул приятеля в коленку. Уильям увернулся и ткнул кулаком Осборна. Тот пригнулся и толкнул Уильяма на Добсона.

– Джентльмены!

Грозный голос с простонародным лондонским акцентом, принадлежащий сержанту Каттеру, прозвучал как гром среди ясного неба. Может, молодые люди и превосходили его по званию, но никто из них не осмеливался напомнить об этом сержанту. Весь батальон трепетал перед сержантом Каттером, который был старше самого Бога и примерно одного роста с Добсоном, зато в его тщедушном теле бурлила неистовая ярость огромного извергающегося вулкана.

– Сержант!

Лейтенант Уильям Рэнсом – граф Элмир и старший по званию из всех четверых – выпрямился, уткнув подбородок в шейный платок. Осборн и Добсон поспешили последовали примеру приятеля, содрогаясь от страха.

Каттер прохаживался перед ними как леопард, преследующий добычу. Уильям буквально видел этого хищника, который подергивает хвостом и облизывается. Ожидание укуса было чуть ли не хуже, чем боль от впившихся в задницу клыков.

– И где же ваши подчиненные, сэ-эры? – прорычал Каттер.

Осборн и Добсон торопливо пустились в объяснения, но лейтенант Рэнсом в кои-то веки оказался в числе праведников.

– Мои люди под руководством лейтенанта Колсона охраняют резиденцию губернатора, сержант. А я получил увольнительную, чтобы поужинать с отцом, – почтительно сказал он. – Сэр Питер разрешил.

С именем сэра Питера Пэкера приходилось считаться, и Каттер замолк на полуслове. Впрочем, к большому удивлению Уильяма, вовсе не имя сэра Питера оказало столь волшебное действие.

– С отцом? – прищурился Каттер. – Ваш отец – лорд Джон Грей, так?

– Э-э... да, – осторожно ответил Уильям. – Вы... вы его знаете?

Не успел Каттер ответить, как дверь таверны неподалеку открылась и оттуда вышел отец Уильяма. Уильям улыбнулся, радуясь столь своевременному появлению, но под пристальным взглядом сержанта улыбка тотчас исчезла.

– А ну, не скальтесь тут, словно какая-то обезьяна, – свирепо начал сержант, однако осекся, когда лорд Джон панибратски хлопнул его по плечу. Никто из трех лейтенантов не решился бы на подобную фамильярность даже за большие деньги.

– Каттер! – сказал лорд Джон, тепло улыбаясь. – Я услышал ваши нежные трели и сказал себе: «Будь я проклят, если это не сержант Алоизиус Каттер! В мире нет другого человека, чей голос так походил бы на рык бульдога, который проглотил кошку и выжил, чтобы рассказать об этом!»

– Алоизиус? – одними губами спросил Добсон Уильяма. Тот лишь коротко проворчал что-то в ответ, не в состоянии пожать плечами, так как в этот миг отец повернулся к нему и приветливо кивнул.

– Уильям, да ты весьма пунктуален! – сказал он. – Приношу свои извинения за опоздание: меня задержали.

Прежде чем Уильям успел ответить или представить приятелей, лорд Джон вместе с сержантом Каттером погрузились в долгие воспоминания о том, как сражались на Авраамовых полях³ под предводительством генерала Вольфа. Они словно заново переживали старое доброе время.

Трое молодых офицеров несколько расслабились, и для Добсона это означало, что можно вернуться к прежней теме разговора.

– Так ты говоришь, та рыжая красотка – знакомая твоего отца? – прошептал он Уильяму. – Спроси у него, где она остановилась, ладно?

– Придурок! – зашипел Осборн. – Она ведь даже не хорошенькая! Длинноносая, как... как Вилли!

– Да не смотрел я вверх, на ее лицо, – ухмыльнулся Добсон. – А вот ее сиськи как раз торчали у меня перед глазами, и они...

– Осел!

– Ш-ш! – шикнул Осборн и наступил на ногу Добсону, чтобы тот замолчал: лорд Джон вновь повернулся к молодым людям.

– Может, представишь меня своим друзьям, Уильям? – вежливо спросил он.

Уильям густо покраснел – он знал, что у отца прекрасный слух, несмотря на службу в артиллерийских войсках, – и представил приятелей. Осборн и Добсон поклонились с довольно испуганным видом. Раньше они не догадывались, кто его отец, и теперь Уильям одновременно гордился произведенным впечатлением и слегка смущался из-за того, что друзья узнали о его родстве с лордом Джоном. Похоже, к завтрашнему ужину об этом будет судачить весь батальон. Конечно, сэр Питер все знает, но...

Он собрался с мыслями, обнаружив, что отец прощается за них обоих, торопливо, хотя и подобающим образом, отсалютовал сержанту Каттеру и поспешил за отцом, предоставив Осборна и Добсона самим себе.

– Я видел, как ты разговаривал с мистером и миссис Маккензи, – заметил вскользь лорд Джон. – Полагаю, у них все хорошо?

Он бросил взгляд на причал. Семейство Маккензи давно скрылось из виду.

– Вроде бы да, – ответил Вилли.

Он не собирался спрашивать, где они остановились, однако его никак не отпускало впечатление от молодой женщины. Уильям не мог сказать, красивая она или нет, но его поразили ее глаза: восхитительного синего цвета, обрамленные длинными золотистыми ресницами, они глядели на него с приятной пронизательностью, от которой теплело на сердце. Необычайно высокая, конечно, но... Господи, о чем он только думает! Замужняя женщина, с детьми! Да еще и рыжеволосая!

– Ты... хм... давно их знаешь? – спросил Уильям, думая о довольно своеобразных политических настроениях, которые, похоже, процветали в этой семье.

– Достаточно долго. Она – дочь моего старинного друга, мистера Джеймса Фрэзера. Может, ты его помнишь?

Уильям нахмурился. Имя ничего ему не говорило, у отца тысячи друзей, разве можно...

³ Авраамовы поля – историческое место в Канаде, где 13 сентября 1759 года произошло одно из решающих сражений франко-индейской войны. Победа в битве обеспечила англичанам возможность захватить последний французский порт Квебек и тем самым установить свою власть на всей территории Канады. Генерал Вольф погиб в сражении.

– О! Он не англичанин, ты это имеешь в виду? А не у мистера ли Фрэзера мы гостили в горах, когда ты подцепил эту, как ее... корь?

Внутри у него что-то дрогнуло, когда он вспомнил об ужасе, который тогда пережил. Мать умерла всего лишь месяц назад, и Уильям путешествовал в горах, охваченный тоской. А потом лорд Джон заболел корью, и Уильям не сомневался, что отец тоже умрет и оставит его одного посреди диких лесов. В его мыслях не осталось ничего, кроме страха и горя, и от того визита он сохранил самые путанные впечатления. Впрочем, Уильям смутно помнил, что мистер Фрэзер был добр к нему и взял с собой на рыбалку.

– Да, – криво улыбнувшись, ответил отец. – Как трогательно, Вилли. Я предполагал, что то путешествие запомнилось тебе больше из-за собственных злоключений, нежели из-за моих.

– Злоключений... – Память обрушилась на Уильяма, обдав волной жара, куда более горячей, чем влажный летний зной. – Вот спасибо! Мне удалось вычеркнуть из памяти то происшествие, а ты взял и напомнил!

Отец от души веселился и даже не пытался этого скрыть. Он просто покатывался со смеху.

– Прости, Вилли, – выдавил он, задыхаясь и утирая глаза уголком носового платка. – Ничего не могу с собой поделать! Это было самым... самым... о господи, я никогда не забуду, как ты выглядел, когда тебя вытащили из того нужника!

– И ты прекрасно знаешь, что всему виной несчастный случай! – сдержанно произнес Уильям. Щеки горели от перенесенного стыда. Хорошо еще, что дочь Фрэзера не видела тогда его унижения.

– Да, конечно...

Отец прижал платок ко рту. Плечи лорда Грея тряслись от беззвучного смеха.

– Давай, насмехайся, сколько тебе угодно, – холодно сказал Уильям. – И вообще, куда мы идем?

Они дошли до конца набережной, и отец, все еще отфыркиваясь, как козатка, свернул на тихую, усаженную деревьями улочку, прочь от таверн и гостиниц, располагавшихся неподалеку от гавани.

– Мы ужинаем с капитаном Ричардсоном, – ответил отец, явно сдерживаясь. Он кашлянул, высморкался и убрал носовой платок. – В доме мистера Белла.

Дом мистера Белла, аккуратный, с выбеленными стенами, выглядел зажиточным, но без показной роскоши. Точно такое же впечатление производил капитан Ричардсон, средних лет, опрятный и хорошо одетый. В его внешности не было ничего примечательного, а если бы вы вдруг выделили в толпе его лицо, то через пару минут уже забыли бы.

Гораздо сильнее Уильяма впечатлили две мисс Белл, особенно младшая, Мириам. Ее кудри медового цвета выбивались из-под чепца, а сама она весь ужин не сводила с Уильяма огромных, широко распахнутых глаз. Девушка сидела слишком далеко, и он не мог с ней заговорить, однако надеялся, что ответным взглядом сумел выразить свое восхищение. «А может, нам удастся продолжить знакомство?» – словно говорили его глаза. Улыбка, скромно опущенные золотистые ресницы, а потом быстрый взгляд в сторону открытой двери на боковую веранду. Уильям улыбнулся в ответ.

– Ты тоже так думаешь, Уильям? – произнес отец достаточно громко, давая понять, что спрашивает уже во второй раз.

– Да, конечно. Хм... А что именно? – переспросил он. Все-таки это папа, а не командир.

Лорд Грей окинул сына взглядом, и Уильям понял, что, будь они одни, отец закатил бы глаза. Теперь же он лишь терпеливо ответил:

– Мистер Белл поинтересовался, долго ли сэр Питер собирается пробыть в Уилмингтоне?

Мистер Белл, который сидел во главе стола, любезно кивнул, но, сузив глаза, посмотрел на Мириам. Заметив его взгляд, Уильям решил, что лучше зайти завтра, когда мистер Белл уйдет по делам.

– О, думаю, мы здесь ненадолго, сэр, – вежливо ответил Уильям. – Насколько я знаю, основные беспорядки творятся в глуши, и нас, несомненно, срочно отправят туда, чтобы навести порядок.

Похоже, мистера Белла ответ обрадовал, но краем глаза Уильям заметил, что Мириам очаровательно надула губки, услышав о его скором отъезде.

– Замечательно, – весело сказал мистер Белл. – Полагаю, сотни сторонников короля примкнут к вашему маршу.

– Несомненно, сэр, – пробормотал Уильям, проглотив очередную ложку супа.

Вряд ли среди примкнувших будет сам мистер Белл, подумал молодой офицер. Не похож он на любителя солдатской жизни. Да и не стоит рассчитывать, что толпа вооруженных лопатами колонистов сможет оказать армии существенную помощь. Конечно, вслух Уильям ничего не сказал.

Он попытался смотреть на Мириам боковым зрением, но поймал взгляд, которым отец обменялся с капитаном Ричардсоном, и его охватило любопытство. Отец сообщил о сегодняшнем ужине, явно подразумевая, что встреча с капитаном и есть основная цель вечера. Почему?

Он встретился глазами с мисс Лиллиан Белл, которая сидела напротив, рядом с его отцом, и совершенно забыл о капитане Ричардсоне. Темноглазая Лиллиан была выше и стройнее сестры, и Уильям только сейчас заметил, что она очень хороша собой.

Тем не менее, когда после ужина миссис Белл с дочерьми встали из-за стола, а мужчины вышли на веранду, Уильям несколько не удивился, обнаружив, что беседует с капитаном Ричардсоном, а в другом конце веранды отец и мистер Белл оживленно обсуждают цены на деготь. Папа мог говорить с кем угодно и о чем угодно.

– У меня есть для вас предложение, лейтенант, – сказал Ричардсон после обычного обмена любезностями.

– Слушаю, сэр, – почтительно произнес Уильям.

Его любопытство усилилось. Капитан служил в легкой кавалерии, но в настоящее время находился не со своим полком. Об этом он сам упомянул за ужином, мимоходом заметив, что его откомандировали с важным поручением. Интересно, каким?

– Не знаю, что ваш отец счел нужным сообщить вам о моей миссии.

– Ничего, сэр.

– Я занимаюсь сбором разведанных для Южного департамента армии. Не то чтобы я руководил всей операцией... – Капитан скромно улыбнулся. – Лишь небольшой частью.

– Я... я понимаю важность подобной работы, – сказал Уильям со всей дипломатичностью, на которую был способен. – Хотя лично меня, как бы сказать...

– Лично вас шпионаж не интересует. Конечно, нет, – сухо произнес капитан; даже царящая на веранде темнота не могла скрыть его недовольства. – Немногие из тех, кто считает себя солдатами, интересуются шпионажем.

– Я не хотел вас обидеть, сэр.

– Все в порядке. Впрочем, я предлагаю вам стать не шпионом – занятие это довольно деликатное и требует недюжинной смелости, – а скорее курьером. Конечно, если вам представится случай собрать по дороге кое-какие сведения... что ж, это было бы дополнительным вкладом, к тому же весьма ценным.

Уильям вспыхнул от предположения, что ему не хватает деликатности и смелости, но сдержался и только тихо переспросил:

– Да?

Как выяснилось, капитан раздобыл важные сведения о ситуации в обеих Каролинах, и теперь ему нужно было переправить информацию командиру Северного департамента – генералу Уильяму Хау, который в настоящее время находился в Галифаксе.

– Посыльных будет несколько, – сказал Ричардсон. – Разумеется, морем добираться быстрее, но мне бы хотелось хотя бы одного курьера отправить сушей, как из соображений безопасности, так и для того, чтобы он вел наблюдения по дороге. Ваш отец очень хорошо отзывался о ваших способностях, лейтенант.

Уильяму показалось, что в сухом, как опилки, голосе промелькнула нотка удивления, а капитан продолжил:

– Насколько я знаю, вы много путешествовали по Северной Каролине и Вирджинии. Это хорошо. Как вы понимаете, мне бы не хотелось, чтобы мой посыльный навсегда исчез в пучинах Великого Мрачного болота⁴.

Уильям вежливо усмехнулся, предположив, что это шутка. Похоже, капитан Ричардсон никогда не бывал рядом с Великим болотом. Уильяму доводилось бывать в тех местах, и он даже представить не мог, что кто-либо в здравом уме отправится туда просто так, ну, если только поохотиться.

Еще Уильям серьезно сомневался относительно самого предложения, но – хотя он и говорил себе, что не должен покидать своих людей, свой полк, – невольно представлял себя в романтическом образе: один-одинешенек в бескрайней глуши, он несет важные вести сквозь бури и опасности.

Впрочем, основные сомнения возникали насчет того, что ждет его в конце пути. Но не успел Уильям заговорить, как Ричардсон ответил, предвосхищая вопрос:

– Когда прибудете на север, то можете присоединиться к штабу генерала. Это уже согласовано.

Ага, вот оно, яблочко! Да к тому же красное и сочное! Он понимал, что «это согласовано» с генералом Хау, а его, Уильяма, согласия никто и не спрашивал, но был уверен в собственных способностях и не сомневался, что сможет принести пользу.

За те несколько дней, что Уильям провел в Северной Каролине, он успел сравнить шансы на продвижение по службе в Южном департаменте и в Северном. Вся Континентальная армия во главе с Джорджем Вашингтоном находилась на севере, в то время как повстанцы-южане – разрозненные группки бунтовщиков из местного захолустья и отряды импровизированной милиции – не представляли собой серьезной угрозы. А уж если сравнивать положение сэра Питера и генерала Хау как командиров...

– Если позволите, капитан, я бы хотел обдумать ваше предложение, – произнес Уильям, надеясь, что его голос прозвучал достаточно бесстрастно. – Могу ли я дать ответ завтра?

– Конечно. Думаю, вам хочется обсудить перспективы со своим отцом. Что ж, обсудите.

После этих слов капитан намеренно сменил тему, и спустя несколько минут, когда к ним присоединились лорд Джон и мистер Белл, разговор перешел на общие предметы.

Уильям почти не слушал, его внимание отвлекли два стройных белых силуэта, которые призрачно мелькали среди зарослей в дальнем конце двора. Две головы в белых чепцах то склонялись друг к дружке, то вновь отодвигались. Время от времени одна из них, как бы в раздумье, поворачивалась к веранде.

– «И об одежде его бросали жребий»⁵, – пробормотал отец, качая головой.

– Что?

– Не важно.

⁴ Великое Мрачное болото – болотистая местность, расположенная на прибрежной равнине в юго-восточной части штата Вирджиния, США.

⁵ Ин. 19:24.

Отец улыбнулся и повернулся к капитану Ричардсону, который сказал что-то о погоде.

Светлячки освещали двор, мелькая зелеными искрами среди влажных зарослей. Как здорово снова увидеть светлячков! Уильям скучал по ним в Англии, и по этой особенной мягкости южного воздуха, от которой льняная рубашка липла к телу, а кровь пульсировала в кончиках пальцев. Вокруг стрекотали сверчки, и на какой-то миг их пение заглушило все, кроме биения пульса.

– Кофе готов, жентльмуны.

Мелодичный голос служанки проник в сознание, успокаивая волнующуюся кровь, и Уильям пошел в дом вместе с остальными мужчинами, бросив лишь мимолетный взгляд в сторону двора. Два белых силуэта исчезли, но в мягком теплом воздухе осталось обещание.

Часом позже Уильям шагал к месту расквартирования своего полка, в мыслях царил приятная неразбериха, а отец молча шел рядом.

В самом конце вечера мисс Лиллиан Белл подарила Уильяму поцелуй среди светлячков, невинный и мимолетный, однако в губы, и казалось, в густом летнем воздухе витали ароматы кофе и спелой клубники, несмотря на всепроникающий гнилостный запах гавани.

– Капитан Ричардсон рассказал мне о предложении, которое тебе сделал, – небрежно бросил лорд Джон. – Ты собираешься его принять?

– Не знаю, – с такой же нарочитой небрежностью ответил Уильям. – Мне будет не хватать моих людей...

Мисс Белл взяла с него обещание, что на неделе он зайдет к ним на чашку чая.

– В военной жизни мало постоянства, – заметил отец, покачав головой. – А я ведь тебя предупреждал.

Уильям почти не слушал, но согласно хмыкнул.

– Прекрасная возможность продвинуться по службе, – продолжил отец и как бы между прочим добавил: – Хотя, конечно, в этом предложении есть и немалая доля опасности.

– Что? – Уильям презрительно фыркнул. – Проскакать от Уилмингтона до Нью-Йорка, где пересечь на пароход? Да там же почти на всем пути проложена дорога!

– На которой полным-полно солдат Континентальной армии, – напомнил лорд Джон. – Вся армия генерала Вашингтона расположилась по эту сторону Филадельфии, если то, что я слышал, правда.

Уильям пожал плечами.

– Ричардсон сказал: я ему нужен потому, что знаю эти места. Я смогу добраться куда угодно даже без дорог.

– Уверен? Ты не был в Вирджинии почти четыре года.

Недоверчивый голос отца разозлил Уильяма.

– Думаешь, я не найду верный маршрут?

– Да нет же, – ответил отец все еще с некоторой долей сомнения. – Просто предложение довольно рискованное, и я бы хотел, чтобы ты хорошенько подумал, прежде чем его принять.

– Так вот, я подумал, – сказал Уильям, уязвленный недоверием. – Я согласен.

Лорд Джон молчал несколько шагов, затем неохотно кивнул.

– Это твое решение, Вилли, – тихо произнес он, – и все же я буду тебе признателен, если ты будешь осторожен.

Недовольство Уильяма тотчас исчезло.

– Конечно, – хрипло пробормотал он.

Они продолжили путь под темным пологом кленов и пеканов молча, то и дело соприкасаясь плечами.

Возле гостиницы Уильям пожелал лорду Джону спокойной ночи, но не пошел сразу к себе, а отправился побродить вдоль пристани. Спать совершенно не хотелось.

Прилив сменился отливом, причем довольно давно, запах дохлой рыбы и гниющих водорослей усилился, но неподвижная простыня воды все еще закрывала илистое дно под бледным светом месяца.

Уильям увидел столб почти сразу. На какой-то миг показалось, что он исчез, но нет, вот он, пересекает поблескивающую водную гладь тонким штрихом. Пустой.

Столб больше не стоял прямо, он наклонился, словно вот-вот упадет, и тонкая веревка свисала с него, как петля палача, болталась в убывающей воде. На душе Уильяма стало неспокойно. Отлив не смог бы утащить все тело целиком. Поговаривали, что здесь водятся крокодилы или аллигаторы, однако сам Уильям их еще не встречал. Он невольно глянул вниз, как будто ожидая, что одна из этих тварей вот-вот вынырнет прямо у его ног. Теплый воздух еще не успел остыть, но по телу Уильяма пробежала легкая дрожь.

Он встряхнулся и повернул обратно, к месту квартирования. Уильям шел и думал, что до отъезда у него еще будет денек-другой. Может, за это время удастся вновь увидеть голубоглазую миссис Маккензи?

* * *

Лорд Джон постоял на крыльце гостиницы, глядя, как сын скрывается в тени деревьев. Лорда одолевали сомнения: все устроилось с несколько большей поспешностью, чем хотелось бы, но он и вправду был уверен, что Уильям не подведет. Конечно, предложение довольно рискованное. Конечно, такова солдатская жизнь, и все же некоторые ситуации куда опаснее других.

Он помедлил, слушая гул голосов, доносящийся из общего зала, потом решил, что на сегодня с него хватит компании. Рассказывать туда-сюда под низким потолком комнаты, душной от дневного зноя, тоже не хотелось, и потому лорд решил прогуливаться до тех пор, пока уставшее тело не запросит покоя.

Впрочем, дело было не только в духоте, понял он, когда спустился с крыльца и зашагал в сторону, противоположную той, куда ушел Вилли. Лорд Джон слишком хорошо себя знал и понимал, что, несмотря на явный успех своего плана, будет долго лежать без сна, как собака над костью, выискивая недостатки и придумывая способы их исправить. Ладно, в конце концов, Уильям уедет только через несколько дней, еще есть время подумать и, если нужно, внести изменения в план.

Вот, например, генерал Хау. Может, был выбор лучше? Скажем, Клинтон... Хотя нет. Генерал Клинтон – капризная старуха, он и с места не сдвинется без приказа, желательного в трех экземплярах.

Братья Хау, один – генерал, а другой – адмирал, славились тяжелым нравом и обладали манерами, внешним видом и запахом вебрей во время гона. Впрочем, соображали они прекрасно, и, Бог свидетель, смелости обоим было не занимать. Грей не сомневался, что Вилли вполне способен выдержать дурные манеры и крепкие словечки. Да и молодому субалтерну наверняка легче иметь дело с командиром, который плюет на пол (Ричард Хау как-то плюнул на самого Грея, но это вышло случайно: ветер внезапно переменялся), чем с причудами кое-каких других знакомых Грею военных джентльменов.

Однако даже самые эксцентричные из братства клинка все же предпочтительнее дипломатов, лениво подумал Грей. Интересно, каким собирательным термином можно назвать собрание дипломатов? Если писателей называют братьями по перу, а группу лис – стаей... может, банда дипломатов? Братство стилета? Нет, слишком прямолинейно, решил он. Скорее, дипломатический дурман. Братство зануд. Хотя те, кто не наводит скуку, бывают опасными.

Сэр Джордж Жермен⁶ принадлежал к редкой породе: он был опасным занудой.

Некоторое время лорд Грей бродил по улицам города, надеясь хорошенько устать перед тем, как вернуться к себе в душную комнатуху. Низко висело хмурое небо, среди туч мелькали зарницы, а атмосфера была насыщена влагой, словно губка в ванной. Лорд Грей вспомнил, что сейчас он должен был быть в Олбани⁷ – таком же душном и изобилующем насекомыми, но все же чуть более прохладном городе, возле чудесных густых лесов Адирондака⁸.

Тем не менее он нисколько не жалел о своей поспешной поездке в Уилмингтон. Вилли теперь пристроен, а это самое важное. И сестра Вилли, Брианна... Закрыв глаза, лорд Грей замер, еще раз переживая ощущение невероятности происходящего, у него вновь защемило сердце, как сегодня днем, когда он увидел их вдвоем во время первой и, скорее всего, последней встречи. Он едва дышал и не сводил глаз с двух высоких фигур, чьи красивые, открытые лица были так похожи. А еще они удивительно напоминали человека, который неподвижно стоял рядом с Греем, но, в отличие от него, жадно хватал ртом воздух, словно боялся, что никогда больше не сможет дышать.

Лорд Грей рассеянно потер безмянный палец левой руки, на котором больше не было кольца, к чему он никак не мог привыкнуть. Они с Джейми Фрэзером сделали все, чтобы уберечь своих близких, и теперь, несмотря на печаль, лорд Грей утешался мыслью, что общая ответственность их сроднила.

Интересно, встретится ли он когда-нибудь с Брианной Фрэзер Маккензи вновь? Она сказала, что нет, и, похоже, ее это огорчило не меньше, чем его самого.

– Храни тебя Бог, дитя, – прошептал он, качая головой, и повернул назад, к гавани. Он будет скучать, но, как и в случае с Вилли, облегчение оттого что Брианна вот-вот окажется за пределами Уилмингтона и в безопасности, пересиливало ощущение потери.

Он подошел к причалу, невольно бросил взгляд на воду и облегченно вздохнул, увидев пустой столб, покосившийся после отлива. Лорд Грей не понимал, зачем Брианна сделала то, что сделала, но он слишком хорошо знал ее отца – и ее брата, если на то пошло! – чтобы не заметить в синих кошачьих глазах упрямую целеустремленность. Именно поэтому он нашел небольшую лодку, а потом, задыхаясь от тревоги, стоял на причале, готовый, если придется, отвлечь внимание, пока муж Брианны вез ее к столбу с привязанным пиратом.

Лорд Грей много раз сталкивался со смертью: большинство людей умирали неохотно, некоторые – со смирением, но он ни разу не видел, чтобы кто-то умирал с такой горячей благодарностью во взгляде. Лорд почти не знал Роджера Маккензи, но подозревал в нем человека незаурядного, раз тот не только выжил в браке с этой роскошной и опасной женщиной, но и завел с ней детей.

Грей покачал головой и пошел обратно в гостиницу. У него еще есть в запасе пара недель, а потом придется ответить на письмо Жермена, которое он искусно выудил из сумки с дипломатической почтой, когда увидел на нем имя Уильяма. И тогда с чистой совестью можно будет написать, что письмо, к сожалению, доставили, когда лорд Элсмир уже отбыл в лесную глушь между Северной Каролиной и Нью-Йорком, и потому никак нельзя сообщить ему о приказе вернуться в Англию. Впрочем, он, Грей, уверен, что Элсмир будет весьма огорчен из-за упущенной возможности присоединиться к штабу сэра Джорджа, когда узнает об этом – через несколько месяцев. Печально.

Насвистывая «Лиллибуллеро»⁹, лорд Грей в прекрасном расположении духа зашагал к гостинице.

⁶ Джордж Жермен (1716–1785) – британский военный деятель, государственный секретарь правительства Великобритании в Америке во время Американской войны за независимость.

⁷ Олбани – столица штата Нью-Йорк.

⁸ Адирондак – горная цепь на северо-востоке штата Нью-Йорк.

⁹ Английский военный марш времен «Славной революции» 1688 года.

Он задержался в общем зале и попросил прислать ему в номер бутылку вина, но служанка сообщила, что «тот джентльмен» уже взял с собой наверх бутылку.

– И два бокала, – добавила служанка с улыбкой, от которой на ее щеках появились ямочки. – Вряд ли он собирается пить один.

Грею показалось, что по спине пробежала сороконожка.

– Прошу прощения, вы сказали, что у меня в комнате какой-то джентльмен? – переспросил он.

– Да, сэр, – подтвердила служанка. – Сказал, что вы с ним старые друзья... Погодите, он назвал свое имя... – Она нахмурила брови, но ее лицо тут же прояснилось. – «Бо-Шан», так он сказал, или что-то в этом роде. Имя вроде французское. Да и сам джентльмен вылитый француз. Может, вам закуску подать, сэр?

– Нет, спасибо.

Взмахом руки он отпустил служанку и начал подниматься по лестнице, торопливо прикидывая, не оставил ли он там чего-либо, не предназначенного для чужих глаз. Француз по имени Бо-Шан... Бичем. Имя сверкнуло в мозгу, как молния. Лорд Грей застыл на середине лестницы, потом вновь зашагал наверх, уже гораздо медленнее.

Не может быть... но тогда кто? Когда несколько лет назад он оставил военную службу, то занялся дипломатией, став членом английского «Черного кабинета», тайной организации, которая перехватывала и расшифровывала официальные дипломатические письма – и куда более личные послания, – что текли бесконечным потоком между европейскими правительствами. У каждого правительства был собственный «Черный кабинет», и служащие одного кабинета обычно знали тех, кто выступает на другой стороне. Они никогда не встречались, но узнавали друг друга по подписи, инициалам, даже по заметкам на полях.

Бичем считался одним из самых активных французских агентов. Грей несколько раз сталкивался с его деятельностью в прошлом, даже когда его собственные дни в «Черном кабинете» остались далеко позади. Ему пришлось в голову, что если он знает Бичема по имени, то вполне естественно предположить, что и тот его знает. Но ведь со времен их невидимого сотрудничества много воды утекло... Они никогда не встречались лично, и чтобы такая встреча произошла здесь... Лорд Джон тронул потайной карман своего сюртука и приободрился, услышав шелест бумаги.

На самом верху лестницы он помедлил; впрочем, не было смысла прятаться: его явно ждали. Уверенным шагом Грей прошел по коридору и повернул белую фарфоровую ручку двери, гладкую и холодную под его пальцами.

Грея словно обдало жаром, горло перехватило, и он невольно охнул. Наверное, к лучшему, ибо только нехватка воздуха не дала ругательству сорваться с его губ.

Джентльмен, что расположился на единственном в комнате кресле, действительно выглядел «вылитым французом»: его отлично пошитый костюм украшали каскады белоснежного кружева у горла и запястий, серебряные пряжки на туфлях гармонировали с благородной сединой на висках.

– Мистер Бичем, – произнес Грей и медленно затворил за собой дверь. Влажное белье прилипло к телу, в висках пульсировала кровь. – Боюсь, вы застали меня врасплох.

Персеверанс Уэйнрайт едва заметно улыбнулся.

– Рад тебя видеть, Джон.

* * *

Грей прикусил язык, дабы не сказать чего-нибудь необдуманного. Впрочем, все слова, которые он мог бы сказать, были необдуманными, за исключением разве что фразы: «Добрый вечер».

– Добрый вечер, – сказал он и вопросительно поднял бровь. – Месье Бичем?

– О да.

Перси попытался было встать, но Грей жестом велел ему оставаться на месте, а сам пошел за стулом, надеясь, что за эти несколько секунд успеет прийти в себя. Ничего не получилось, и он еще немного потянул время, открыв окно и пару раз вдохнув густой влажный воздух, и только потом повернулся и сел.

– Откуда ты его взял? – с деланой небрежностью спросил он. – Я имею в виду имя Бичем. Или это всего лишь псевдоним?

– Ах нет. – Перси достал обшитый кружевом носовой платок и аккуратно вытер пот со лба, волосы над которым, как заметил Грей, уже начали редеть. – Я женился на одной из сестер барона Амандина. Фамилия их семейства – Бичем, и я тоже ее принял. Родственные связи позволили мне войти в определенные политические круги, из которых...

Он очаровательно пожал плечами и грациозно взмахнул рукой: жест, который выразил всю его карьеру в «Черном кабинете». «И один бог знает, где еще», – мрачно подумал Грей.

– Поздравляю с женитьбой, – произнес он, даже не пытаясь скрыть иронию в голосе. – Так с кем из них ты спишь, с бароном или с его сестрой?

Перси довольно улыбнулся.

– Вообще-то, с обоими.

– Одновременно?

Перси улыбнулся еще шире. Зубы у него по-прежнему были хорошими, хотя и слегка потемнели от вина.

– Иногда. Хотя Сесиль – моя жена – предпочитает компанию своей кузины Лючианны, а мне больше нравятся ласки младшего садовника. Милейший юноша по имени Эмиль. Он очень похож на тебя... в молодости. Такой же стройный, белокурый, мускулистый и грубый.

К своему ужасу, Грей почувствовал, что едва сдерживает смех.

– Звучит весьма по-французски, – сухо произнес он. – Уверен, что тебя это вполне устраивает. Чего ты хочешь?

– Вопрос в том, чего хочешь ты.

Перси еще не притронулся к вину. Он взял бутылку и аккуратно наполнил стаканы темно-красной жидкостью.

– Или, вернее сказать, чего хочет Англия, – он с улыбкой протянул бокал Грею. – Ведь твои личные интересы неотделимы от интересов твоей страны, не так ли? В сущности, должен признаться, ты всегда казался мне олицетворением самой Англии, Джон.

Грей отчаянно желал, чтобы Перси прекратил называть его по имени, но возразить не мог – это бы только усилило воспоминания об их былой близости, чего, собственно, Перси и добивался. Решив не обращать внимания на фамильярность, Грей глотнул вина, которое оказалось на удивление хорошим. Интересно, заплатил ли за него Перси, а если заплатил, то как?

– Значит, чего хочет Англия, – скептически повторил он. – А ты как считаешь, чего она хочет?

Перси отпил из бокала, подержал вино во рту, смакуя, и только потом проглотил.

– Вряд ли это секрет, милый.

Грей вздохнул и посмотрел ему в глаза.

– Ты уже видел эту «Декларацию независимости», принятую так называемым Континентальным конгрессом? – спросил Перси.

Он повернулся, достал из висевшей на спинке кресла кожаной сумки пачку сложенных бумаг и протянул Грею.

Грей еще не видел этого документа, хотя, конечно, о нем слышал. Его опубликовали всего лишь две недели назад в Филадельфии, но копии «Декларации» распространились по коло-

ниям, как семена сорняков, подхваченные ветром. Вопросительно подняв бровь, Грей развернул бумаги и пробежал по ним взглядом.

– Так, значит, король – тиран? – сказал он, усмехнувшись. Авторы документа явно не стеснялись в выражениях. Он снова сложил листки и бросил на стол. – Если я – олицетворение Англии, то ты в нашем разговоре, полагаю, воплощаешь Францию?

– Я представляю там определенные интересы, – прямо ответил Перси. – И в Канаде тоже.

В мозгу Грея звякнул тревожный колокольчик. Грей воевал под командованием Вольфа в Канаде и прекрасно знал, что, хотя французы и потеряли в той войне значительную часть своих колоний в Северной Америке, сейчас они яростно сражаются за северную территорию от долины реки Огайо до Квебека. Достаточно ли это близко, чтобы доставить неприятности? Не похоже, но нельзя утверждать наверняка, когда речь идет о французах. Или о Перси.

– Англия, само собой, хочет, чтобы эта заварушка поскорее закончилась. – Перси махнул длинной узловатой рукой в сторону бумаг. – Так называемая Континентальная армия – всего лишь жалкое сборище неопытных людей с противоречивыми взглядами. Что, если бы я предложил тебе информацию, которую можно было бы использовать для... скажем, для того, чтобы поставить под сомнение верность одного из старших офицеров Вашингтона?

– Допустим, – ответил Грей, не скрывая скептической нотки в голосе. – Но какую пользу это принесет Франции? Или тебе лично, ибо я смею предположить, что ваши интересы не совсем совпадают.

– Я вижу, Джон, что ты как был, так и остался циником. Одно из самых неприятных твоих качеств... Не помню, говорил ли я тебе об этом.

Грей слегка округлил глаза, и Перси вздохнул.

– Ну хорошо, речь идет о землях, – сказал он. – Северо-Западные территории. Мы хотим их вернуть.

Грей насмешливо хмыкнул.

– Кто бы сомневался.

Эти территории, обширный кусок земли к северо-западу от долины реки Огайо, отошли от Франции к Британии в конце франко-индейской войны. Впрочем, из-за вооруженного сопротивления аборигенов и затянувшихся попыток заключить с ними договор Британия не заняла эту территорию и не пускала туда колонистов. Понятное дело, колонистам это не нравилось. Грею доводилось сталкиваться с аборигенами, и он считал позицию Британского правительства разумной и честной.

– Французские торговцы имели обширные связи с аборигенами, а у вас ничего нет.

– Так ты представляешь интересы торговцев пушниной?

Перси широко улыбнулся.

– Не только.

Грей не стал спрашивать, почему Перси обратился именно к нему, отставному дипломату, к тому же не особо влиятельному. Перси прекрасно знал о возможностях и связях семьи Грея еще с тех пор, когда они были близки, и наверняка «месье Бичему» удалось узнать гораздо больше о нынешних знакомствах лорда Джона из источников информации, доступных европейским «Черным кабинетам». Конечно, от самого Грея ничего не зависит, но он может втайне сообщить о предложении людям, облеченным властью.

На душе стало тревожно, волосы на теле приподнялись, словно усики насекомого.

– Нам потребуется несколько больше, чем просто предложение, – холодно произнес Грей. – Например, имя того офицера.

– Сейчас я не могу его назвать, но, как только начнутся честные переговоры...

Грей уже прикидывал, кому стоит передать предложение Перси. Только не сэру Джорджу Жермену. Может, людям лорда Норта?¹⁰ Впрочем, это пока подождет.

– А как насчет твоих личных интересов? – резко спросил он, поскольку хорошо знал Перси и понимал, что тот ничего не станет делать без выгоды для себя.

– Ах, это. – Перси отпил вина, опустил бокал и посмотрел сквозь него ясным взглядом на Грея. – Мне поручили найти одного человека. Знаешь ли ты некоего шотландского джентльмена по имени Джеймс Фрэзер?

Ножка бокала Грея треснула, однако он не опустил бокал, а осторожно сделал глоток, благодаря Богу за то, что, во-первых, никогда не упоминал имя Джейми Фрэзера при Перси, а во-вторых, за то, что сегодня днем Фрэзер уехал из Уилмингтона.

– Нет, – спокойно произнес Грей. – А что, собственно, тебе нужно от этого самого мистера Фрэзера?

Перси пожал плечами и улыбнулся.

– Всего лишь хочу задать ему пару вопросов.

Грей чувствовал, как из рассеченной ладони сочится кровь. Аккуратно сжимая надтреснутый бокал, он допил вино. Не говоря ни слова, Перси тоже выпил.

– Мои соболезнования по поводу кончины твоей жены, – тихо произнес он. – Я знаю, что она...

– Ты ничего не знаешь! – Грей положил разбитый бокал на стол; чаша покатилась, остатки вина омывали стекло изнутри. – Ничего. Ни о моей жене, ни обо мне.

Перси едва заметно пожал плечами. Типично галльский жест, словно говорящий: «Ну, как скажешь». И все же его глаза... по-прежнему прекрасные, чтоб его, глаза, темные и ласковые... Казалось, они смотрят на Грея с искренним сочувствием.

Грей вздохнул. Конечно, с искренним. Перси нельзя было доверять – ни в прошлом, ни сейчас, – но он поступил так, как поступил, исключительно из-за своей слабости, а не по злему умыслу или от недостатка чувств.

– Чего ты хочешь? – повторил он.

– Твой сын...

Грей резко повернулся к нему и схватил за плечо так грубо, что Перси охнул и сжался. Грей наклонился, вглядываясь в лицо Уэйнрайта... простите, Бичема. Грей ощущал тепло его дыхания на своей щеке, чувствовал запах одеколona... Кровь из пораненной ладони испачкала сюртук Уэйнрайта.

– В нашу последнюю встречу я едва не всадил тебе пулю в голову, – очень тихо сказал Грей. – Не дай мне пожалеть о своей сдержанности.

Он отпустил Перси и выпрямился.

– Держись подальше от моего сына... и от меня тоже. А вот тебе добрый совет: возвращайся во Францию. И как можно скорее.

Повернувшись на каблуках, он стремительно вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь. Он уже дошел до середины улицы, когда понял, что оставил Перси одного в своей комнате.

– Ну и черт с ним, – пробормотал Грей и отправился просить приюта у сержанта Каттера. Утром надо будет удостовериться, что семейство Фрэзеров и Вилли благополучно покинули Уилмингтон.

¹⁰ Фредерик Норт (1732–1792) – 12-й премьер-министр Великобритании с 1770 по 1782 год, недалёковидная политика которого во время Американской войны за независимость стоила Британии потери заокеанских колоний.

Глава 2

А иногда – нет

Лаллиброх, Шотландия. Сентябрь, 1980 г.

– Мы живы, – повторила Брианна Маккензи дрожащим голосом. Она посмотрела на Роджера, прижав письмо к груди обеими руками. По ее лицу бежали слезы, но голубые глаза радостно сияли. – Живы!

– Дай мне взглянуть.

Сердце Роджера стучало так сильно, что он едва расслышал собственные слова. Он протянул руку, Брианна неохотно отдала исписанные странички и тут же подошла, прильнула к нему. Пока Роджер читал, она крепко держала его за руку, не в силах отвести глаз от листа старинной бумаги.

Бумага ручной работы, со следами вдавленных в волокна цветов и листьев, была приятно шероховатой на ощупь. Она пожелтела от времени, но осталась плотной и на удивление гибкой. Бри сделала ее сама – двести с лишним лет назад.

Роджер вдруг понял, что у него трясутся руки: листок дрожал так, что было почти невозможно прочитать неровные, выцветшие строки, написанные размашистым почерком.

«31 декабря 1776 года.

Доченька, если получишь это письмо, знай, что мы живы...»

Глаза Роджера заволокло слезами, и он вытер их тыльной стороной ладони. Какая разница, говорил он себе, ведь сейчас они точно мертвы, Джейми Фрэзер и жена его, Клэр, – но от слов на бумаге его охватила такая радость, словно они вдвоем стояли перед ним и улыбались.

Как выяснилось, они действительно были вдвоем. Письмо начал писать Джейми – Роджер, казалось, слышал его голос, – однако на второй странице повествование продолжила Клэр. Роджер узнал ее твердый наклонный почерк.

«Рука твоего отца уже не слушается, а это чертовски длинная история. Он целый день рубил лес и теперь едва разгибает пальцы, но захотел лично сообщить тебе о том, что мы не сгорели дотла, во всяком случае, пока. Впрочем, это может произойти в любую минуту: нас четырнадцать человек, и мы все набились в старую хижину. Я пишу эти строки, почти сидя на очаге, умирающая бабуля Маклауд хрипит на соломенном тюфяке у моих ног, чтобы, если вдруг она начнет умирать, я могла бы влить ей в глотку немного виски.

– Господи, я прямо-таки слышу ее! – удивился Роджер.

– Я тоже. – По лицу Бри все еще текли слезы, но они были слепым дождиком, что закапал солнечным днем, и она вытерла их, смеясь и шмыгая носом. – Читай дальше. Почему они в нашей хижине? Что случилось с Большим домом?

Роджер провел пальцем вниз по странице, чтобы найти место, где остановился.

– О боже! – вырвалось у него.

«Помнишь того придурка, Доннера?»

От одного имени по рукам побежали мурашки. Доннер, путешественник по времени. Один из самых никчемных людей, которых Роджер когда-либо встречал, и потому еще более опасный.

«Так вот, в этот раз он превзошел сам себя, собрав банду головорезов из Браунсвилля и убедив их, что у нас есть драгоценные камни, которыми можно пожить. Только у нас ничего, конечно, не было».

Конечно, не было, ведь он сам, Брианна, Джемми и Аманда забрали оставшиеся драгоценности, чтобы наверняка пройти через стоячие камни.

«Они взяли нас в заложники и перевернули весь дом (черт бы их подрал!), умудрившись разбить бутылку с эфиром в моей операционной. От паров эфира мы чуть было все не заснули прямо на месте...»

Роджер торопливо дочитал письмо. Брианна заглядывала через плечо, негромко охая от волнения и тревоги. Закончив, он отложил листок и, едва сдерживаясь, повернулся к жене.

– Значит, это твоя работа! – Роджер понимал, что не должен так говорить, но промолчать и не фыркать от смеха было выше его сил. – Ты и твои чертовы спички... Ты сожгла дом!

На ее лице попеременно отразились ужас, негодование и, да, безудержное веселье, под стать его собственному.

– Ничего подобного! Это все мамин эфир. Могло рвануть от любой искры...

– Это была не любая искра, – заметил Роджер. – Твой кузен Йен зажег одну из твоих спичек!

– Значит, виноват Йен!

– Нет, только ты и твоя матушка. Ох уж эти ученые женщины! – Роджер покачал головой. – И как только восемнадцатый век вас пережил?

Брианна чуточку рассердилась.

– Ничего бы не случилось, если бы не идиот Доннер!

– Согласен, – кивнул Роджер, – но он ведь тоже был баламутом из будущего, так? Хотя, если честно, его нельзя назвать ни ученым, ни женщиной.

Фыркнув, Брианна взяла письмо и бережно сложила.

– Что ж, он и не пережил восемнадцатое столетие.

Она говорила, опустив глаза с покрасневшими веками.

– Неужели тебе его жалко? – Роджер не верил своим ушам.

Брианна покачала головой, водя пальцами по плотной мягкой бумаге.

– Не столько его самого... Просто... сама мысль о том, чтобы умереть вот так... Я имею в виду, совсем одному, вдали от дома.

Нет, не о Доннере она думала. Роджер обнял Бри, прижался к ее голове своей. Уловив запах шампуня и свежей капусты, он понял, что Бри вернулась с огорода. Выдавленные пером на бумаге слова поблекли, но были четкими и разборчивыми – как-никак, почерк хирурга.

– Она не одна, – прошептал Роджер, проводя пальцем по постскриптому, который, судя по размашистому почерку, дописал Джейми. – И он тоже. И неважно, есть ли у них над головой крыша или нет: они оба дома.

* * *

Я отложила письмо, решив, что у меня еще будет время закончить. Я писала его уже несколько дней, когда улучала свободную минуту. Если уж на то пошло, мне не нужно спешить, чтобы отправить его с уходящей почтой, так что особой спешки и нет. От этой мысли я усмехнулась и, аккуратно сложив листки бумаги, сунула их в новую рабочую сумку, чтобы не потерять. Промокнула перо, отложила в сторону и растерла занемевшие пальцы, стараясь продлить то чудесное ощущение единения, которое давала работа над письмом. Пишу я, конечно, легче

и быстрее Джейми, но возможности человеческого тела не безграничны, а сегодняшний день был ужасно долгим.

Я взглянула на тюфяк, который лежал с другой стороны очага, как делала каждые несколько минут, но оттуда доносилось только хриплое дыхание бабули Маклауд. Пожилая женщина дышала так редко, что, ожидая очередного вдоха, я могла бы поклясться: его не последует. Но она все не умирала, и, по моим наблюдениям, должна была еще протянуть какое-то время. Я надеялась, что она отойдет в мир иной до того, как мои скудные запасы опиумной настойки закончатся.

Я не знала, сколько ей лет: выглядела она на сотню или около того, но вполне могла быть моложе меня. Два внука-подростка привезли ее пару дней назад. Они спустились с гор, чтобы отвезти бабушку к родственникам в Кросс-Крик, а потом присоединиться к отрядам ополчения в Уилмингтоне, но бабушке, как они выразились, «поплохело». Кто-то подсказал парням, что неподалеку в Ридже есть хорошая лекарка, вот они и притащили пожилую женщину ко мне.

У бабули Маклауд, как я ее называла – внуки не догадались сообщить мне ее имя, а сама она по понятным причинам сказать его не могла – почти наверняка была какая-то разновидность рака на последней стадии. Тело женщины иссохло, лицо болезненно морщилось, хотя она лежала без сознания, кожа посерела.

Огонь почти догорел, следовало бы пошевелить его и подбросить пару сосновых поленьев, но на моем колене покоилась голова Джейми. Может, я дотянусь до поленницы, не потревожив его? Я легонько оперлась на плечо Джейми, чтобы не потерять равновесия, и с трудом дотянулась до небольшого чурбачка. Прикусив нижнюю губу, осторожно вытащила его и ухитрилась отправить в очаг, выбив из тлеющих угольков облако искр и дыма.

Джейми заворочался под моей рукой, пробормотал что-то невнятное, но потом, когда я сунула полено в огонь и выпрямилась, вздохнул, повернулся на другой бок и снова заснул.

Бросив взгляд на дверь, я прислушалась, но снаружи слышался только шум ветра в кронах деревьев. Впрочем, других звуков бы и не было, учитывая, что ждала я Йена-младшего.

Они с Джейми ходили в дозор по очереди, прячась в деревьях за обгорелыми развалинами Большого дома. Йен караулил уже более двух часов и вот-вот должен был вернуться, чтобы перекусить и погреться у очага.

– Кто-то пытался убить белую свинью, – озадаченно сообщил он за завтраком три дня назад.

– Что? – Я передала ему миску политой медом овсянки с куском тающего масла. К счастью, когда произошел пожар, бочонки с медом и ящики с сотами были в кладовой у родника. – Ты уверен?

Йен кивнул и, взяв миску, с наслаждением вдохнул поднимающийся над ней пар.

– Ага, у нее порез на боку. Неглубокий, и уже заживает, тетушка, – добавил он, кивая в мою сторону. Похоже, Йен считал, что здоровье свиньи интересует меня ничуть не меньше, чем физическое благополучие остальных обитателей Риджа.

– Да? Вот и хорошо, – сказала я, хотя вряд ли смогла бы помочь, если бы рана не заживала. Я могла лечить и не раз успешно лечила лошадей, коров, коз, овец и прочую живность, включая кур, которые перестали нестись, но эта свинья была сама себе хозяйка.

Услышав про свинью, Эми Хиггинс перекрестилась.

– На нее напал медведь, – сказала она. – Больше бы никто не осмелился. Эйдан, а ну-ка послушай, что говорит мистер Йен! Не отходи далеко от дома и присматривай за братом, когда выходите на улицу.

– Мам, медведи зимой спят, – рассеянно ответил Эйдан, не сводя глаз с волчка, новой игрушки, которую вырезал Бобби, его новоиспеченный отчим.

У Эйдана никак не получалось запустить волчок правильно. Скопив глаза к переносице, он сосредоточенно уставился на игрушку, поставил ее на стол и, затаив дыхание, дернул

за бечевку. Волчок пролетел через стол, со звоном ударился о банку с медом, отскочил и едва не угодил в молоко – Йен успел поймать игрушку. Жуя поджаренный хлеб, он жестом попросил у Эйдана бечевку, смотал ее и натренированным движением запястья отправил волчок прямо на середину стола. Эйдан смотрел на него, открыв рот, а потом, когда игрушка докатилась до края и упала, нырнул за ней под стол.

– Не, это не зверь, – произнес Йен, наконец проглотив еду. – Рана слишком ровная. Кто-то напал на свинью с ножом или палашом.

Джейми оторвал взгляд от подгорелого тоста.

– Ты нашел тело?

Йен коротко ухмыльнулся и покачал головой.

– Нет, если она его убила, то наверняка сожрала... но я не обнаружил никаких останков.

– Свиньи едят очень неаккуратно, – заметил Джейми. Он осторожно откусил подгорелый хлеб, поморщился, но мужественно съел.

– Думаете, индейцы? – спросил Бобби. Маленький Орри завозился, пытаясь слезть с колен новоиспеченного отчима, и тот послушно усадил малыша на его любимое место под столом.

Джейми и Йен переглянулись, и я почувствовала, как волосы на затылке слегка зашевелились.

– Вряд ли, – ответил Йен. – Все местные чероки ее отлично знают и даже близко к ней не подойдут. Считают, что она демон, да.

– А кочевые индейцы с севера вооружены стрелами и томагавками, – закончил Джейми.

– Вы уверены, что это не пантера? – с сомнением спросила Эми. – Они ведь охотятся зимой?

– Конечно, – согласно кивнул Джейми. – Вчера я видел кошачьи следы вверх по Зеленому ручью. Эй вы там, слышите? – Он нагнулся к мальчишкам под столом. – Будьте осторожны, ясно?

Он выпрямился и добавил:

– Но на свинью напала не пантера. Думаю, Йен способен отличить следы когтей от ножовых порезов.

Он бросил насмешливый взгляд на Йена, который из вежливости не закатил глаза, а лишь кивнул, с подозрением глядя на корзинку с тостами.

Никому и в голову не пришло предположить, что свинью ранил кто-либо из обитателей Риджа или Браунвилля. Хотя религиозные взгляды местных пресвитерианцев и индейцев чероки совершенно не совпадали, и те, и другие считали белую свинью исчадием ада.

Лично я подозревала, что они правы. Эта тварь умудрилась выжить в пожаре Большого дома и вылезла из своего логова под фундаментом прямо в россыпь разлетающихся головешек, ведя за собой подросших поросят.

– Моби Дик! – вдохновенно воскликнула я.

С недоуменным «вуф!» Ролло поднял голову, посмотрел на меня желтыми глазами и, вздохнув, снова положил морду на лапы.

– Кто-кто дик? – сонно спросил Джейми.

Кряхтя и потягиваясь, он сел, потер рукой лицо и, моргая спросонья, уставился на меня.

– Я просто подумала, кого мне напоминает эта свинья, – объяснила я. – Это долгая история. Про кита. Завтра расскажу.

– Если я доживу, – сказал он и зевнул так, что едва не вывихнул челюсть. – Где виски? Или ты бережешь его для бедной женщины?

Джейми кивнул на укутанную одеялом бабулю Маклауд.

– Пока нет. Держи.

Я пошарила в корзинке под своим стулом и достала закупоренную бутылку.

Он выдернул пробку и выпил. На его щеки постепенно возвращался румянец. Днем Джейми либо охотился, либо рубил лес, а полночи проводил в стылом лесу, и даже его огромный запас жизненных сил стал истощаться.

– Сколько времени это продлится? – спросила я, понизив голос, чтобы не разбудить Хиггинсов – Бобби, Эми, двух мальчишек и двух золовок Эми от первого брака, которые приехали на свадьбу несколькими днями раньше, прихватив с собой пятерых детей не старше десяти лет. Сейчас вся компания спала в маленькой спальне.

После отъезда парней Маклауд в хижине стало чуть попросторнее, но нам с Джейми, Йену, его псу Ролло и бабуле Маклауд пришлось ютиться на полу большой комнаты, где вдоль стен громоздились пожитки, которые удалось вытащить из огня. Неудивительно, что порой я испытывала приступы клаустрофобии, а Джейми и Йен проводили много времени в дозоре не только потому, что искали в лесу чужаков, но и чтобы глотнуть свежего воздуха.

– Недолго, – уверил меня Джейми, чуть вздрогнув от большого глотка обжигающего виски. – Если сегодня никого не найдем...

Он замолчал на полуслове и резко повернулся к двери.

Я ничего не услышала, но увидела, как дернулась щеколда, и почти сразу ледяной порыв ветра ворвался в комнату, запустил холодные пальцы мне под юбку и выбил из огня фонтан искр.

Поспешно схватив тряпку, я прихлопнула их прежде, чем они успели поджечь волосы или постель бабули Маклауд. Когда я совладала с пламенем, Джейми уже пристегивал к поясу пистолет, патронташ и пороховой рожок, вполголоса разговаривая у двери с Йеном, покрасневшимся от холода и явно взволнованным. Ролло тоже поднялся и теперь обнюхивал ноги Йена, виляя хвостом и предвкушая приключения в морозном лесу.

– А тебе лучше остаться, псина, – сказал Йен, почесывая холодными пальцами собаку за ушами. – *Sheas!*¹¹

Ролло недовольно заворчал и попытался протиснуться мимо Йена, но тот ловко остановил пса ногой. Джейми натянул сюртук, расправил плечи, повернулся ко мне и, нагнувшись, торопливо поцеловал.

– Запри дверь, *a nighean*, – прошептал он, – и не открывай никому, кроме меня или Йена. – Что... – начала было я, но они уже ушли.

* * *

Ночь стояла холодная и ясная. Джейми глубоко вздохнул и вздрогнул, позволяя холоду завладеть своим телом, унести прочь тепло жены, дым и запах очага. Кристаллики льда обожгли легкие, проникли в кровь. Он повернул голову в одну сторону, потом в другую, принюхиваясь, словно волк, вдыхая ночь. Ветра почти не было, нодвигающийся с востока воздух нес от развалин Большого дома горьковатый запах пепла и, как показалось Джейми, слегка отдавал кровью.

Джейми бросил взгляд на племянника, вопросительно дернув головой. Йен, чей силуэт темнел на фоне лавандового неба, кивнул.

– Там мертвая свинья, – негромко сказал он. – Прямо за тетушкиным садом.

– Да? Неужели белая свиноматка?

От этой мысли сердце Джейми екнуло. Вот интересно, пожалеет ли он эту тварь или спляшет от радости на ее останках? Но нет, Йен покачал головой – движение, которое Джейми скорее почувствовал, нежели увидел.

¹¹ Стоять! (гэльск.)

– Нет, не эта злобная зверюга. Подсвинок, может, из прошлогоднего помета. Кто-то его убил, но забрал лишь пару небольших кусков из задней ноги. А добрую часть того, что взял, мелко нарубил и разбросал вдоль тропы.

Джейми удивленно оглянулся.

– Что?

Йен пожал плечами.

– Ага. Да, еще, дядя: свинью убили и выпотрошили топором.

Кровь заледенела в жилах Джейми, сердце едва не остановилось.

– Иисусе, – вымолвил он, но не потому, что новость его потрясла, нет, она скорее подтвердила давнишние подозрения. – Значит, все-таки он.

– Ага.

Они оба знали, что это так, но обсуждать ничего не хотелось. Не проронив ни слова, они пошли от хижины в сторону деревьев.

– Ну, что же. – Джейми сделал глубокий вдох, выдохнул, и дыхание повисло в темноте белым облачком.

Он надеялся, что Арч заберет свое золото, жену и уберется из Риджа, но понимал, что этого не произойдет. Арч Баг был Грантом по крови, а клан Грантов славился мстительностью.

Лет пятьдесят назад Фрэзеры из Гленхельма поймали Арча Бага на своей земле и предложили ему на выбор лишиться глаза или указательного и среднего пальцев на правой руке. Он смирился с искалеченной рукой, и, не имея возможности стрелять из лука, мастерски освоил топор, которым, несмотря на преклонный возраст, владел не хуже любого могавка.

А не смирился он с провалом дела Стюартов и с потерей якобитского золота, слишком поздно посланного из Франции, которое спас – или похитил, в зависимости от точки зрения, – Гектор Камерон. Он привез треть сокровища в Северную Каролину, и там у его вдовы Арч Баг это золото украл – или вернул законному владельцу.

Договориться с Джейми Фрэзером Арч тоже не смог.

– Думаешь, это угроза? – спросил Йен.

Они отошли довольно далеко от хижины и, стараясь держаться ближе к деревьям, зашагали вокруг большой поляны, где недавно стоял Большой дом. Печная труба и половина стены до сих пор стояли на пепелище, обугленные и угрюмые на фоне грязного снега.

– Вряд ли. Если он решил угрожать, то почему так долго ждал? – ответил Джейми, но про себя поблагодарил Бога, что дочь и ее малыши в безопасности.

Мертвая свинья – не самая страшная угроза, и Джейми не сомневался, что Арч Баг способен на все.

– Возможно, он уходил, – предположил Йен. – Пристроил где-то жену и только сейчас вернулся.

Вполне разумное предположение: если Арч Баг и любил кого-нибудь на этом свете, то только жену Мурдину, которая вот уже более полувека была его опорой и поддержкой.

– Может, и так, – сказал Джейми.

И все же... И все же с тех пор, как Баг исчез, Джейми не раз ощущал спиной чей-то взгляд. Чувствовал тишину, которая не имела отношения к безмолвию деревьев и скал.

Он не спросил, искал ли Йен следы старого рубака, – будь там хотя бы один след, Йен его нашел бы. Но уже больше недели не было свежего снега, а тот, что еще оставался, лежал на земле грязными клочьями, истоптанный бесчисленным количеством ног. Джейми взглянул на небо: похоже, вот-вот пойдет снег.

Он поднимался по уступу скалы, осторожно ступая по льду. Днем снег таял, но ночью вода снова замерзала, свисая с крыши хижины и ветвей деревьев блестящими сосульками, которые наполняли лес цветом голубого предрассветного неба, а затем падали золотыми и бриллиантовыми каплями под восходящим солнцем. Теперь же они стали бесцветными

и стеклянно звенели, когда рукав задевал обледеневшие кусты. Джейми добрался до самого верха и присел, оглядывая поляну.

Так-так. Уверенность в том, что Арч Баг недавно был здесь, вызвала череду подсознательных умозаключений, которые оформились в четкую и ясную мысль.

– У него есть только две причины вернуться сюда, – сказал он Йену. – Чтобы рассчитаться со мной или чтобы забрать золото. Все, что еще осталось.

Джейми дал слиток золота Багу, когда выдворил его вместе с женой, узнав об их предательстве. Половины французского слитка пожилым супругам хватило бы, чтобы прожить остаток жизни скромно, но в тепле и уюте. Однако Арч Баг не отличался скромностью. Когда-то он был арендатором у лэрда Гранта во владениях Грантов, и, хотя ему пришлось на время смириться со своей гордыней, рано или поздно она бы восстала из могилы.

Йен, похоже, заинтересовался.

– Все, что еще осталось, – повторил он, глядя на Джейми. – Думаешь, он спрятал золото где-то здесь, но в таком месте, откуда не смог забрать, когда ты его выгнал?

Джейми дернул плечом, всматриваясь в поляну. Дом больше не закрывал крутую тропинку, которая вела наверх, туда, где совсем недавно был садик жены, огороженный от оленей частоколом. Сейчас там осталось несколько кольев, которые чернели на фоне грязного снега. Ничего, подумал Джейми, когда-нибудь, даст Бог, он сделает для нее новый сад.

– Если Арч хотел только свести счеты, у него была такая возможность, – заметил Джейми.

Сверху он прекрасно видел зарубленную свинью: темная туша лежала на тропе в большой луже крови. Отогнав внезапную мысль о Мальве Кристи, Джейми вновь принялся рассуждать.

– Да, Арч спрятал золото где-то здесь, – повторил он более уверенно. – Если бы ему удалось забрать все золото, он давно бы ушел. А он выждал, пытался найти способ добраться до сокровища. Но незаметно достать золото он не смог, вот и пытается что-нибудь придумать.

– Ага, только вот что? Эта... – Йен кивком показал на бесформенную грудку на тропе. – Я вначале подумал, что там какая-то ловушка или западня, но нет. Я смотрел.

– Может, приманка?

Даже сам Джейми явственно чувствовал запах крови, что тогда говорить о хищниках, для которых он был настоящим приглашением на обед. Едва Джейми об этом подумал, как возле свиньи что-то мелькнуло, и он схватил Йена за плечо.

Еще одно почти незаметное движение, и маленький гибкий зверек юркнул за свиную тушу.

– Лиса! – в один голос воскликнули оба и тихо рассмеялись.

– Как насчет той пантеры с Зеленого ручья? – с сомнением в голосе сказал Йен. – Я видел вчера следы. Что, если Арч хочет подманить ее этой свиньей и достать золото, пока мы будем разбираться с кошкой?

Джейми нахмурился и посмотрел на хижину. Ну да, заметив пантеру, мужчины могут броситься за ней, но женщины и дети наверняка останутся внутри. Да и куда можно спрятать золото в месте, где живет так много людей? Взгляд Джейми упал на длинные неровные очертания обжиговой печи, которая стояла чуть в стороне от хижины и не использовалась с тех пор, как уехала Брианна. От волнения Джейми резко выпрямился. Неужели... Но нет, Арч таскал золото у Йокасты Камерон по слитку зараз и тайком приносил его в Ридж, начав задолго до отъезда Брианны. А вдруг...

Неожиданно Йен замер, и Джейми повернул голову, чтобы посмотреть, в чем дело. Поначалу он ничего не увидел, но затем до него донесся звук, который услышал Йен. Приглушенное хрюканье, шорох, треск, потом среди обугленных балок створенного дома что-то зашевелилось, и тут Джейми осенило.

– Господи Иисусе, – выдохнул он и вцепился в руку Йена с такой силой, что тот охнул. – Золото под Большим домом!

Огромная белая свинья вылезла из своего логова под развалинами дома – массивная, розовеющая в ночном мраке туша, – встала, поводя головой туда-сюда и принюхиваясь, после чего со злобным видом устремилась вверх по холму.

Джейми чуть не рассмеялся от подобной красоты.

Хитроумный Арч Баг прятал золото под фундаментом Большого дома, выбирая то время, когда свинья уходила по своим делам. Никому бы и в голову не пришло вторгнуться во владения белой свиньи: лучшего сторожа не сыщешь. Несомненно, Арч думал, что когда он соберется уходить, то сможет забрать золото тем же путем: осторожно, по одному слитку зараз. Но дом сгорел, обугленные балки завалили фундамент, и достать сокровище, не привлекая внимания, стало делом почти невозможным и весьма хлопотным. И только сейчас, когда мужчины расчистили почти все завалы (и разнесли сажу и уголья по всей поляне), появилась возможность незаметно вытащить что-либо из тайника под фундаментом. Однако стояла зима, и белая свинья, хотя и не впала, как медведь, в спячку, почти не выходила из логова, разве только поесть.

Йен охнул, услышав хруст и чавканье, доносящиеся с тропы. Его передернуло от отвращения.

– Свиньи напрочь лишены нежных чувств, – пробормотал Джейми. – Если наткнутся на труп, то непременно слопают.

– Так это ж, поди, ее собственный отпрыск!

– Она частенько сжирает живых поросят, сомневаюсь, что побрезгует мертвым.

– Ш-ш!

Джейми тут же замолчал, глядя на чернеющее пепелище, которое когда-то было самым красивым домом в округе. Так и есть, из-за кладовой над ручьем возникла темная фигура, которая осторожно кралась по скользкой тропе. Свинья, увлеченная ужасной трапезой, не обращала внимания на укутанного в плащ человека, который нес что-то вроде мешка.

* * *

Я не сразу закрыла дверь на засов, а, заперев Ролло, вышла из хижины, чтобы глотнуть свежего воздуха. Не прошло и нескольких секунд, как Джейми с Йеном скрылись за деревьями. Я беспокойно оглядела поляну, посмотрела на черную громаду леса, но ничего особенного не увидела. Ничего не двигалось, в ночи ни звука, ни шороха. Что же такое нашел Йен? Может, незнакомые следы? Тогда понятно, почему он торопился: вот-вот пойдет снег.

Луны не было видно, но небо окрасилось в глубокий розовато-серый цвет, истоптанную землю кое-где покрывал старый снег, и потому казалось, что в воздухе висит странная молочная дымка и все предметы прячут в ней, расплывчатые и неясные, как будто нарисованные на стекле. Обгорелые развалины Большого дома виднелись в дальнем конце поляны и с этого расстояния выглядели грязным пятном, похожим на огромный отпечаток большого пальца, измазанного сажой. Я чувствовала тяжесть надвигающегося снегопада, слышала его в приглушенном шелесте сосен.

Когда ребята Маклауд со своей бабулей спустились с гор, они сказали, что еле-еле перешли через высокие перевалы. Очередная снежная буря, скорее всего, отрежет нас от мира до самого марта. Или даже до апреля.

Вспомнив таким образом о своей пациентке, я еще раз оглядела поляну и взялась за щеколду. Ролло скулил и царапал дверь, и, когда я ее открывала, мне пришлось бесцеремонно выставить колено прямо перед собачьей мордой.

– Стоять, псина, – скомандовала я. – Не тревожься, они скоро придут.

Тоскливо заскулив, Ролло заметался под дверью, тычась в мои ноги и пытаясь выскочить наружу.

– Нет! – сказала я, отпихивая пса, чтобы запереть дверь.

Глухо звякнув, задвижка встала на место, и я повернулась к огню, потирая руки. Ролло запрокинул голову и заунывно завыл. От его тоскливого воя у меня зашевелились волосы.

– Что такое? – встревоженно спросила я. – Тихо!

От шума кто-то из детей в спальне проснулся и заплакал. Я услышала, как зашуршали одеяла и сонный материнский голос успокоил малыша. Присев, я схватила Ролло за морду, прежде чем он снова завыл. Шикнув на пса, я посмотрела, не разбудил ли он бабулю Маклауд. Та лежала неподвижно, глаза на бледном, словно восковом лице закрыты. Автоматически отсчитывая секунды, я ждала, когда ее грудная клетка поднимется в очередной раз. *Шесть... семь...*

– Ох, черт побери! – выругалась я, поняв, что произошло.

Торопливо перекрестившись, я подползла к ней на коленях, но при более близком осмотре не обнаружилось ничего, что я не видела бы раньше. Оставаясь скромной до последнего, она умерла тихо и незаметно в те несколько минут, когда я отвлеклась.

Ролло больше не выл, но беспокойно метался по хижине. Я положила руку на впалую грудь мертвой. Я не пыталась поставить диагноз или оказать помощь – уже незачем. Просто... просто признавала, что женщина, чьего имени я так и не узнала, отошла в мир иной.

– Что ж... Да упокоит Господь твою душу, бедняжка, – тихо сказала я и села на пятки, пытаясь сообразить, что делать дальше.

По обычаю горцев сразу после смерти полагалось распахнуть дверь, чтобы выпустить душу. Я в сомнении потерла губы костяшками пальцев: могла ли душа поспешно вырваться наружу, когда я вошла в хижину? Вряд ли.

Возможно, кто-то решил бы, что в негостеприимном шотландском климате позволительна некоторая свобода действий в определенных ситуациях, но я знала, что только не в этом случае. Дождь, снег, ледяной дождь, ветер... горцы *всегда* открывают дверь и часами держат ее распахнутой, одновременно желая освободить уходящую душу и опасаясь, что, если ей помешать, она станет призраком и навсегда поселится в жилище. Не слишком заманчивая перспектива, учитывая, что большинство лачуг слишком тесные.

Проснулся малыш Орри; я слышала, как он радостно напевает себе под нос песенку, состоящую из имени отчима:

– Бааа-би, баа-би, БАА-би...

До меня донесся негромкий сонный смешок и шепот Бобби:

– Ах ты мой маленький! Хочешь на горшок, *акушля*?

Гаэльское ласковое словечко *a chuisle* – «кровь моего сердца» – вызвало у меня улыбку. Меня умилило и само слово, и то, как забавно оно прозвучало в устах Бобби с его дорсетским выговором. Ролло вновь тревожно заскулил, словно напоминая мне, что пора действовать.

Если через несколько часов Хиггинсы и их свойственники проснутся и обнаружат на полу труп, их душевное равновесие будет нарушено, а чувство правильности оскорблено. Кто бы не встревожился при мысли, что теперь душа постороннего человека, возможно, навсегда останется в доме? Очень плохой знак и для новобрачных, и для нового года. Да еще Ролло явно беспокоило присутствие мертвой женщины, а меня беспокоило то, что он вот-вот всех перебудит.

– Ладно, – проворчала я. – Иди сюда, псина.

На крючке у двери, как всегда, висели обрывки упряжи, которую нужно было починить. Я выбрала прочный кусок поводьев, соорудила самодельный поводок и накинула его на шею Ролло. Он страшно обрадовался и рванул прочь из хижины, едва я открыла дверь. Впрочем, радости поубавилось, когда я затащила его в пристроенную к хижине кладовку и торопливо привязала импровизированный поводок к стойке, на которой держались полки, после чего пошла за телом бабули Маклауд.

Вспомнив, что говорил Джейми, я внимательно огляделась, прежде чем войти в хижину, но вокруг было тихо, как в церкви, даже шелест деревьев не нарушал безмолвие ночи.

Я прикинула, что бедняжка весит не больше семидесяти фунтов. Ее ключицы выпирали сквозь кожу, а тонкие пальцы походили на сухие веточки. Тем не менее поднять семьдесят фунтов, выражаясь буквально, мертвого веса мне было не под силу, так что пришлось снять с несчастной одеяло и использовать его вместо саней. Я вытащила ее из хижины, бормоча молитвы вперемешку с проклятиями.

Несмотря на холод, я запыхалась и вспотела, пока отволокла труп в кладовку.

– Ладно, теперь, по крайней мере, у вашей души уйма времени, чтобы уйти, – пробормотала я и опустила на колени, чтобы осмотреть тело, уложить как следует и накрыть наспех сделанным саваном. – В любом случае не думаю, что вам захочется стать призраком в этой кладовке.

Из-под полуприкрытых век женщины виднелась белая полоска, словно бабуля Маклауд пыталась открыть глаза, чтобы в последний раз взглянуть на мир или, возможно, найти знакомое лицо.

– *Benedictie*¹², – прошептала я и осторожно закрыла ее глаза, спрашивая себя, сделает ли то же самое какой-нибудь незнакомец и для меня. Вполне возможно. Если только...

Джейми когда-то объявил, что вернется в Шотландию за печатным станком, а потом придет обратно, чтобы сражаться. «А что, если бы мы не вернулись? – прошелестел тихий труслый голосок внутри меня. – Если бы остались в Лаллиброхе?»

Я еще думала о подобной возможности – прекрасные картины мирной семейной жизни в окружении родных и близких, неспешного старения без постоянного страха перед разрухой, голодом и насилием, – но уже знала, что так никогда не будет.

Я не знала, прав ли был Томас Вулф, утверждавший, что невозможно вернуться домой¹³. «Да и откуда мне знать, – подумала я с легкой горечью, – если у меня никогда не было дома, чтобы туда возвращаться?» Впрочем, я хорошо знала Джейми. Если не касаться идеалов – а их у него хватало, хотя и довольно прагматичных, – приходилось считаться с фактом, что Джейми, как настоящему мужчине, нужно было дело. Не просто труд ради заработка, а настоящее дело. И я прекрасно понимала разницу.

Конечно, семья Джейми приняла бы его с радостью, – правда, сомневаюсь, что такой же радостный прием оказали бы и мне, хотя, возможно, вызывать священника, чтобы изгнать из меня бесов, сразу бы не стали. Тем не менее факт оставался фактом: Джейми больше не был лэрдом Лаллиброха и никогда им снова не станет.

– «...и место его не будет уже знать его»¹⁴, – прошептала я, обмывая влажной тряпичей интимные места бабули Маклауд, на удивление, не слишком увядшие; похоже, она была не такой старой, как я думала. Она несколько дней ничего не ела, и даже посмертное расслабление почти не подействовало, но каждый имеет право лечь в могилу чистым.

Я замерла. Тут было над чем подумать. Сможем ли мы ее похоронить? Или ей придется до весны покоиться среди жбанов черничного варенья и мешков с сушеными бобами?

Приведя в порядок ее одежду, я выдохнула с открытым ртом: хотела определить температуру по выходящему пару. Надвигающийся снегопад будет только вторым большим снегопадом за эту зиму, да и настоящих морозов пока не было: обычно они приходят во второй половине января. Если земля не промерзла, возможно, нам и удастся похоронить бедняжку – конечно, если мужчины смогут разгрести снег.

¹² Благослови (*лат.*).

¹³ Томас Вулф (1900–1938) – американский писатель, представитель так называемого «потерянного поколения», автор книги «Домой возврата нет».

¹⁴ Книга Иова. 7:10.

Ролло успокоился и лежал, пока я занималась своими делами, но вдруг вскинул голову и наострил уши.

– Что такое? – встревоженно спросила я и повернулась на коленях, чтобы выглянуть в открытую дверь кладовой. – Что случилось?

* * *

– Возьмем его прямо сейчас? – прошептал Йен. Он опустил руку, и лук с его плеча тихо скользнул в ладонь.

– Нет, пусть сначала найдет золото, – медленно произнес Джейми, пытаясь решить, как поступить с человеком, который внезапно появился снова.

Только не убивать. Да, он и его жена доставили немало беспокойства своим предательством, но они не хотели причинить вред семье Джейми, по крайней мере поначалу. Можно ли считать его настоящим вором? Как ни крути, у тетушки Джейми, Иокасты, было не больше – если не меньше! – прав претендовать на это золото, чем у Арча.

Джейми вздохнул и положил руку на ремень, где висели пистолет и кинжал. И все же нельзя позволить Багу забрать золото и уйти, нельзя и просто прогнать: на свободе он продолжит вредить. А вот что с ним сделать, когда они его поймают... Это все равно что держать в мешке змею. Ладно, сейчас главное – его поймать, принять решение можно и позже. Может, удастся заключить какую-нибудь сделку...

Фигура добрела до черного пятна фундамента и неуклюже пробиралась среди камней и обугленных бревен; темный плащ колыхался под порывами ветра. Внезапно пошел снег – крупные ленивые хлопья, казалось, не падали сверху, а возникали из ниоткуда и бесшумно кружились в воздухе. Снег касался лица, облеплял ресницы. Джейми стер его рукой и махнул Йену.

– Заходи сзади, – прошептал Джейми. – Если он побежит, пусти перед его носом стрелу, чтобы остановить, а сам держись подальше, понял?

– Это ты держись подальше, дядя, – тихо ответил Йен. – Стоит подойти к нему на расстояние выстрела, и он вышибет тебе мозги топором. А я не собираюсь объясняться с тетушкой Клэр.

Джейми коротко хмыкнул и толчком отправил Йена прочь. Зарядил пистолет, взвел курок и решительно направился сквозь пелену снега к развалинам своего дома.

Джейми доводилось видеть, как Арч сбивал индейку топором с двадцати футов. И да, большинство пистолетов попадали в цель примерно с такого же расстояния. Но ведь он, Джейми, не собирается никого убивать. Он поднял пистолет.

– Арч!

Человек стоял к Джейми спиной и, согнувшись, разгребал золу и уголья. Услышав голос, он замер, но не спешил выпрямляться.

– Арч Баг! – снова позвал Джейми. – Иди сюда, давай поговорим!

Фигура в ответ резко выпрямилась, повернулась, и яркая вспышка озарила падающий снег. В тот же миг бедро Джейми словно обожгло пламенем, и он покачнулся.

Сильнее всего было удивление: Джейми и не знал, что Арч Баг умеет стрелять из пистолета, а уж как ему удалось так точно прицелиться левой...

Джейми упал в снег на одно колено и еще не успел пустить в ход свое оружие, когда понял: темная фигура целится в него из другого пистолета и не левой рукой, что означало...

– Господи! Йен!

Йен видел, как Джейми упал, заметил он и второй пистолет. Из-за ветра и снега Джейми не услышал свиста стрелы, она возникла как по волшебству, уже торча из спины фигуры. Чело-

век сделал еще пару шагов и рухнул как подкошенный, но не успел он упасть, а Джейми уже бежал к нему, прихрамывая на правую ногу.

– Господи, нет, нет! – твердил он, и его голос звучал словно чужой.

Сквозь снег и ночь донесся отчаянный вопль, потом мимо Джейми размытым пятном промчался Ролло – кто его выпустил? – и из-за деревьев грохнул ружейный выстрел. Где-то рядом раскатисто крикнул Йен, подзывая собаку, но у Джейми не было времени оглядеться. Он с трудом пробирался среди почерневших камней, спотыкался, скользил на свежеснежавшем снегу, раненая нога горела и мерзла одновременно, но разве это имело значение?

– О боже, пожалуйста, нет!

Он добрался до фигуры в темном, упал на колени, обхватил ее руками. Джейми уже знал, все понял, когда увидел пистолет в правой руке. Арч, у которого не хватало пальцев, не смог бы выстрелить правой. Но, господи, нет...

Джейми перевернул ее, чувствуя, как приземистое грузное тело обмякает и тяжелеет, словно только что убитый олень. Откинул капюшон плаща, бережно и беспомощно погладил мягкое круглое лицо Мурдины Баг. Она вздохнула под его рукой, может... Но нет, Джейми нащупал древко стрелы, которая прошла сквозь шею, а из горла Мурдины вырывалось влажное клокочущее дыхание. Ладонь Джейми тоже стала влажной и теплой.

– Арч? Мне нужен Арч, – прохрипела Мурдина и умерла.

Глава 3 Жизнь за жизнь

Я отвела Джейми в кладовую. Там было темно, а еще холодно, особенно для человека без штанов, но я боялась разбудить кого-нибудь из Хиггинсов. Господи, только не сейчас! Они же вырвутся из своей спальни, словно стая испуганных перепелок! Меня передернуло от мысли, что придется разбираться с ними раньше времени. Даже днем мне будет тяжело рассказать о ночном происшествии, а уж прямо сейчас это было бы просто невыносимо.

Не видя лучшего выхода, Джейми с Йеном положили миссис Баг в кладовой рядом с бабулей Маклауд – под нижнюю полку, накинув на лицо женщины плащ. На виду остались лишь ее ноги в полосатых чулках и потрескавшихся, истоптанных ботинках. Я вдруг представила себе Злую Ведьму Запада и зажала ладонью рот, чтобы не ляпнуть какую-нибудь истеричную глупость.

Джейми повернулся ко мне, но его взгляд был обращен внутрь. В отблесках свечи лицо казалось изможденным и покрытым глубокими морщинами.

– Да? – рассеянно произнес он.

– Ничего, – ответила я дрогнувшим голосом. – Ничего особенного. Давай садись.

Я поставила табурет и свою аптечку, взяла у Джейми свечу и жестянку с горячей водой, стараясь думать только о предстоящей задаче. Никаких полосатых чулок. Никакого, прости господи, Арча Бага.

Джейми закутал плечи одеялом, но ноги остались обнаженными, и когда я коснулась их ладонью, то почувствовала, как они покрылись гусиной кожей. Подол рубахи, пропитанный кровью, уже наполовину высохшей, прилип к бедру, но Джейми не издал ни звука, когда я отдрала ткань и раздвинула его ноги.

Он двигался как в кошмаре, но зажженная свеча в опасной близости от мошонки привела его в чувство.

– Ты поосторожнее с этой свечкой, саксоночка, – сказал он, прикрывая рукой гениталии.

Поняв причину его беспокойства, я отдала ему свечу, предупредила, чтобы он не обжегся каплями горячего воска, и вернулась к осмотру.

Из раны сочилась кровь, но не сильно, и я, намочив тряпицу в горячей воде, принялась за работу. Тело Джейми заоченело от холода, который заглушал даже резкие запахи кладовой, но я все же чувствовала привычный терпкий аромат мускуса, сейчас отравленный запахами крови и пота.

Глубокая рана, дюйма четыре в длину, тянулась вверх по мышце бедра, Хорошо хоть, чистая.

– Прямо как у Джона Уэйна¹⁵, – сказала я, стараясь говорить легко и сдержанно. Джейми перевел глаза с пламени свечи на меня.

– Что там? – хрипло спросил он.

– Ничего серьезного, – ответила я. – Пуля тебя лишь царапнула. Денек-другой похрамашь, зато герой жив и готов к новым сражениям.

На самом деле пуля пролетела у него между ног и вспорола внутреннюю поверхность бедра совсем рядом с яичками и бедренной артерией. Дюймом правее, и Джейми бы погиб. На дюйм выше и...

– Слабое утешенье, саксоночка, – заметил он, но в его глазах промелькнула тень улыбки.

– Согласна, – кивнула я. – Но хоть какое-то?

– Хоть какое-то, – сказал он и мимолетно коснулся моего лица.

Его рука была очень холодной и дрожала; по костяшкам другой стекал горячий воск, но Джейми, похоже, ничего не чувствовал. Я осторожно забрала у него подсвечник и поставила на полку.

От Джейми исходили волны скорби, его мучило чувство вины, и я видела, как он старается не поддаться эмоциям. Я подумала, что не смогу ему помочь, если сейчас дам слабину – правда, трудно сказать, смогу ли я вообще что-то для него сделать, но стоит попытаться.

– Господи Иисусе, – еле слышно пробормотал он. – Ну почему я не дал ему забрать золото? Какое это имело значение? – Он беззвучно ударил кулаком по колену. – Господи, почему я просто не дал ему забрать золото?

– Ты же не знал, кто сюда пришел и зачем, – так же тихо сказала я и положила руку ему на плечо. – Это был несчастный случай.

Его мышцы свело от душевной муки. Я тоже ее чувствовала – тугий комок протеста и отрицания: «Нет, это неправда, такого не могло случиться!» – застрял в горле, но нужно было доделать начатое. С неизбежным разберусь позже, решила я.

Джейми закрыл лицо рукой, медленно качая головой, замолчал и больше не двигался, пока я промывала и перевязывала рану.

– Можешь хоть чем-то помочь Йену? – спросил он, когда я закончила.

Он убрал руку и глядел, как я поднимаюсь. Лицо его искажало страдание, но голос снова звучал спокойно.

– Ему... – Джейми сглотнул и посмотрел на дверь. – Ему очень плохо, саксоночка.

Я посмотрела на виски, который захватила с собой: четверть бутылки. Перехватив мой взгляд, Джейми покачал головой.

– Маловато.

– Тогда выпей сам.

Он снова замотал головой, но я вложила бутылку ему в ладонь и сжала его пальцы вокруг нее.

– Предписание врача, – сказала я тихо, но твердо. – От шока.

Джейми сопротивлялся, пытался поставить бутылку обратно, но я лишь крепче стиснула его руку.

¹⁵ Джон Уэйн (1907–1979) – американский актер, которого называли королем вестерна. Лауреат премий «Оскар» и «Золотой глобус».

– Знаю, – произнесла я. – Джейми, я все понимаю. Но тебе нельзя сдаваться. Только не сейчас.

Секунду он смотрел на меня, затем кивнул, соглашаясь, что так надо, и его рука расслабилась. Мои собственные пальцы заколели от воды и холодного воздуха, но все равно были теплее, чем у него. Я взяла в свои ладони его свободную кисть и крепко сжала.

– Знаешь, герой никогда не умирает, и на то есть причина, – заметила я и попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. – Когда случается самое худшее, кто-то все равно должен принимать решения. Иди в дом и согрейся. – Я выглянула в ночь, где под лавандовым небом снег кружился дикими вихрями. – А я... я найду Йена.

* * *

Куда же он подевался? Далеко не ушел, погода слишком скверная. Учитывая его состояние, когда они с Джейми вернулись с телом миссис Баг, он мог просто уйти в лес, не разбирая дороги и не думая о том, что ждет его в лесной чаще. Но он взял с собой пса. Как бы ни было тяжело на душе у Йена, он бы никогда не вытащил Ролло в снежную бурю.

А метель поднялась нешуточная, впрочем, как мы и ждали. Я медленно взбиралась по холму к хозяйственным постройкам, прикрывая фонарь полкой плаща, когда внезапно подумала, что Арч Баг вполне мог спрятаться в кладовой над ручьем или в коптильне. И... о господи, знает ли он? Я замерла как вкопанная, и густой снег тут же укутал мою голову и плечи, словно вуалью.

Меня так потрясло ночное происшествие, что я даже не задумывалась, известно ли Арчу Багу о смерти его жены. Джейми сказал, что он громко звал Арча, просил его выйти, но тот не ответил. Возможно, заподозрил подвох или просто сбежал, когда увидел Джейми и Йена, предположив, что Мурдину-то они не обидят. Значит...

– Ох, чтоб тебя! – в ужасе прошептала я.

К сожалению, с этим ничего нельзя было поделать. Я надеялась, что смогу помочь хотя бы Йену. Вытерев рукавом лицо и сморгнув с ресниц снежинки, я медленно побрела дальше. Слабый свет фонаря едва пробивался сквозь снежную пелену. Что, если я столкнусь с Арчем? Мои пальцы судорожно сжали ручку фонаря. Придется рассказать ему все, отвести в хижину, чтобы он увидел... О боже. Если я вернусь с ним, то успею ли вытащить миссис Баг из кладовки и привести в пристойный вид, пока Джейми и Йен будут занимать Арча? У меня не было времени, чтобы выдернуть стрелу и уложить тело как подобает. Я вонзила ногти свободной руки в ладонь, пытаясь успокоиться.

– Господи Иисусе, пожалуйста, сделай так, чтобы я его не нашла, – пробормотала я. – Только бы не нашла!

Но ни в кладовой, ни в коптильне, ни в амбаре для кукурузы, слава богу, никого не оказалось, и вряд ли кто-нибудь смог бы укрыться в курятнике, не потревожив кур, а те молчали, мирно уснув под завывания бури. Однако при виде курятника я сразу вспомнила миссис Баг, как она разбрасывала зерно из передника, вполголоса напевая что-то глупым птицам. Она называла всех кур по именам. Мне всегда было чертовски безразлично, едим ли мы на ужин Исабель или Аласдейр, но сейчас при мысли, что больше никто никогда не сможет отличить одну птицу от другой или порадоваться десяти цыплятам, которых высидела Элспет, у меня разрывалось сердце.

В конце концов я нашла Йена в сарае. Темная фигура съежилась на соломе у копыт мула Кларенса, который при моем появлении поднял уши и восторженно заревел, радуясь компании. Козы истерично заблеяли, приняв меня за волка, а лошади изумленно вскинули головы, потом вопросительно захрапели и заржали. Ролло, устроившийся в сене рядом со своим хозяином, коротко и недовольно гавкнул.

– Да тут прям как в чертовом Ноевом ковчеге! – заметила я, стряхивая с плаща снег и вешая фонарь на крюк. – Сюда бы еще пару слонов. Тише, Кларенс!

Йен повернулся ко мне, но, судя по бессмысленному выражению лица, он не понял, что я сказала. Я присела на корточки, коснулась ладонью его щеки, холодной, с пробивающейся щетиной.

– Это не твоя вина, – мягко сказала я.

– Знаю, – ответил он и сглотнул. – Вот только не знаю, как с этим жить.

Он несколько не драматизировал, в его голосе звучала растерянность. Ролло лизнул руку хозяина, и Йен запустил пальцы в собачью шерсть, словно ища поддержки.

– Что мне теперь делать, тетушка? – Он беспомощно посмотрел на меня. – Ничего, да? Я ведь не могу ничего изменить или повернуть вспять. А я ищу хоть какой-нибудь выход, чтобы все исправить. Но ничего... нет.

Я уселась на сено рядом с ним, обняла за плечи, прижала его голову к себе. Йен нехотя послушался, хотя я чувствовала, как его трясет от усталости и горя, словно он замерз.

– Я любил ее, – еле слышно произнес он. – Она была мне как бабушка. А я...

– Она любила тебя, – прошептала я. – И не стала бы винить.

Я отчаянно цеплялась за собственные чувства, чтобы делать то, что требуется, но сейчас... Йен совершенно прав. Уже ничего нельзя сделать, и от этой полной безысходности по моим щекам потекли слезы. Я не плакала, просто не могла прийти в себя от потрясения, и горе захлестнуло меня. Я больше не могла сдерживаться.

Не знаю, почувствовал ли Йен слезы на своей коже или просто понял, как я скорблю, но внезапно он тоже поддался и заплакал, сотрясаясь от рыданий.

Я всей душой жалела, что он уже не маленький мальчик, тогда бы буря скорби смыла вину, очистила душу и принесла покой. Но Йен давно вырос, и сейчас все не так просто. Мне оставалось только обнять его и ласково гладить по спине, беспомощно всхлипывая. И тут Кларенс предложил свою поддержку: тяжело дыша в голову Йена, он зажевал прядь его волос. Йен отпрянул, шлепнув мула по морде.

– Эй, отстань!

Йен поперхнулся, ошеломленно засмеялся, снова заплакал, а потом выпрямился и вытер нос рукавом. Какое-то время Йен сидел молча, словно собирал себя по кусочкам, и я ему не мешала.

– Когда я убил того человека в Эдинбурге, – наконец сказал он; голос звучал хрипло, но, похоже, Йен взял себя в руки, – тогда дядя Джейми отвел меня на исповедь и научил молитве, которую надо произносить, когда кого-нибудь убьешь. Чтобы вверить их души Богу. Помолись со мной, тетушка?

Много лет я не вспоминала, а уж тем более не произносила «Проводы души», поэтому спотыкалась почти на каждом слове, но Йен знал эту молитву наизусть и проговорил без запинок. Сколько же раз за эти годы он обращался с ней к Богу?

Слова казались жалкими и бессильными, их заглушал шелест сена и шорохи жующих животных, но после них на сердце стало чуть легче. Возможно, я немного успокоилась, ощутив прикосновение к чему-то большему, чем я сама, осознав, что это большее существует. А оно непременно должно существовать, иначе меня одной просто не хватит.

Какое-то время Йен сидел с закрытыми глазами. Наконец он открыл их и посмотрел на меня помрачневшим взглядом. Лицо под щетиной казалось очень бледным.

– А потом он сказал, что мне придется с этим жить, – тихо проговорил Йен и вытер лицо рукой. – Только я вот не думаю, что смогу.

Он просто констатировал факт, и это пугало. Слез у меня больше не осталось, но я чувствовала, будто смотрю в черную бездонную пропасть и не могу отвести взгляд. Глубоко вздохнув, я попыталась найти уместные слова, затем вытащила из кармана платок и дала Йену.

– Ты как, дышишь?

Его губы слегка дрогнули.

– Думаю, да.

– Пока этого достаточно. – Я встала, отряхнула с юбки сено и протянула Йену руку. – Пойдем. Нужно вернуться в хижину, иначе нас занесет здесь снегом.

Снег стал еще гуще. Порыв ветра задул свечу в моем фонаре, но это не имело значения: даже с завязанными глазами я бы без труда нашла хижину. Йен молча шел впереди, прокладывая путь по свежавыпавшему снегу. Он нагнул голову, шагая сквозь бурю, узкие плечи сгорбились.

Я надеялась, что молитва хоть немного помогла ему. Может, у могавков есть более действенные способы совладать с несправедливостью смерти, чем у католической церкви?

Вдруг я поняла, что точно знаю, как в подобном случае поступил бы могавк. И Йен тоже знал, и даже делал. Я плотнее закуталась в плащ, чувствуя себя так, словно проглотила огромный кусок льда.

Глава 4 Не сейчас

После долгого обсуждения оба трупа бережно вынесли из кладовой и уложили на краю крыльца. Просто в хижине не было места, чтобы расположить их там подобающим образом, к тому же, учитывая обстоятельства...

– Нельзя, чтобы старина Арч и дальше оставался в неведении, – сказал Джейми, завершая спор. – Если тело будет на виду, он, может, выйдет, а может, и нет, но, по крайней мере, узнает, что его жена мертва.

– Узнает, – согласился Бобби Хиггинс, бросив тревожный взгляд на деревья. – Как вы думаете, что он сделает?

Джейми постоял, глядя в сторону леса, затем покачал головой.

– Будет горевать, – спокойно сказал он. – А утром мы решим, что делать.

Устроить нормальное бдение мы не могли, но постарались соблюсти надлежащие обычаи. Эмили пожертвовала для миссис Баг свой собственный саван, который сшила, когда в первый раз вышла замуж, а бабулю Маклауд обрядили в мою запасную сорочку и пару передников, наспех зашитых для благопристойности. Тела уложили по сторонам крыльца, на груди у обеих усопших стояло по блюдечку с солью и кусочком хлеба, хотя пожирателя грехов не предвиделось. Наполнив небольшой глиняный горшок углями, я поставила его рядом с телами. Мы договорились, что ночью будем бдеть над покойными по очереди, так как крыльцо выдержит только двух-трех человек, не больше.

– «Там в лунном свете голубом сверкает белый снег, как днем»¹⁶, – тихо сказала я.

Так оно и было. Буря закончилась, и неполная луна сияла чистым и холодным светом, отчего каждое заснеженное дерево выделялось отчетливо и тонко, словно на японских рисунках тушью. А среди далеких развалин Большого дома груда обгорелых бревен скрывала все, что лежало под ней.

Мы с Джейми вызвались посидеть первыми. Никто не возражал, когда Джейми объявил о своем решении. Хотя эту тему не затрагивали, перед мысленным взором каждого представал Арч Баг, который затаился где-то в лесу, один-одинешенек.

– Думаешь, он там? – шепотом спросила я у Джейми, кивая в сторону темных деревьев, что покоились в своих пушистых саванах из снега.

¹⁶ Строка из известного стихотворения Кларка Клемента Мура (1779–1863) «Рождественская ночь». Перевод Л. Яхлина.

– Если бы ты лежала здесь, *a nighean*, – ответил он, глядя вниз на неподвижные белые фигуры на краю крыльца, – я был бы рядом с тобой, живой или мертвый. Присядь.

Я села возле него. Горшок с тлеющими углями стоял у наших закутанных в плащи коленей.

– Бедняжки, – сказала я, немного помолчав. – Так далеко от Шотландии!

– Да, – согласился он и взял мою ладонь. Его рука была такой же холодной, как моя, но большой и сильной, и это успокаивало. – Но их похоронят среди тех, кто знал и чтит их традиции, пусть эти люди и не приходятся им родней.

– Ты прав.

Если внуки бабули Маклауд когда-нибудь вернутся, то найдут, по крайней мере, могильный камень и поймут, что к ней отнеслись по-доброму. У миссис Баг не было родственников, кроме Арча. Никто не будет искать ее могилу, но Мурдина упокоится среди тех, кто ее знал и любил. А как же Арч? Даже если у него и осталась родня в Шотландии, он об этом никогда не упоминал. Жена стала для него всем, впрочем, как и он для нее.

– Ты, э-э, не думаешь, что Арч может... покончить с собой? – осторожно спросила я. – Когда узнает?

Джейми уверенно покачал головой.

– Нет, это не в его характере.

С одной стороны, я обрадовалась, услышав слова Джейми, но часть меня, более приземленная и менее сострадательная, тревожно задавалась вопросом: на что может пойти человек вроде Арча, когда ему нанесли смертельный удар, навсегда лишив женщины, которая почти всю жизнь была его опорой и спасительной гаванью?

«Как поступит такой человек? – размышляла я. – Будет безвольно плыть, гонимый ветром, пока не наскочит на риф и не затонет, или, за неимением лучшего, привяжет свою жизнь к якорю гнева, а месть сделает новым компасом? Я видела, как Джейми и Йена гложет чувство вины. Что же тогда чувствует Арч? Способен ли человек выдержать подобное? Или ему необходимо дать волю чувствам, чтобы просто выжить?»

Джейми не сказал ни слова о собственных предположениях, но я заметила у него на поясе и пистолет, и кинжал. Пистолет был заряжен и взведен, сквозь смолистый аромат елей и пихт пробивался запах пороха. Конечно, вполне возможно, что Джейми собирался отпугивать волков или лис...

Какое-то время мы сидели молча, наблюдая за мерцающими угольками в горшке и отблесками света в складках саванов.

– Как ты думаешь, должны ли мы помолиться? – прошептала я.

– Я не перестаю молиться с тех пор, как это случилось, саксоночка.

– Понимаю.

Я и вправду понимала – страстная мольба, чтобы все это оказалось не на самом деле, сменялась отчаянной просьбой наставить и указать путь. Стремление что-то сделать, хотя уже ничего, совсем ничего сделать нельзя. И, конечно, молитва за упокой новопреставленных. По крайней мере, бабуля Маклауд ожидала смерть и обрадовалась ей, подумала я. А вот миссис Баг, должно быть, страшно удивилась, когда так внезапно погибла. Перед моим мысленным взором промелькнула печальная картина: бедная женщина стоит в снегу рядом с крыльцом и глядит на свой труп, руки уперты в могучие бедра, губы недовольно поджаты из-за такого грубого освобождения от телесной оболочки.

– Представляю, каким это было потрясением, – обратилась я извиняющимся голосом к ее тени.

– Это точно.

Джеймс достал из кармана плаща флягу. Вытащил пробку, наклонился, аккуратно вылил по несколько капель виски на голову каждой из покойниц и поднял флягу в молчаливом тосте сначала за бабулю Маклауд, а потом и за миссис Баг.

– Мурдина, жена Арчбальда, ты была великой стряпухой, – сказал он просто. – Я всю жизнь буду помнить твоё печенье и думать о тебе за утренней кашей.

– Аминь, – произнесла я, и мой голос дрогнул от смеха и слез.

Взяв флягу, я сделала большой глоток. Виски обожгло горло, и я закашлялась.

– Я знаю, как она готовила маринованные овощи пиккалилли. Обязательно запишу рецепт, он не должен быть забыт.

Мысль о записи вдруг напомнила мне о неоконченном письме, которое так и лежало, аккуратно сложенное, у меня в рабочей сумке. Джейми почувствовал, что я напряглась, и вопросительно посмотрел на меня.

– Я просто подумала о том письме, – сказала я, откашливаясь. – То есть, мне кажется, что, хотя Роджер и Бри знают о пожаре, они обрадуются, когда прочтут, что мы все еще живы. Если, конечно, когда-нибудь получат письмо.

Прекрасно понимая, что времена опасные, а исторические документы могут и не сохраниться, Джейми и Роджер придумали несколько способов передачи информации, начиная с публикации зашифрованных сообщений в различных газетах и заканчивая куда более сложными схемами с участием Церкви Шотландии и Банка Англии. Все это, конечно, имело смысл только в том случае, если семья Маккензи прошла через камни и благополучно оказалась в более-менее правильном времени. Ради собственного спокойствия я убеждала себя, что они добрались.

– Но я не хочу заканчивать письмо рассказом вот об этом. – Я кивнула в сторону фигур в саванах. – Они любили миссис Баг, а Бри очень расстроится из-за Йена.

– Ты права, – задумчиво проговорил Джейми. – И вполне вероятно, что Роджер Мак пораскинет мозгами и догадается насчет Арча. А когда знаешь, но ничего не можешь сделать... да, они будут волноваться, пока не найдут другое письмо, где будет написано, чем обернулось дело. И один Бог знает, сколько пройдет времени, пока все уладится.

– А если они не получат следующее письмо?

«Или мы погибнем раньше, чем успеем его написать», – подумала я.

– Да, уж лучше ничего им не рассказывать. Не сейчас.

Я подвинулась ближе, прильнула к нему, и он обнял меня. Некоторое время мы сидели тихо, встревоженные и скорбящие, но нас успокаивали мысли о Роджере, Бри и детях.

Из хижины доносились звуки. Сначала все притихли, ошеломленные, но обыденность брала свое. Дети не могли долго молчать, и сейчас из-за двери слышались тоненькие голоса, которые задавали вопросы и просили еду. Малыши о чем-то возбужденно переговаривались, довольные, что их не отправляют спать, несмотря на поздний час, и их болтовня пробивалась сквозь звяканье посуды и звуки приготовления пищи: для поминок готовили лепешки и пироги с мясом – миссис Баг была бы довольна. Внезапно из трубы вылетел сноп искр и рассыпался вокруг крыльца падающими звездами, ослепительно яркими на фоне темной ночи и свежего белого снега.

Джейми крепче прижал меня к себе и вздохнул, любуясь красивым зрелищем.

– Так что ты там говорила про белый снег, который сверкает как днем? – Знакомая строка звучала непривычно от мягкого горского выговора. – Это стихи, да?

– Да, правда, не совсем подходящие для бдения над покойником: шутивное рождественское стихотворение про визит святого Николая.

Джейми фыркнул, его дыхание повисло белым облачком.

– Не думаю, что слово «подобающий» имеет какое-то отношение к бдению или поминкам, саксоночка. Дай скорбящим достаточно выпивки, и они затянут: «А ну-ка, передай бутылку» – и пустятся в пляс во дворе под луной.

Я сдержала смех, но очень живо представила себе эту картину. Чего-чего, а выпивки у нас хватало: бадья свежего, недавно сваренного пива стояла в кладовке, а Бобби принес из амбара бочонок виски, припрятанный для непредвиденных случаев. Я подняла руку Джейми, поцеловала холодные костяшки пальцев. Отчаяние и растерянность постепенно проходили, мы все сильнее чувствовали пульс жизни за нами. Хижина походила на маленький яркий островок жизни, дрейфующий в холоде черно-белой ночи.

– «Нет человека, который был бы как остров, сам по себе»¹⁷, – тихо произнес Джейми, словно уловив мои невысказанные мысли.

– Вот это подходящие слова, – суховати сказала я. – Может, даже слишком.

– Да? Ты о чем?

– «Не спрашивай никогда, по ком звонит колокол, он звонит и по тебе...» Мне доводилось слышать фразу «Нет человека, который был бы как остров...» только вместе со строкой про колокол.

Джейми хмыкнул.

– Знаешь его наизусть? – Не дожидаясь ответа, он наклонился и палкой поворошил угли, подняв бесшумный фонтанчик искр. – Знаешь, а ведь это вовсе не стихотворение... Вернее, так считал сам автор.

– Не стихотворение? – удивилась я. – А что же тогда? Или чем было?

– Медитацией, это нечто среднее между проповедью и молитвой. Джон Донн написал ее как часть «Обращения к Господу в час нужды и бедствий». Вполне подходящие слова, не так ли? – добавил он с ноткой мрачного юмора.

– И чем они проникновеннее других? Или я что-то упускаю?

– М-м-м, – пробормотал Джейми, притянул меня к себе и наклонился, пристроив свою голову на мою макушку. – Сейчас попробую вспомнить. Не все, конечно, только те строки, что меня поразили. Поэтому я их и помню.

Я слышала, как он медленно и размеренно дышит, пытаюсь сосредоточиться.

– «Все человечество – творение одного автора, – медленно произнес Джейми. – Оно есть единый том, и когда человек умирает, соответствующую главу не вырывают из книги, а переводят на другой, более совершенный язык. И каждую главу должны перевести в свой черед». Дальше я не помню наизусть, но мне всегда нравились эти строки: «Колокол действительно звонит о том, кто внемлет ему». – Его рука нежно жала мою ладонь. – «И хотя звон порой умолкает, слышание его соединяются с Богом».

– Хм, – я немного поразмышляла над его словами. – Ты прав, не так поэтично, но все же более обнадеживающе.

Я почувствовала, как он улыбается.

– Да, для меня всегда так было.

– Где ты нашел это стихотворение?

– Джон Грей дал мне почитать книжицу произведений Джона Донна, когда я был узником в Хелуотере.

– Весьма просвещенный джентльмен.

Меня слегка задело напоминание о значительном куске жизни, который Джейми разделил с Джоном Греем, а не со мной. И все же хорошо, что в то тяжелое время у него был друг,

¹⁷ Здесь и далее цитаты из «Духовных стихотворений» (другое название «Молитвы») английского поэта Джона Донна (1572–1631). 17-е стихотворение.

неохотно признала я. Внезапно я задалась вопросом: а сколько раз Джейми слышал этот колокольный звон?

Я привстала, дотянулась до фляжки и глотнула виски. Через дверь просачивался запах выпечки, лука и вареного мяса, и мой желудок неприлично заурчал. Джейми не заметил; задумчиво прищурившись, он смотрел на запад, туда, где за тучей пряталась огромная гора.

– Парни Маклауд говорили, что, когда они спускались, снега уже навалило выше колена, – сказал он, а потом добавил: – Если здесь свежего снега на фут, то перевалы на все три засыплет. До весенней оттепели мы никуда не пойдем, саксоночка. По крайней мере, будет достаточно времени, чтобы вырезать подобающие надгробия.

Он взглянул на наших безмолвных гостей.

– Значит, ты по-прежнему собираешься поехать в Шотландию?

Джейми объявил о своем намерении после того, как сгорел дом, но с тех пор больше об этом не заговаривал. Я не знала, действительно ли он хочет вернуться или тогда просто сказал так в сердцах.

– Да, собираюсь. Думаю, нам нельзя здесь оставаться, – произнес он с некоторым сожалением. – Наступит весна, и в глубинке опять все забурлит. Мы слишком близко подошли к огню. – Он указал подбородком в сторону обгорелых руин Большого дома. – У меня нет желания поджариться в следующий раз.

– Э-э... да.

Я знала, что Джейми прав. Мы могли бы построить другой дом, но вряд ли нам дадут жить там спокойно. К тому же Джейми был – или по крайней мере когда-то числился – полковником местной милиции и теперь мог оставить должность, только если бы тяжело заболел или просто-напросто сбежал. Далеко не все жители горных районов поддерживали восстание. Я знавала людей, у которых сожгли имущество, а их самих избили и загнали в леса или болота либо убили на месте из-за неосторожно выраженных политических взглядов.

Скверная погода помешала нам уехать, но она же остановила продвижение ополченцев и банд головорезов. От этой мысли у меня все внутри похолодело, и я поежилась. Джейми заметил и спросил:

– Может, зайдешь в хижину, *a nighean*? Я могу и один покараулить.

– Отлично. А когда мы выйдем с лепешками и медом, то увидим, что ты лежишь, бездыханный, рядом со старушками, а из головы у тебя торчит топор. Нет уж, мне и тут хорошо.

Я хлебнула еще виски и передала фляжку Джейми.

– Ведь нам необязательно ехать в Шотландию, – сказала я, глядя, как он пьет. – Мы могли бы перебраться в Нью-Берн. Ты бы мог заняться печатным делом вместе с Фергусом.

Джейми тогда сказал о своих планах: поехать в Шотландию, забрать печатный пресс, который он оставил в Эдинбурге, а затем вернуться и воевать, только свинец на его войне будет в виде литерных колодок, а не ружейных пуль. Даже не знаю, какой способ более опасный.

– Неужели ты думаешь, что Арч постесняется проломить мне голову в твоем присутствии, если он уже это решил? – Джейми слегка улыбнулся, отчего у чуть раскосых глаз появились треугольные морщинок. – Нет, сам Фергус может лезть на рожон, если захочет, но я не имею права рисковать им и его семьей.

– Значит, мне только нужно знать, что ты собираешься печатать. А мое присутствие, может, и не остановит Арча, но зато я смогу крикнуть «Берегись!», если увижу, что он крадется к тебе.

– Я не против, если ты всегда будешь прикрывать мою спину, саксоночка, – серьезно сказал он. – Ты ведь уже поняла, что я собираюсь делать?

– Да, – вздохнула я. – Иногда я надеюсь, что хоть в этот раз ошиблась насчет тебя, но, увы, все тщетно.

Джейми от души рассмеялся.

– Да уж, ты ни разу не ошиблась, – согласился он. – Но ты же еще здесь?

Он поднял фляжку и, отсалютовав мне, глотнул виски.

– Приятно слышать, что кому-то будет меня не хватать, когда я погибну.

– А почему «когда» вместо «если»? – холодно заметила я.

– Всегда было «когда», саксоночка, – мягко произнес он. – «Так каждой главе суждено быть переведенной в свой черед». Так ведь?

– Искренне надеюсь, что до этого не дойдет, но если вдруг возникнет такой вопрос...

Где бы ты хотел, чтобы тебя похоронили: здесь или отвезли обратно в Шотландию?

Я подумала о гранитном супружеском надгробии на кладбище Сент-Килды, камне с именем Джейми и моим тоже. У меня чуть разрыв сердца не случился, когда я увидела чертову штуковину. Боюсь, я так и не простила за это Фрэнка, хотя надгробие и помогло ему осуществить задуманное.

Джейми невесело усмехнулся.

– Повезет, если меня вообще похоронят, саксоночка. Скорее всего, меня утопят, сожгут или оставят гнить где-нибудь на поле боя. Не мучай себя. А если тебе вдруг придется что-то делать с моей тушей, просто брось ее на корм воронам.

– Не премину, – ответила я.

– Ты не хочешь ехать в Шотландию? – спросил он, подняв брови.

Я вздохнула. Я точно знала, что Джейми не упокоится под тем самым надгробием, но все равно не могла отогнать мысль о его возможной гибели.

– Я не хочу покидать горы. И не хочу смотреть, как на корабле ты позеленеешь и тебя вывернет наизнанку, а еще я против всего, что может произойти на пути к вышеупомянутому кораблю, но... Ладно, оставим Эдинбург и печатные прессы, ты ведь хочешь поехать в Лаллиброх, да?

Джейми кивнул, не сводя глаз с тлеющих в горшке угольков. Слабый, но теплый свет озарял рыжеватые дуги его бровей, а по длинному прямому носу спускалась золотистая линия.

– Я же обещал, – сказал Джейми просто, – что отвезу Йена-младшего обратно к матери. А теперь... Ему лучше уехать.

Я молча кивнула. Чтобы сбежать от горестных воспоминаний, Йену может и не хватить трех тысяч миль океана, но и лишними они не будут. А еще радость от встречи с родителями, братьями и сестрами, родные горы... Наверное, это поможет ему исцелиться.

Джейми кашлянул, потер губы костяшками пальцев.

– Есть еще кое-что, – слегка смущенно произнес он. – Так сказать, еще одно обещание.

– Какое?

Он повернул голову и посмотрел мне в лицо темными серьезными глазами.

– Я поклялся, что никогда не прицелюсь в своего сына.

Глубоко вздохнув, я кивнула. Немного помолчала, глядя на облаченных в саваны женщин, потом посмотрела на Джейми.

– Ты не спросил, как я хочу распорядиться своим телом.

Вообще-то я говорила лишь наполовину серьезно, хотела повеселить Джейми, но он так сильно стиснул мою руку, что я охнула.

– Нет, – тихо сказал он. – И никогда не спрошу.

Джейми смотрел не на меня, а в белое пространство перед нами.

– Я не могу представить тебя мертвой, Клэр. Что угодно, но только не это. Не могу.

Он резко встал. Треск дерева, грохот упавшего оловянного блюда и громкая брань, донесшиеся из хижины, избавили меня от ответа. Я просто кивнула и позволила Джейми поднять меня на ноги, когда дверь открылась, пролив на крыльцо лужицу света.

* * *

Утро выдалось ясным и солнечным, свежий снег лежал слоем почти в фут толщиной. К полудню сосульки, что свисали с краев крыши, подтаяли и стали беспорядочно падать, словно кинжалы, ударяясь о землю с глухим резким стуком. Джейми и Йен, взяв лопаты, пошли на холм к маленькому кладбищу, чтобы посмотреть, можно ли выкопать две достаточно глубокие могилы.

– Возьмите с собой Эйдана и еще одного-двух мальчишек, – предложила я за завтраком. – Нечего им крутиться здесь под ногами.

Джейми бросил на меня испытующий взгляд, но кивнул. Он прекрасно понял, о чем я думаю. Если Арч Баг еще не знает о смерти жены, то наверняка догадается, увидев, как роют могилу.

– Лучше всего, если он выйдет потолковать со мной, – тихо сказал мне Джейми, пока мальчишки шумно снаряжались в поход, их матери собирали им еду в дорогу, а малыши играли в задней комнате.

– Да, и ребятишки ему не помешают, – согласилась я. – Но если он не захочет выйти к тебе и поговорить...

Йен сказал, что во время ночной стычки слышал ружейный выстрел, но Арч Баг стрелял так себе, и мы надеялись, что он не станет палить по компании с маленькими детьми.

Джейми молча кивнул и послал Эйдана за двумя старшими двоюродными братьями.

Бобби вместе с мулом Кларенсом тоже пошли с могильщиками. Чуть выше по склону хранился запас свежераспиленных сосновых досок, на том месте, где, как когда-то объявил Джейми, в один прекрасный день поднимется наш новый дом. Было решено, что, если удастся выкопать могилы, Бобби привезет несколько досок для гробов.

Со своего наблюдательного пункта на крыльце я видела тяжело нагруженного Кларенса, который вышагивал по склону с изяществом балерины. Уши он аккуратно растопырил в стороны, словно балансируя. Я заметила Бобби, который шел за мулом и время от времени придерживал груз, не давая ему упасть. Бобби улыбнулся мне и помахал рукой. Клеймо на его щеке было видно даже издали; синевато-багровое, оно отчетливо выделялось на обветренной и покрасневшей от холода коже. Я помахала в ответ и вернулась в дом – сказать женщинам, что похороны состоятся.

* * *

Следующим утром мы отправились по извилистой тропинке к маленькому кладбищу на холме. Две пожилые дамы, невольные товарки по смерти, покоились бок о бок в гробах на санях, которые тащили Кларенс и маленькая черная мулица по кличке Пудинг, принадлежавшая женщинам семьи Маккаллум.

Мы не облачились, как принято, в лучшую одежду, да у нас ее и не было. Только Эми Хиггинс Маккаллум надела в знак уважения свой обшитый кружевами свадебный платок. Зато мы были, насколько могли, чистыми, а взрослые – трезвыми (хотя бы с виду) и бдительными. Очень бдительными.

– А кто станет новым стражем, мам? – спросил Эйдан у матери, разглядывая два гроба, пока сани, поскрипывая, медленно ползли в гору впереди нас. – Которая из них умерла первой?

– Что... хм, я не знаю, Эйдан, – ответила Эми с несколько озадаченным видом. – А вы знаете, миссис Фрэзер?

Вопрос ударил меня словно камешком, и я моргнула. Конечно, я знала, но... Я с трудом сдержалась, чтобы не посмотреть на деревья, которые высились вдоль тропы. Я не знала, где

именно находится Арч Баг, но не сомневалась, что рядом. И если он достаточно близко, чтобы подслушать разговор...

Шотландское поверье гласило, что последний похороненный на кладбище должен стать стражем и защищать покоящиеся там души от любого зла, пока другой человек не умрет и не займет его место, и только после этого предыдущий страж получает свободу и отправляется на небеса. Вряд ли Арч обрадуется, узнав, что его жена застряла на земле, чтобы сторожить могилы пресвитериан и грешников, вроде Мальвы Кристи.

У меня похолодело на сердце при мысли о Мальве, которая, как я предположила, и была нынешним стражем кладбища. Именно предположила, потому что она была последней, кого похоронили по всем правилам, хотя в Ридже и после нее умирали люди. Брата Мальвы Алана схоронили неподалеку, в укромном месте в лесу и без подходящего надгробия. Не знаю, достаточно ли это близко, чтобы считаться. А ее отец...

Я кашлянула в кулак и прочистила горло.

– Ах да, миссис Маклауд. Она была мертва, когда мы вернулись в хижину с миссис Баг.

Чистая правда, если на то пошло. А о том, что бабуля Маклауд умерла до того, как я покинула хижину, я предпочла умолчать.

Я говорила и смотрела на Эми, а когда повернула голову к тропе, то сразу же увидела его, Арча Бага. В своем порыжевшем черном плаще он, склонив непокрытую седую голову, медленно брел за санями, словно ворон с подрезанными крыльями. Среди провожающих возникло легкое смятение. Арч оглянулся и заметил меня.

– Не споете ли, миссис Фрэзер? – тихо и учтиво спросил он. – Я должен похоронить ее как полагается, с должным почтением.

– Я... да, конечно.

Сильно смутившись, я попыталась подобрать что-нибудь подходящее. Вряд ли я бы сумела с ходу сочинить настоящий *cathris* – плач по мертвым, – не говоря уже о том, чтобы исполнить его как плакальщица на первоклассных шотландских похоронах.

Я торопилась и выбрала гэльский псалом, которому меня научил Роджер: «*Is e Dia fein a's buachaill dhomh*»¹⁸. Этот псалом поют построчно, регент произносит нараспев строку за строкой, а прихожане повторяют за ним. Он достаточно прост, поэтому, хотя мой голос на склоне горы казался слабым и тонким, остальные скорбящие подхватили слова, и к тому времени, как мы добрались до кладбища, нам удалось достичь подходящей громкости и воодушевления.

Сани остановились на краю окруженной соснами поляны. Несколько деревянных крестов и пирамид из камней виднелись на подтаявшем снегу, а посредине зияли две свежерытые могилы, грязные и безжалостные. Пение тут же умолкло, как будто процессию окатили холодной водой из ведра.

Чахлые лучи солнца пробивались сквозь ветви. Стайка поползней с неуместной веселостью пересвистывалась в кронах деревьев. Джейми вел мулов и не оглянулся, когда Арч внезапно присоединился к похоронам. Однако сейчас Джейми повернулся к нему, легким жестом показал на ближайший гроб и тихо спросил:

– Не взглянешь ли на свою жену еще раз?

Только когда Арч кивнул и подошел к саням, я поняла, что мужчины заколотили гроб миссис Маклауд, а крышку гроба миссис Баг просто положили сверху, ничем не закрепив. Бобби и Йен подняли ее, потупив глаза.

Арч в знак скорби распустил волосы, раньше я его таким не видела. Тонкие белоснежные пряди развевались у его лица, словно струйки дыма, когда он наклонился и бережно отодвинул саван с лица Мурдины.

¹⁸ «Господь – пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться». Псалтырь, псалом 22.

Я с трудом сглотнула, стискивая кулаки. Стрелу я вытащила – дело не из приятных! – и аккуратно обернула горло миссис Баг чистым бинтом перед тем, как расчесать ей волосы. Выглядела она прилично, хотя до жути неузнаваемо. По-моему, я никогда не видела ее без чепца, а белая повязка на полной шее придавала Мурдине чопорный вид пресвитерианского пастора. Я заметила, как Арч чуть вздрогнул, и горло у него дернулось. Он почти сразу совладал с собой, но глубокие морщины прорезали его лицо от носа до подбородка и походили на овраги в сырой глине, а еще он снова и снова сжимал и разжимал руки, словно пытался ухватиться за что-то несуществующее.

Он долго смотрел на гроб, потом полез в спорран и достал какую-то вещицу. Когда он откинул плащ, я заметила, что на поясе ничего нет – Арч пришел безоружным.

Небольшая вещица блестела в его руках. Он наклонился и попытался прикрепить ее к савану, но не смог из-за недостающих пальцев. Он замешкался, пробормотал что-то на гэльском и бросил на меня взгляд, в котором промелькнула паника. Я тут же подошла к нему и взяла вещицу.

Это была маленькая изящная брошь в виде летящей ласточки. Золотая и, похоже, совсем новая. Откинув саван, я прикрепила украшение к платку миссис Баг. Раньше я никогда не видела эту брошь ни на Мурдине, ни в ее вещах, и вдруг меня осенило: скорее всего, Арч сделал ее из золота, которое забрал у Йокасты Кэмерон, может, когда начал один за другим таскать слитки или позже. Он обещал жене, что с годами нужды и зависимости покончено. Ну... и вправду покончено. Я взглянула на Арча и, когда он кивнул, бережно закрыла холодное лицо его жены саваном.

Я непроизвольно протянула руку, чтобы поддержать Арча, но он отодвинулся и отошел назад, бесстрастно наблюдая, как Бобби заколачивает гроб. В какой-то миг он поднял взгляд и медленно посмотрел на Джейми, потом на Йена.

Я снова встала рядом с Джейми, взглянула на него и плотно сжала губы: на его лице читалось искреннее горе. Каким же виноватым он выглядел! Куда уж больше... и, несомненно, Арч тоже чувствовал себя виноватым. Неужели никто из них не понимает, что миссис Баг сама навлекла на себя беду? Если бы она не стреляла в Джейми... Но люди далеко не всегда поступают разумно и правильно, да и тот факт, что кто-то сам поспособствовал своей гибели, несколько не смягчает горечь утраты.

Взгляд упал на небольшой валун на могиле Мальвы и ее сына. Из-под снега виднелась только верхушка камня, круглая, влажная и темная, как макушка младенца, когда он появляется на свет.

«Покойся с миром, – подумала я, чувствуя, как напряжение последних двух дней слегка ослабло. – Теперь ты можешь уйти».

До меня вдруг дошло: что бы я ни сказала Эми и Эйдану, правда о том, какая из женщин умерла первой, не изменится. Впрочем, учитывая характер миссис Баг, я предположила, что роль стража придется ей по вкусу, будет кудахтать и суетиться вокруг душ умерших, как вокруг стаи своих любимых несущек, отгоняя злых духов острым словом и размахивая колбасой.

Эта мысль помогла мне продержаться, пока читали отрывки из Библии, молились, плакали – в основном женщины и дети, большинство из которых не понимали, почему плачут, – снимали гробы с саней и довольно нескладно повторяли «Отче наш». Мне сильно не хватало Роджера, его спокойствия, умения организовать достойные похороны и искреннего сострадания. Наверняка он нашел бы, что сказать в хвалебной речи о Мурдине Баг. А сейчас, когда закончили молитву, никто не вызвался говорить, повисла долгая, неловкая пауза, люди переминались с ноги на ногу. Мы стояли в глубоком снегу, и юбки у женщин промокли почти до колена.

Джейми повел плечами, как будто сюртук был ему маловат, и посмотрел на сани, где под одеялом лежали лопаты. Прежде чем он успел махнуть Йену и Бобби, Йен шумно вздохнул и шагнул вперед.

Он встал у гроба миссис Баг – напротив овдовевшего мужа – и замер, явно собираясь что-то сказать. Арч долго не обращал на него внимания, уставившись в яму, но наконец поднял бесстрастное лицо. Он ждал.

– От моей руки погибла эта... – Йен сглотнул, – эта достойная женщина. Я лишил ее жизни невольно и не по злему умыслу, и я скорблю, что так все вышло. Но она приняла смерть от моей руки.

Ролло, чувствуя горе хозяина, негромко заскулил, но Йен положил руку на голову пса, и тот успокоился. Йен вытащил из-за пояса нож, положил на гроб перед Арчем, затем выпрямился и посмотрел ему в глаза.

– Однажды, во времена великой несправедливости, вы дали клятву моему дяде и предложили жизнь за жизнь этой женщины. Я клянусь железом и предлагаю вам то же самое. – Йен на миг сжал губы и сглотнул, но темные глаза глядели спокойно. – Возможно, вы имели в виду что-то другое, сэр... но я предлагаю свою жизнь.

Я вдруг поняла, что непроизвольно сдерживаю дыхание, и заставила себя дышать. Неужели это задумка Джейми? Йен говорил совершенно искренне. Хотя вряд ли Арч примет предложение Йена и перережет ему глотку на глазах дюжины свидетелей, как бы сильно ни жаждал мести. Но если он прилюдно откажется, что ж, тогда появится шанс на более официальную и менее кровавую компенсацию, а Йен-младший не будет чувствовать свою вину так остро. «Чертов горец!» – подумала я, взглянув на Джейми не без восхищения.

Однако я чувствовала, что ему приходится сдерживать порывы энергии, которые, как электрические разряды, пробегали сквозь него. Он не станет мешать Йену пытаться искупить вину, но и не даст его в обиду, если старина Арч вдруг решит пролить кровь. Похоже, Джейми не исключал подобной возможности. Я посмотрела на Арча и подумала то же самое.

Старик смерил Йена взглядом – кустистые серо-стальные брови нависали над глазами такого же серо-стального цвета, холодными, как металл.

– Слишком просто, парень, – наконец вымолвил он, его голос скрипел, как ржавое железо.

Он перевел взгляд на Ролло, который стоял рядом с Йеном, наострив уши; волчьи глаза пса смотрели настороженно.

– Дашь мне убить твою собаку?

В тот же миг маска слетела с лица Йена, от потрясения и ужаса он вдруг стал похож на маленького мальчика. Он ахнул, хватая ртом воздух и пытаясь взять себя в руки, но голос его дрогнул, когда он ответил старику:

– Нет! Он ничего не сделал! Это мое... мое преступление, не его!

Тогда Арч чуть улыбнулся одним ртом, глаза оставались серьезными.

– Да. Вот видишь, а ведь это всего лишь блохастая тварь. Не жена.

Он произнес «жена» почти шепотом. Горло его дергалось, пока он откашливался. Старик пристально посмотрел на Йена, перевел взгляд на Джейми, а потом на меня.

– Не жена, – еле слышно повторил он.

Мне казалось, что моя кровь уже застыла в жилах, но от слов Арча заledenело сердце.

Нарочито не торопясь, Арч оглядел обоих, сперва Джейми, затем Йена, которого рассматривал всего лишь мгновение, долгое, словно жизнь.

– Когда у тебя, парень, появится что-то действительно стоящее того, чтобы забрать, ты увидишь меня снова, – тихо сказал он, резко повернулся и пошел к лесу.

Глава 5

Мораль для путешественников во времени

В кабинете Роджера была электрическая настольная лампа, но по вечерам он часто работал при свечах. Он достал из коробка спичку и, легко чиркнув, зажег. Подумал, что после письма Клэр всякий раз, зажигая спичку, будет думать о том, как сгорел Большой дом. Роджер жалел, что не видел это собственными глазами.

Огонек съезжился, когда он поднес спичку к фитилю свечи, прозрачный воск на миг потускнел, занялся таинственно синим пламенем, а затем снова посветлел и привычно замерцал. Роджер посмотрел на Мэнди, которая на диване что-то напевала своим мягким игрушкам. Мэнди уже искупалась, и папа должен был следить, чтобы она не набедокурила, пока купают Джема. Поглядывая на дочь одним глазом, Роджер сел за стол и открыл дневник.

Роджер начал его вести отчасти для забавы, а отчасти потому, что не смог придумать, как еще бороться с парализующим страхом.

– Ты же можешь научить детей не переходить улицу в одиночку, – заметила Брианна. – И конечно, ты сможешь, черт возьми, научить их держаться подальше от стоячих камней.

Он согласился, но мысленно сделал оговорку. С маленькими детьми это работает: да, вы можете капать им на мозги до тех пор, пока они не усвоят, что нельзя совать столовые вилки в розетки. Но что делать с подростками с их изначальной тягой к познанию себя и всего неизвестного? Роджер прекрасно помнил себя подростком. Запрети мальчишке совать вилку в розетку, и он в тот же миг кинется обшаривать ящик со столовым серебром, стоит только отвернуться. Может, девочки совсем другие, но это вряд ли.

Роджер снова взглянул на диван, где Аманда теперь лежала на спине, подняв ножки и удерживая на ступнях большого, изрядно потрепанного плюшевого медведя, которому она пела французскую песенку «Frère Jacques»¹⁹. Мэнди была еще совсем маленькой, она ничего не вспомнит. А Джемми помнит. Роджер понял это, когда малыш как-то проснулся от кошмара – огромные глаза смотрели в никуда, и он не смог рассказать, что видел во сне. Слава богу, это случалось нечасто.

Роджер до сих пор покрывался холодным потом, когда вспоминал тот последний переход. Он прижал Джемми к груди и шагнул в... Господи, этому нет названия, ведь человечеству в основной своей массе не доводилось испытывать ничего подобного, и к счастью для него. Это ощущение даже сравнить не с чем.

Все органы чувств отказали, но в то же время находились в состоянии такой повышенной чувствительности, что от нее можно было бы умереть, продлись переход чуть дольше. Ревущая пустота, где любой звук, казалось, расплющивает тебя, вибрирует в теле, пытаясь раздробить его на отдельные клеточки. Абсолютная слепота, но такая, словно ты долго смотрел на солнце. И прикосновения... тел? Призраков? Невидимых существ, которые пролетают мимо и легко, словно бабочка крыльями, касаются твоей кожи, или проносятся прямо сквозь тебя, да так, что кости глухо стучат друг о дружку. И крик, постоянное ощущение, что кто-то пронзительно кричит.

Был ли запах? Роджер замер и нахмурился, вспоминая. Да, черт возьми, там сильно пахло. Как ни странно, запах вполне поддавался описанию: так пахнет воздух, обожженный молнией. Озон.

«Там сильно пахло озоном», – написал он, чувствуя необыкновенное облегчение, оттого что нашел хотя бы крошечную точку опоры, упомянув нормальный мир.

¹⁹ «Братец Яков» – французская детская песенка, широко известное музыкальное многоголосное произведение, т. н. «канон».

Впрочем, облегчение исчезло, едва Роджер вернулся к воспоминаниям.

Он чувствовал, что удержит их вместе только благодаря собственной силе воли, и только безумное стремление выжить не даст ему рассыпаться на куски. Он примерно знал, чего ожидать, но это несколько не помогло, впрочем, как и предыдущий опыт. Все было по-другому и намного хуже, чем в последний раз.

Роджер знал, что нельзя смотреть на них. На призраков, если это действительно были призраки. «Смотреть» – не самое подходящее слово... Обращать внимание? Снова не то... Роджер сердито вздохнул.

– *Sonnez les matines, sonnez les matines...*²⁰

– Динь-дан-дон! – тихо подпел он дочери. – Динь-дан-дон!

С минуту Роджер думал, постукивая ручкой по листу, затем покачал головой и снова склонился над бумагой, пытаясь объяснить свой первый переход, почему он прошел за считанные... минуты? Дюймы? Невообразимо малая величина, которая отделила его от встречи с отцом... И от гибели.

«Я думаю, что в ходе жизни невозможно пересечься с самим собой», – медленно написал он. И Бри, и Клэр, обе женщины-ученые, убедили его, что два идентичных объекта не могут существовать в одном пространстве, и неважно, элементарные это частицы или слоны. Роджер полагал, что этот факт вполне объясняет, почему нельзя существовать дважды в одном и том же времени.

Роджер допускал, что именно поэтому он чуть не погиб, когда впервые проходил через камни. Тогда Роджер думал о своем отце, каким он его помнил. Что было, конечно, во время его собственной жизни.

Он задумался, вновь постукивая ручкой по странице, но так и не смог заставить себя описать то, с чем в тот раз столкнулся. Позже. Вместо этого он перелистал дневник назад и вернулся к незаконченному содержанию.

«Практическое пособие для путешественников во времени».

Глава I. Физические явления

А. Известное местоположение (лей-линии?²¹).

Б. Генетическая предрасположенность

В. Смертность

Г. Влияние и наличие драгоценных камней

Д. Кровь

Роджер зачеркнул последнее слово, но потом засомневался, должен ли он излагать все, что знал, во что верил или о чем подозревал? Клэр считала полной чушью утверждение о том, что кровавая жертва необходима и приносит практическую пользу, – языческое суеверие без реальных доказательств, говорила она. Может, она и права, в конце концов, образованности у нее не отнять, но у Роджера остались ужасные воспоминания о той ночи, когда Гейлис Дункан прошла через камни.

Он помнил длинные белокурые волосы, развевающиеся на фоне пылающего огня, непослушные локоны, мелькнувшие перед стоячим камнем. Удушающий запах бензина, смешанный с вонью паленого мяса, и обожженное бревно в середине круга, которое было вовсе не бревном. Гейлис Дункан ушла слишком далеко.

«Двести лет, в старинных легендах о феях всегда упоминают две сотни лет», – сказала ему Клэр. Сказки и подлинные истории о людях, похищенных «маленьким народцем», которых «забрали через камни» на холмах фей. «Давным-давно, лет двести назад...» – так часто

²⁰ Звонят к заутренней! Звонят к заутренней! (*фр.*)

²¹ Лей-линии – с точки зрения магии: линии, соединяющие различные места Силы на Земле, по которым передается земная энергия.

начинаются сказки. А иногда в них говорится о тех, кто вернулся в родные места, но только через двести лет после своего ухода. Две сотни лет.

Клэр, Бри, он сам – всякий раз, когда они переходили в другое время, промежуток был один и тот же: двести два года, достаточно близко к двумстам, как в старинных легендах. Но Гейлис Дункан ушла слишком далеко.

Медленно и неохотно Роджер снова написал «Кровь», а в скобках добавил: «Огонь?», и больше ничего. Не сейчас. Позже.

Для утешения он посмотрел на книжную полку, где под маленькой змейкой, вырезанной из вишневого дерева, лежало письмо. «Мы живы...»

Внезапно Роджеру захотелось сходить за деревянной шкатулкой, вытащить остальные письма, вскрыть и прочитать все до единого. И не только из любопытства, здесь было нечто большее: Роджеру хотелось дотянуться до Клэр и Джейми, прижать доказательства их жизни к лицу, к сердцу и стереть пространство и время, которые пролегли между ним и Фрэзерами.

И все же Роджер сдержался. Они так решили – или, точнее, так решила Бри, – а Клэр и Джейми были ее родителями.

«Я не хочу прочесть все письма сразу, – сказала она, перебирая содержимое шкатулки длинными нежными пальцами. – Это... словно, как только я закончу читать, они... и вправду умрут».

Роджер понимал. До тех пор пока хоть одно письмо оставалось непрочитанным, Клэр и Джейми были живы. Несмотря на свое любопытство историка, Роджер разделял чувства жены. Кроме того...

Родители Брианны писали те письма не как дневниковые записи, которые, возможно, прочитают далекие потомки. Нет, письма писались с определенной и конкретной целью: для связи с ним и Бри. Это означало, что в них вполне могли найтись тревожные сообщения, ведь и тещь, и теща обладали талантом к подобным откровениям.

Вопреки себе Роджер все же встал, взял письмо, развернул и еще раз прочитал постскрипtum – хотел удостовериться, что ему не померещилось.

Да, он ничего не выдумал. Слово «кровь» тихонько звенело в ушах Роджера, когда он снова сел. «Итальянский джентльмен». Речь, несомненно, шла о Чарльзе Стюарте, и ни о ком другом. Господи! Какое-то время Роджер сидел, глядя в пустоту, – Мэнди теперь напевала рождественскую песенку «Джингл беллз», – потом встряхнулся, перевернул несколько страниц и вновь начал усердно писать.

Глава II. Мораль

А. Убийство и причинение вреда жизни

Естественно, мы считаем, что убийство по любой причине, исключая самооборону, защиту другого человека или узаконенное использование силы в военное время, абсолютно предосудительно.

Пару секунд он смотрел на эти строки, затем пробормотал: «Напыщенный осел!» – вырвал страницу из дневника, скомкал и выбросил.

Не обращая внимания на Мэнди – а та уже заливисто распевала пародийную версию песенки: «Динь-дилень, Бэммен – пень, Вобин – дуячок!», – Роджер схватил дневник и направился по коридору в кабинет Брианны.

– Кто я такой, чтобы разглагольствовать о морали? – требовательно спросил он.

Брианна оторвалась от страницы с изображением разобранной электрической гидротурбины и посмотрела на мужа бессмысленным взглядом, означающим, что она услышала, но пока еще не соображает, кто говорит и о чем именно. Роджер знал об этой особенности жены и потому с легким нетерпением ждал, когда ее разум переключится с турбины и сосредоточится на нем.

– ...разглагольствовать? – переспросила Брианна, нахмурившись, потом моргнула, и ее взгляд принял осмысленное выражение. – Перед кем ты разглагольствуешь?

– Ну... – Роджер поднял исписанную тетрадь и неожиданно смутился. – Наверное, перед детьми.

– Ты и должен разглагольствовать перед своими детьми о морали, – рассудительно заметила она. – Ты же их отец, это твоя обязанность.

Роджер слегка растерялся.

– Ох, но я ведь сам совершил много такого, что говорю им не делать.

Кровь. Да, возможно, это и была защита другого человека. А может, и нет.

Брианна приподняла густую рыжую бровь.

– А ты не слышал о лицемерии во благо? Я думала, что в семинарии вас этому учили, раз уж ты заговорил о разглагольствованиях на тему морали. Это ведь работа священника, так?

Она уставилась на него голубыми глазами, явно ожидая ответа. Роджер глубоко вздохнул. Да уж, доверять Бри – это все равно что подойти к слону и схватить его за хобот, подумал он с иронией. С тех пор как они вернулись, она ни разу не упомянула о его почти состоявшемся рукоположении и ни разу не спросила, что он теперь собирается делать со своим призыванием. Ни единого слова за весь год, пока они жили в Америке, ни после операции Мэнди, ни после того, как они приняли решение переехать в Шотландию. Брианна не касалась этой темы и тогда, когда они купили Лаллиброх, а потом несколько месяцев приводили поместье в порядок. Молчала, пока он сам не открыл эту дверь. А раз уж открыл, конечно, подошла к нему, свалила наземь и поставила ногу на грудь.

– Да, – ровным голосом ответил Роджер и посмотрел жене в глаза. – Ты права.

– Хорошо. – Она ласково улыбнулась. – Так в чем проблема?

– Бри, – сказал Роджер и почувствовал в изрубцованном горле ком, – если бы я знал, то сказал бы тебе.

Она встала, положила ладонь на его руку, но никто из них не успел ничего добавить, потому что в коридоре раздался топот маленьких босых ножек, которые бежали вприпрыжку, и из дверей кабинета Роджера донесся голос Джема:

– Папа?

– Я здесь, дружище, – отозвался Роджер, но Брианна уже пошла к двери.

Роджер последовал за ней и увидел возле стола Джема в пижаме с изображением Супермена и мокрыми, стоящими как иглы волосами. Мальчик с любопытством разглядывал письмо.

– Что это? – спросил он.

– Сто его? – послушным эхом повторила подбежавшая Мэнди и вскарабкалась на стул, чтобы посмотреть.

– Письмо от вашего дедушки, – ответила Брианна, несколько не растерявшись. Словно невзначай она положила одну руку на письмо, прикрыв почти весь постскрипtum, а другой показала на последние строчки. – Он прислал вам поцелуй. Видите?

Джем просиял.

– Он сказал, что он нас не забудет, – довольно произнес он.

– Поцелуй, дедушка! – воскликнула Мэнди, наклонилась так, что густые черные кудряшки упали ей на лицо, и приложилась губами к письму, громко чмокнув.

Разрываясь между ужасом и смехом, Бри выхватила письмо и вытерла с него слюни, но старая бумага оказалась на удивление прочной.

– Ничего страшного, – сказала Бри и незаметно передала письмо Роджеру. – Пойдемте! Что мы будем читать сегодня?

– Сказки про зивотных для малысей!

– Животных, – отчетливо произнес Джем, наклонившись к сестре. – Сказки про животных для малышей.

– Хорошо, – дружелюбно кивнула она. – Я первая!

Весело хихикая, Мэнди бросилась к двери и выбежала. Брат рванул за ней. Брианне потребовалось всего три секунды, чтобы схватить Роджера за уши, притянуть к себе и поцеловать в губы. Отпустив его, она пошла вслед за отпрысками.

Чувствуя себя гораздо счастливее, Роджер сел и прислушался к долетавшему сверху шуму: дети умывались и чистили зубы. Вздохнув, Роджер сунул дневник обратно в ящик. Времени еще предостаточно. Пройдет много лет, прежде чем эта тетрадь понадобится, подумал он. Годы и годы.

Бережно сложив письмо, Роджер встал на цыпочки и положил его на самую высокую полку книжного шкафа, прижав маленькой змейкой для пущей сохранности. Задул свечу и направился к своей семье.

«P.S. Вижу, что сказать последнее слово выпало мне – редкая роскошь для человека, который живет в доме с восемью (по последним подсчетам) женищинами. Как только потеплеет, мы хотим покинуть Ридж и отправиться в Шотландию, чтобы найти мой печатный станок и вернуться с ним обратно. По нынешним временам путешествие – дело рискованное, и я не могу предсказать, когда напишу снова, если это вообще будет возможно. (Не знаю я и того, получите ли вы это письмо или нет, но продолжаю его с надеждой, что получите.)

Я хотел бы рассказать вам о том, как распорядился имуществом, которое некогда доверили Кэмеронам для Итальянского Джентльмена. Я решил, что неразумно везти его с собой, и потому спрятал в укромном месте. Джем знает это место. Если вам когда-нибудь понадобится это имущество, скажите, что его охраняет Испанец. Если вы захотите забрать это имущество, то пусть его обязательно освятит священник – на нем кровь.

Иногда мне жаль, что я не могу заглянуть в будущее, однако чаще я благодарю Бога за то, что он не дал мне этой возможности. Но я всегда буду видеть ваши лица. Поцелуйте за меня детей.

Ваш любящий отец,

Дж. Ф.»

* * *

Дети почистили зубы и умылись, после чего их поцеловали и отправили спать, а родители вернулись в библиотеку, чтобы выпить по глотку виски и поговорить о письме.

– Итальянский Джентльмен? – Бри посмотрела на Роджера, приподняв одну бровь так, что тот сразу же вспомнил Джейми Фрэзера и невольно взглянул на листок бумаги. – Неужели он имеет в виду...

– Чарльза Стюарта? Да, кого же еще?

Она взяла письмо и, наверное, уже в десятый раз перечитала постскрипtum.

– Если он действительно имеет в виду Чарльза Стюарта, то имущество...

– Он нашел золото. И Джем знает, где оно? – Роджер не смог удержаться и произнес последнюю фразу с вопросительной интонацией, подняв глаза к потолку, над которым предположительно спали его дети, ангелочки в пижамах с персонажами из мультиков.

Бри нахмурилась.

– Джем? Это не совсем то, что написал папа... а если он и вправду знает... нет, это слишком серьезный секрет, чтобы доверить его восьмилетнему мальчику.

– Верно.

Роджер подумал, что, несмотря на свои восемь лет, Джем умеет хранить секреты. Но и Бри права: ее отец никогда бы не стал обременять столь опасной информацией другого человека, не говоря уже о любимом внуке. По крайней мере, без уважительной причины, а постскрипtum давал понять, что эту самую информацию сообщили на случай крайней нужды.

– Ты права. Джем ничего не знает о золоте, только о том Испанце, кем бы он ни был. Джем тебе ничего не говорил?

Бри покачала головой и резко повернулась, когда внезапный порыв ветра ворвался сквозь занавески в открытое окно, принеся с собой запах дождя. Бри вскочила и поспешно закрыла створки, затем побежала наверх, чтобы закрыть окна и там, махнув Роджеру, чтобы тот проверил первый этаж. Дом был большой, и окон в нем оказалось необычайно много. Дети все время пытались их пересчитать, но у них ни разу не выходило одно и то же число.

Роджер полагал, что мог бы как-нибудь сам пересчитать окна, решив этот вопрос раз и навсегда, но не хотел этого делать. Лаллиброх, как и большинство старинных зданий, обладал ярко выраженной индивидуальностью. Его построили большим и уютным, отказавшись от величественности в пользу удобства, и голоса прошлых поколений до сих пор эхом отдавались в стенах дома, который, несомненно, таил немало секретов. Соккрытие точного количества окон было вполне в игривом духе этого дома.

Окна на кухне – теперь оборудованной холодильником, современной плитой марки «Ага» и водопроводом, но все еще со старинными гранитными столешницами, покрытыми пятнами от смородины и крови домашней птицы и дичи, – были закрыты. Тем не менее Роджер прошел через кухню и буфетную. Свет в глубине холла не горел, но Роджер разглядел около стены решетку в полу, через которую воздух проникал в «убежище священника»²².

После неудачного восстания якобитов там недолго прятался тесть, еще до того, как попал в Ардсмурскую тюрьму. Роджер спускался туда всего лишь один раз (и тоже ненадолго), когда они купили дом, и вылез из сырой вонючей ямы, отлично понимая, почему Джейми Фрэзер предпочел жить в глуши на уединенной горе, где ничто не сдерживало его передвижений.

Годы скитаний, невзгод, заточения... Джейми Фрэзер не был политиканом и лучше других знал истинную цену войны, вне зависимости от предполагаемой цели. Но Роджер не раз видел, как тесть рассеянно потирал запястья, где следы от оков давно исчезли, но память об их тяжести осталась. Роджер не сомневался, что Джейми Фрэзер лучше умрет, чем будет жить в неволе. На миг Роджеру так сильно захотелось оказаться рядом с тестем и сразаться с ним плечом к плечу, что от тоски заныли кости.

Начался дождь, капли забарабанили по шиферным крышам надворных построек, и вскоре он уже лил как из ведра, окутав дом туманом и водой.

– Ради нас... и наших потомков, – сказал Роджер вслух, но очень тихо.

То была сделка, которую мужчины заключили между собой, негласно, но полностью понимая друг друга. Главное – сберечь семью и защитить детей, больше ничто не имело значения. И если за это нужно платить кровью, потом или отдать душу, что ж, всему своя цена.

– *Oidche mhath*, – произнес Роджер, кивнув в сторону убежища священника. – Спокойной ночи.

Он еще немного постоял на старой кухне, чувствуя, как дом словно обнимает его, надежно защищает от грозы. Роджер подумал, что кухня всегда считалась сердцем дома, и вдруг обнаружил, что от тепла плиты так же уютно, как когда-то от пылающего огня в ныне пустом очаге.

Роджер встретил Брианну у подножия лестницы. Она уже переделалась для постели, но вовсе не для того, чтобы спать. Воздух в доме всегда оставался прохладным, а из-за

²² Убежище священника – потайное помещение, где укрывались католические священники во время преследования католиков.

дождя температура понизилась еще на несколько градусов. Однако Брианна надела не теплую пижаму, а тонкую ночную рубашку из белого хлопка, отделанную узкой красной лентой и обманчиво целомудренную на вид. Белая ткань льнула к груди Брианны, словно облако к вершине горы.

Роджер сказал об этом жене, она рассмеялась и не стала возражать, когда он прямо поверх ткани накрыл ее грудь ладонями, чувствуя, как затвердели соски, став похожими на камешки.

– Наверху? – прошептала Брианна, и, прижавшись к нему, провела кончиком языка по его нижней губе.

– Нет, – ответил он и крепко поцеловал жену, возбуждаясь от прикосновения и сдерживая желание, – на кухне. Там мы еще этого не делали.

Роджер овладел Брианной, склонившись над старинным кухонным столом, заляпанным таинственными пятнами. Тихие стоны сливались с шумом ветра и стуком дождя, бьющего по старинным ставням. Роджер почувствовал, как она содрогнулась в сладкой судороге, обмякла, и тоже кончил. Колени ослабли, и он медленно навалился на жену, держа ее за плечи и прижимаясь лицом к пахнущим шампунем волосам. Гладкий старый гранит приятно охлаждал щеку. Сердце Роджера стучало медленно, тяжело и ровно, как будто били в большой барабан.

Роджер был без одежды, и от холодного сквозняка его спина и ноги покрылись мурашками. Брианна почувствовала, как он дрожит, и повернулась к нему лицом.

– Замерз? – прошептала она.

Ей самой было жарко, она пылала, как раскаленный уголь, и Роджеру больше всего хотелось лечь в постель рядом с ней и переждать грозу в уютном тепле.

– Все в порядке. – Он нагнулся и сгреб с пола одежду. – Пойдем спать.

Наверху шум дождя слышался еще громче.

– И звери шли по два, по два, – тихонько напевала Бри, когда они поднимались по лестнице. – Два кенгуру и два слона...

Роджер улыбнулся. Можно представить, что дом – это ковчег, который плывет по бурным водам, а внутри его уютно и тепло. И всех по двое: два родителя, два ребенка. Впрочем, возможно, когда-нибудь их станет больше. В доме полно места.

Лампу потушили, и под размеренный стук дождя в ставни Роджер балансировал на грани сна и бодрствования, желая продлить сладостные минуты.

– Мы ведь не будем его спрашивать? – прошептала Бри сонным голосом. Теплая тяжесть ее тела согревала бок Роджера. – Я имею в виду Джема.

– Конечно, нет. Ни к чему.

Он вдруг почувствовал укол любопытства. Интересно, кем был тот Испанец? И всегда существует соблазн, если знаешь о спрятанных сокровищах. Впрочем, пока клад им не нужен, денег у них достаточно. Предположим, что золото лежит себе спокойно там, куда Джейми его положил много лет назад. Хотя вряд ли.

Роджер не забыл последнее указание Джейми в постскриптуме.

«Пусть его обязательно освятит священник – на нем кровь». Слова расплывались, и, так как он все время повторял их в памяти, ему приснились не золотые слитки, а старый стол с гранитной поверхностью, в которую намертво въелись темные пятна. И ведь ничем их не отчистишь. Молитвы тоже не помогали.

Хотя, собственно, какая разница? Кем бы ни был тот Испанец, пусть спокойно охраняет свое золото и дальше. Семья в безопасности.

Часть 2

Кровь, пот и маринованные огурчики

Глава 6

Лонг-Айленд

4 июля 1776 года в Филадельфии была подписана Декларация независимости.

24 июля генерал-лейтенант сэр Уильям Хау прибыл в Нью-Дорп на Статен-Айленде и устроил походную штаб-квартиру в таверне «Роза и корона».

13 августа генерал-лейтенант Джордж Вашингтон прибыл в Нью-Йорк, чтобы усилить оборону города, который удерживали американцы.

21 августа лейтенант Уильям Рэнсом, лорд Элсмир, прибыл в таверну «Роза и корона» в Нью-Дорпе и доложил, хотя и несколько запоздало, что приступил к исполнению обязанностей самого младшего офицера при штабе генерала Хау.

22 августа...

Лейтенант Эдвард Маркхэм, маркиз Клэрвелл взгляделся в лицо Уильяма, выставив, в свою очередь, на обозрение весьма неаппетитный зрелый прыщ у себя на лбу, готовый вот-вот лопнуть.

– Элсмир, с тобой все в порядке?

– Замечательно, – с трудом выдавил Уильям сквозь стиснутые зубы.

– Только выглядишь ты несколько... зеленоватым. – Клэрвелл с обеспокоенным видом полез в карман. – Хочешь, дам пососать маринованный огурчик?

Уильям едва успел добежать до поручней. Сзади доносились скабрзные шуточки насчет «огурчика» Клэрвелла: кто бы мог его пососать и сколько владелец «огурчика» должен будет заплатить за оказанную услугу. Сальности перемежались заверениями Клэрвелла, что его престарелая бабушка считала маринованный огурчик лучшим средством от морской болезни и всем его рекомендовала. Этот способ отлично работает, божился Клэрвелл, вот посмотрите на него, Клэрвелла, крепок, как скала...

Уильям заморгал слезящимися глазами и уставился на приближающийся берег. Море почти не волновалось, но, похоже, надвигался шторм. Впрочем, какая разница, ведь даже при малейшей качке, во время наикратчайшего плавания, Уильяма буквально выворачивало наизнанку. И так каждый чертов раз!

Его все еще тошнило, но в желудке уже ничего не осталось, и потому Уильям сделал вид, что все хорошо. Он вытер рот, чувствуя, что покрыт липким холодным потом, хотя день стоял жаркий. Уильям расправил плечи.

Вот-вот должны были бросить якорь, значит, пора вниз, подумал Уильям, привести своих людей в некое подобие порядка, прежде чем они погрузятся в лодки. Он бросил осторожный взгляд через поручни и прямо за кормой увидел «Ривер» и «Феникс». «Феникс» был флагманским кораблем адмирала Хау, и его брат, генерал, тоже находился на борту. Неужели придется ждать, подпрыгивая, словно поплавки на бурных волнах, пока генерал Хау и его адъютант капитан Пикеринг не сойдут на берег? Уильям надеялся, что нет.

В конечном счете им разрешили высадиться сразу.

– И пошевеливайтесь, джентмуны! – во всю глотку проорал сержант Каттер. – Нам нужно застать этих сукиных детей мятежников врасплох! И не дай бог, кто-то помешкает, солоно ему придется! Эй, вы там!

Он зашагал прочь, крепкий, как плитка прессованного табака, чтобы задать взбучку очередному провинившемуся лейтенанту, и Уильяму полегчало. Разве может случиться нечто понастоящему ужасное в мире, где существует сержант Каттер?

Уильям последовал за своими людьми вниз по трапу, к шлюпкам, от возбуждения совершенно забыв о своем желудке. Где-то на равнинах Лонг-Айленда его ждало первое настоящее сражение.

* * *

Восемьдесят восемь фрегатов. Уильям слышал, что именно столько адмирал Хау привел с собой, и нисколько не сомневался. Лес парусов заполнил залив Грейвсенд, небольшие шлюпки теснились на воде, переправляя войска на берег. В груди Уильяма тоже теснило, он чувствовал, как его распирает от предвкушения. Оно нарастало и среди его сослуживцев, Уильям ощущал это, когда капралы высаживали свои подразделения из шлюпок и уводили прочь в строевом порядке, освобождая место для следующей волны солдат и офицеров.

Берег был довольно близко, и потому офицерских лошадей не перевозили на лодках, а пустили вплавь. Уильям отпрянул в сторону, когда огромный гнедой вскинулся на дыбы неподалеку, обдав дождем соленых брызг всех в радиусе десяти футов. Парнишка-конюх с побледневшим от холода лицом цеплялся за уздечку коня и походил на мокрую крысу, но тоже встряхнулся, как его подопечный, и восторженно улыбнулся Уильяму.

Лошадь Уильяма была где-то здесь, знать бы, где именно. Капитан Грисуолд, старший офицер при штабе Хау, одолжил ему одну из своих лошадей, по-другому решить вопрос не получилось – не хватало времени. Уильям предполагал, что тот, кто за ней присматривает, сам его найдет, хотя и не понимал, как.

Вокруг царил организованный беспорядок. Прилив отошел, и группки красномундирников сустились на плоском берегу среди выброшенных прибоем морских водорослей, словно стайки ржанок, а зычные команды сержантов вторили пронзительным крикам чаек над головой.

С некоторым трудом – Уильяма представили капралам только утром, и он еще толком не запомнил их лица – Уильям нашел свои четыре подразделения и повел их от берега вверх, в песчаные дюны, заросшие жесткой, словно проволока, травой. Было очень жарко, и Уильям, сам изнемогая от зноя в тяжелом обмундировании и при полном снаряжении, дал своим людям отдохнуть: попить воды или пива из фляжек и перекусить сыром с галетами. Он знал, что скоро поступит приказ двигаться дальше.

Вот только куда? Именно этот вопрос терзал сейчас Уильяма. Первое заседание штаба, на котором он присутствовал, наспех проведенное накануне вечером, подтвердило намеченный план наступления. Из залива Грейвсенд половина армии отправится в глубь острова и повернет на север к Бруклинским высотам, где, как считали, окопались отряды повстанцев. Остальные войска должны двигаться вдоль берега к Монтоку, образуя линию обороны, которая в случае необходимости могла бы переместиться в глубь Лонг-Айленда и загнать мятежников в ловушку.

Уильяму невероятно сильно, до боли в позвоночнике, хотелось быть в авангарде, атаковать, но пришлось признать, что это маловероятно. Он совсем не знал своих солдат, и их вид не произвел на него впечатления. Ни один здравомыслящий командир не послал бы эти подразделения на передовую, разве что в роли пушечного мяса. Эта мысль несколько охладила пыл Уильяма, но только на миг.

Хау не любил терять людей понапрасну, он слыл человеком осторожным, порой даже чрезмерно, как рассказывал отец. Лорд Джон не говорил, что пресловутая осторожность и стала основной причиной, почему он дал согласие на службу Уильяма при штабе Хау, но Уильям

и так это знал. Да какая разница, думал Уильям, ведь шансы стать свидетелем важных событий сейчас намного выше, чем когда он прохлаждался в болотах Северной Каролины под командованием сэра Питера Пэкера.

И все же... Он медленно огляделся по сторонам. Море кишело британскими судами, сушу перед взором Уильяма заполонили солдаты. Он никогда бы не признался вслух, что впечатлен зрелищем, но почувствовал, как шейный платок сдавил горло. Уильям понял, что затаил дыхание, и выдохнул.

На берег переправлялась артиллерия, опасно маневрируя на плоскодонных баржах, которыми, чертыхаясь, управляли солдаты. Орудийные лафеты и повозки с боеприпасами тащили по мелководью к берегу ломовые лошади и волю, сбившись в исхлестанное бичами, покрытое мокрым песком стадо, которое ржало и мычало в знак протеста, когда выходило на сушу южнее места высадки людей. Это была самая большая армия, которую когда-либо видел Уильям.

– Сэр, сэр!

Он увидел перед собой невысокого круглощекого солдатика, чем-то встревоженного и совсем юного, не старше самого Уильяма.

– Да?

– Ваш эспонтон²³, сэр. И ваша лошадь тоже здесь, – добавил солдат, кивнув на статного светло-гнедого мерина, которого держал за поводья. – Капитан Грисуолд шлет свое почтение.

Уильям взял семифутовый эспонтон – отполированный стальной наконечник тускло блестел даже под затянутым тучами небом – и, ощутив в руке его тяжесть, вздрогнул от волнения.

– Благодарю. А вы...

– Ах да. Перкинс, сэр! – Солдат торопливо козырнул, коснувшись лба костяшками пальцев. – Это моя третья кампания, сэр. Нас еще называют взломщиками.

– Правда? Что ж, надеюсь, у вас будет немало возможностей оправдать это прозвище.

Перкинс стоял с невозмутимым видом.

– Благодарю вас, Перкинс, – сказал Уильям, жестом отпуская солдата и беря лошадь под уздцы.

Восторг переполнял его сердце. Уильям подумал, что это самая большая армия, которую он когда-либо видел. И он стал ее частью.

* * *

Уильяму повезло больше, чем он предполагал, но не так сильно, как он надеялся. Его подразделениям надлежало следовать вторым эшелонам за пехотой, которая шла в авангарде, и охранять артиллерию. Это не гарантировало участия в боевых действиях; тем не менее шансы были, и довольно неплохие, окажись американцы хотя бы наполовину такими хорошими бойцами, каковыми слыли.

Уже далеко за полдень он поднял эспонтон вверх и скомандовал:

– Шагом марш!

Ненастье, которое давно назревало в воздухе, разразилось мелким дождем, принеся долгожданное облегчение от жары.

За берегом полоса деревьев сменилась широкой красивой равниной. Перед войсками раскинулось море колышущейся травы, которая пестрела полевыми цветами, настоящее буйство красок в тусклом свете непогожего дня. Далеко впереди Уильям увидел стайку вспорхнувших птиц. Голубей? Перепелов? Не понять, слишком далеко, но он видел, как птицы, несмотря на дождь, взлетают из своих укрытий, испуганные солдатами на марше.

²³ Эспонтон – колющее древковое холодное оружие. Служило отличительным знаком офицеров.

Подразделения Уильяма шли ближе к середине первой линии продвигающихся войск, змеились за ним стройными рядами, и он мысленно поблагодарил генерала Хау. Вообще-то, как младшему штабному офицеру, Уильяму полагалось исполнять обязанности ординарца и снова туда-сюда между отрядами, разнося приказы из ставки Хау и передавая донесения других двух генералов, сэра Генри Клинтон и лорда Корнуоллиса.

Но Уильям прибыл слишком поздно и не был знаком ни с офицерами, ни с нынешней дислокацией армии, к тому же понятия не имел, кто есть кто, не говоря о том, где кто сейчас находится. Как посыльный он был бы совершенно бесполезен. Однако генерал Хау каким-то образом нашел время в суматохе грядущего наступления и не только любезно поприветствовал Уильяма, но и предложил выбор: сопровождать капитана Грисуолда и выполнять его поручения или принять командование несколькими ротами, потерявшими своего лейтенанта, который свалился с лихорадкой.

Уильям ухватился за эту возможность и теперь гордо ехал верхом, ведя своих людей на войну, а его эспонтон покоился в петле. Уильям поерзал в седле, с наслаждением ощущая на плечах новый красный шерстяной мундир. Аккуратно заплетенная косица упруго касалась шеи, жесткий кожаный воротник приятно подпирал горло, а офицерский горжет – маленькое серебряное напоминание о римских доспехах – радовал своей легкостью. Уильям не надевал военную форму почти два месяца, ее возвращение казалось ему апофеозом блаженства, и даже дождь не мог этому помешать.

Рядом с Уильямом и его людьми рысила рота легкой кавалерии. Внезапно их командир что-то крикнул, и Уильям увидел, как всадники поскакали вперед и свернули к роще вдали. Неужели они что-то заметили?

Но нет. Из зарослей поднялось огромное облако черных дроздов, которые так громко щебетали, что многие лошади испуганно отпрянули. Кавалеристы прочесали местность, они пробирались между деревьями, обнажив палаши и кромсая ветви, но только для вида. Если в рощице кто-то и прятался, то успел скрыться, и всадники повернули назад, к наступающей армии, пересвистываясь и улюлюкая на скаку.

Уильям опустил обратно в седло, отпустив древко эспонтон.

Никаких американцев поблизости, да и откуда им взяться? Занимаясь сбором данных, Уильям видел и слышал вполне достаточно, чтобы прийти к выводу: только солдаты Континентальной армии будут, скорее всего, сражаться организованно. Он видел, как ополченцев обучают на деревенских площадях, делил трапезу с этими людьми. Они не знали военного дела, выглядели смешными потому, что не могли просто пройти строем, не говоря уже о том, чтобы шагать в ногу, но почти все были опытными охотниками. Уильям столько раз видел, как многие из них сбивают на лету диких гусей и индюшек, что не разделял обычное среди британских солдат презрение к мятежникам.

Нет, если бы американцы находились поблизости, скорее всего, первым признаком стали бы убитые солдаты. Уильям подозвал Перкинса и велел передать капралам, чтобы те держали своих людей начеку, с оружием заряженным и готовым к бою. Он заметил, как передернул плечами один из капралов, явно сочтя приказ издевательством, но распоряжение выполнил, отчего на душе Уильяма стало поспокойнее.

Он мысленно вернулся к недавней поездке и задался вопросом, когда и где можно встретиться с капитаном Ричардсоном и передать ему результаты своей разведывательной работы.

В дороге Уильям в основном держал свои наблюдения в памяти и лишь самое важное записывал шифром в маленьком томике Нового Завета, который ему подарила бабушка. Книжица все еще лежала в кармане гражданского сюртука, оставшегося на Статен-Айленде. Теперь, когда он, Уильям, благополучно возвратился в лоно армии, может, следует написать о своих наблюдениях в рапортах по всей форме? Он мог бы...

Неведомая сила подняла его в стременах как раз вовремя, чтобы заметить вспышку и грохот ружейных выстрелов из леса слева.

– Не стрелять! – закричал Уильям, увидев, как его солдаты снимают с плеч оружие. – Подождите!

Стреляли слишком далеко, а там, ближе к лесу, находилась еще одна колонна пехоты, которая заняла позицию для стрельбы и выпустила в лес первый залп: солдаты первой шеренги опустили на одно колено, а вторая шеренга выстрелила над их головами. Из леса донеслись ответные выстрелы, несколько солдат упало, другие зашатались, но сомкнули ряды.

Еще два залпа, вспышки ответного огня, но теперь лишь единичные. Краем глаза Уильям заметил движение, резко повернулся в седле и увидел шайку лесных деревенщин в охотничьей одежде, которые бежали от дальнего края роши.

Рота, что шла впереди, тоже их заметила. По зычной команде сержанта солдаты сомкнули штыки и побежали, хотя было ясно, что они никого не догонят.

Такие беспорядочные стычки продолжались весь день, пока армия двигалась вперед. Убитых поднимали и относили в конец колонны, но погибших было немного. Как-то раз обстреляли одну из рот Уильяма, и он почувствовал себя богом, когда отдал приказ атаковать. С примкнутыми штыками они ворвались в лесок, словно рой разъяренных шершней, и убили одного повстанца, тело которого потом выволокли на равнину. Капрал предложил повесить его на дереве в назидание другим, но Уильям категорически это запретил, сочтя подобный поступок недостойным, и велел оставить мертвеца на опушке леса, где его могли бы подобрать сообщники.

К вечеру войска облетел приказ генерала Клинтона. Они не будут разбивать бивак, а устроят небольшой привал, чтобы наскоро перекусить сухим пайком, и затем двинутся дальше.

По рядам пронесся удивленный ропот, но никто не возмущался. Они прибыли сюда, чтобы сражаться, и марш вскоре возобновился.

Время от времени моросил дождь, а с наступлением сумерек перестали нападать мятежники. Было прохладно, но не холодно, и несмотря на то, что одежда сильно отсырела, Уильяму больше нравились сегодняшние прохлада и сырость, чем душная жара накануне. К тому же дождь несколько охладил норов его лошади, и это радовало. Мерин оказался нервным и пугливым, и Уильям начал сомневаться, что капитан Грисуолд одолжил ему это создание исключительно из любезности. Впрочем, измученный долгим переходом мерин перестал шархаться от колышущихся под порывами ветра ветвей деревьев и дергать поводья и теперь с усталой покорностью брел вперед, опустив уши.

Первые несколько часов ночного перехода люди держались неплохо, но после полуночи стало сказываться переутомление от нагрузки и недосыпа. Солдаты зашагали медленнее, начали спотыкаться, на них действовало ощущение бескрайней темноты и непомерных усилий, которые отделяли их от рассвета.

Уильям подозвал Перкинса. Круглощекий солдат подошел, щурясь и зевая, и зашагал рядом, держась за стремя Уильяма, пока тот объяснял, чего хочет.

– Петь? – переспросил Перкинс с сомнением в голосе. – Думаю, я умею петь, да, сэр. Правда, только псалмы.

– Это не совсем то, что я имел в виду, – сказал Уильям. – Тогда идите и попросите сержанта... Милликаина. Кажется, так его зовут, да? Он же ирландец? Пусть поет что хочет, лишь бы громко и весело.

В конце концов, они не пытались скрыть своего присутствия, и американцы прекрасно знали об их передвижениях.

– Да, сэр, – неуверенно ответил Перкинс, отпустил стремя и растворился в ночи.

Прошло несколько минут, и Уильям услышал, как зычный ирландский голос Патрика Милликина воодушевленно затянул весьма непристойную песню. Среди солдат прокатилась волна смеха, и к тому времени, когда Милликин дошел до припева, ему подпевали несколько человек. Через пару куплетов песню громко и дружно выводили все, в том числе и Уильям.

Конечно, они не смогли бы петь те несколько часов, что маршировали при полном снаряжении, но ко времени, когда солдаты перепели любимые песни и сбились с дыхания, все проснулись и были снова бодр и веселы.

Перед самым рассветом до Уильяма донесся запах моря и тяжелый дух раскисшего под дождем болота. Солдаты, уже и так промокшие, зашлепали по мелким приливным протокам и ручьям.

Парой минут позже тишину ночи разорвал пушечный выстрел, и болотные птицы с пронзительными тревожными криками поднялись в светлеющее небо.

Следующие два дня Уильям никак не мог сообразить, где он находится. В армейских депешах и срочных донесениях время от времени встречались такие названия, как «Джамейка-Пасс», «Флэтбуш» и «Гованус-Крик», но с таким же успехом там могло бы быть написано «Юпитер» или «Обратная сторона Луны», Уильям все равно бы ничего не понял.

Наконец-то он увидел солдат Континентальной армии, которые полчищами вылезали из болот. Первые несколько стычек были жестокими, но роты Уильяма держали в тылу, для поддержки, и только один раз они подошли к огненным позициям достаточно близко, чтобы отразить атаку американцев.

Тем не менее Уильям, опьяненный запахом порохового дыма, постоянно пребывал в ажитации и пытался услышать и увидеть все сразу, даже когда тело содрогалось от грохота канонады. На закате стрельба прекратилась, и он поел галет и сыра, совсем немного, даже не ощутив вкуса, после чего ненадолго уснул от изнеможения.

К вечеру второго дня они оказались на какой-то ферме, за большим каменным домом, где британские войска и гессенские наемники устроили артиллерийскую позицию. Из окон верхнего этажа высывались стволы орудий, влажно блестящие под дождем, который все шел и шел.

Теперь основной заботой стал подмокший порох. С патронами проблем не возникало, но порох, насыпанный на пороховую полку, после нескольких минут начинал слипаться и приходил в полную негодность. Из-за этого с приказом заряжать приходилось тянуть до последнего мгновения перед выстрелом, и Уильям стискивал зубы, тревожась, что не успеет отдать приказ вовремя.

Впрочем, иногда сомневаться не приходилось. Вот и сейчас из-за деревьев перед домом вылетел с громким гиканьем отряд американцев и устремился к дверям и окнам. Засевшие в доме солдаты сразили выстрелами из мушкетов несколько человек, но остальные добежали до здания и стали забираться в разбитые окна. Почти не думая, Уильям натянул поводья и направил лошадь вправо, чтобы взглянуть на дом сзади. И точно, туда добралась большая группа мятежников, и некоторые уже карабкались наверх по плющу, который разросся по задней стене дома.

– Сюда! – прокричал Уильям, разворачивая лошадь и размахивая эспонтоном. – Олсон, Джеффрис, в обход! Когда подойдете поближе, заряжайте и стреляйте!

Двое из его роты побежали, на бегу надкусывая бумажные патроны, но их уже опередили гессенцы в зеленых мундирах: наемники хватали американцев за ноги, стаскивали с плюща и добивали прикладами на земле.

Уильям развернулся и поскакал в другую сторону – взглянуть, что происходит перед домом, и выехал из-за угла как раз в тот миг, когда из открытого окна верхнего этажа вылетел британский артиллерист и тяжело шлепнулся на землю, нелепо подвернув под себя ногу. Он

лежал, истошно крича от боли. Один из солдат Уильяма бросился к нему, схватил за плечи, но его тут же подстрелили из окна, и он упал, обмякнув, а его шляпа укатилась в кусты.

Остаток дня они провели возле этого фермерского дома. Четыре раза американцы атаковали; дважды им удавалось одолеть засевших в доме и ненадолго захватить орудия, но оба раза свежие британские войска выбивали их из здания и отгоняли прочь либо убивали на месте. Уильяму не удалось подойти к дому ближе чем на двести ярдов, но один раз он все же успел выставить своих людей перед домом как раз во время очередной ожесточенной вылазки американцев, одетых, как индейцы, и вопящих, словно банши. Один из них поднял длинноствольную винтовку и выстрелил в Уильяма, но промахнулся. Уильям выхватил палаш, намереваясь прикончить мятежника, но тот вдруг упал ничком, сраженной чьей-то пулей, и покатился вниз по пригорку.

Повстанцы, за которыми гнались британские войска, уже скрылись за дальним углом дома, и Уильям попытался подогнать лошадь ближе, чтобы взглянуть, мертв тот человек или нет. Однако мерину эта затея совсем не понравилась. Он привык к ружейным выстрелам, но грохот артиллерии его пугал. К несчастью, именно в этот миг прогремела пушка, и мерин, прижав уши, рванул вперед.

В одной руке Уильям все еще держал палаш, а поводья свободно намотал на другую, и, когда лошадь внезапно дернулась влево, его вышибло из седла. Правая нога Уильяма выскользнула из стремени, и его отшвырнуло в сторону. Едва сообразив выпустить из рук меч, он приземлился на одно плечо и перекатился на бок.

Благодаря бога за то, что левая нога не застряла в стремени, и одновременно проклиная лошадь, Уильям, перемазанный в траве и грязи, с трудом встал на четвереньки. Сердце отчаянно колотилось.

Из дома больше не стреляли – должно быть, американцы в очередной раз ворвались внутрь и схватились врукопашную с артиллеристами. Уильям выплюнул забившуюся в рот грязь и начал осторожно отползать, понимая, что иначе в него могут попасть из окон верхнего этажа. Вдруг слева на мокрой траве он увидел того самого американца, который пытался его застрелить. Бросив опасливый взгляд на дом, Уильям пополз к неподвижному человеку, лежавшему лицом вниз. Уильяму захотелось увидеть его лицо, хотя он и сам не знал, зачем. Встав на колени, он приподнял тело за плечи и перевернул.

Вне всяких сомнений, человек был мертв – убит выстрелом в голову. Глаза у него запали, рот открылся, а тело казалось каким-то странным: тяжелым и обмякшим. На мятежнике было что-то вроде военного мундира, и на деревянных пуговицах Уильям заметил выжженную надпись: «ПАТ». Она явно что-то означала, но мысли путались в его голове, и он ничего не сообщал. Бережно положив мертвеца обратно на траву, Уильям поднялся и на негнущихся ногах пошел за своим палашом.

На полпути он замер, развернулся и пошел назад. Опустившись на колени возле мертвеца, Уильям похолодевшими пальцами закрыл ему глаза от дождя, чувствуя в желудке ноющую пустоту.

* * *

К всеобщей радости, в тот вечер встали биваком. Установили полевые кухни, подвезли фургоны с продовольствием, и вскоре сырой воздух наполнили ароматы жареного мяса и свежего хлеба. Едва Уильям присел, чтобы поесть, как перед ним, словно вестник судьбы, возник Перкинс и виновато сообщил, что генерал Хау велел незамедлительно явиться к нему. Уильям прихватил с собой краюху хлеба с дымящимся куском жареной свинины и, жуя на ходу, отправился в штаб.

В штабе три генерала и все штабные офицеры обсуждали итоги дня. Генералы сидели за маленьким столом, заваленным грудями депеш и наспех нарисованными картами. Уильям отыскал местечко среди офицеров, которые почтительно стояли у стен просторной палатки.

Сэр Генри доказывал, что нужно атаковать Бруклинские высоты, как только наступит утро.

– Мы легко выйдем оттуда мятежников, – сказал Клинтон, показывая на депеши. – Они уже потеряли половину людей, если не больше, да их и с самого начала было немного.

– Легко не получится, – заметил милорд Корнуоллис, скривив толстые губы. – Вы же видели, как они сражаются! Да, мы могли бы их выбить, но какой ценой? А вы что скажете, сэр?

Он почтительно повернулся к Хау. Тот сидел, поджав губы, которые сейчас почти исчезли, и лишь тонкая бледная линия напоминала об их существовании.

– Я не могу позволить себе еще одну такую победу, как эта! – резко ответил он. – А если бы и мог, то не желаю!

Генерал перевел взгляд со стола на молодых офицеров у стены.

– Я потерял всех людей из своего штаба на том треклятом Холме в Бостоне, – уже спокойнее произнес он. – Двадцать восемь человек. Всех до единого.

Глаза генерала задержались на Уильяме, самом юном из всех присутствующих младших офицеров. Хау покачал головой и повернулся к сэру Генри:

– Нужно прекратить боевые действия.

Уильям понимал, что сэр Генри недоволен, но тот просто кивнул.

– Предложить перемирие?

– Нет, – коротко сказал Хау. – Вы сами сказали, что они потеряли почти половину своих людей. Только сумасшедшие будут воевать без причины. Они... Эй вы там, сэр! У вас есть какие-нибудь соображения?

Уильям вдруг понял, что вопрос Хау адресован именно ему, так как генерал впери́л в него взгляд своих круглых глаз, пронзающий, словно заряд дроби.

– Я... – начал было Уильям, тут же спохватился и встал навытяжку. – Да, сэр! Теми мятежниками командует генерал Патнэм. Там, у ручья.

Уильям замялся и осторожно добавил:

– Он... он, возможно, не сумасшедший, однако прослыл упрямец.

Хау помолчал, сощури́в глаза.

– Упрямец, – повторил он. – Да, должен признать, что это верно.

– Он ведь был одним из командиров при Бридс-Хилл, не так ли? – вмешался лорд Корнуоллис. – И американцы сбежали оттуда довольно быстро.

– Да, но...

Уильям осекся, оцепенев под пристальными взглядами всех трех генералов. Хау нетерпеливо кивнул, требуя, чтобы он продолжил.

– Со всем уважением, милорд, – произнес Уильям, радуясь, что его голос не дрогнул. – Я... я слышал, что американцы в Бостоне отступили только после того, как расстреляли все боеприпасы до последнего патрона. Думаю... это не тот случай, сэр. А что касается генерала Патнэма... Там, на Бридс-Хилл, за ним никто не стоял.

– А здесь, вы думаете, стоит.

Это был не вопрос, а утверждение.

– Да, сэр. – Уильям старался не смотреть на груды донесений на столе. – Уверен, сэр. Думаю, что почти вся Континентальная армия сейчас на острове.

Уильям пытался говорить уверенно, без намека на сомнение. Он услышал об этом накануне от проезжего майора, но кто знает, вдруг тот говорил неправду?

– Если здесь командует Патнэм...

– А с чего вы взяли, что Патнэм, лейтенант? – перебил Клинтон, подозрительно взглянув на Уильяма.

– Я недавно вернулся из... из разведывательной экспедиции, сэр, которая проходила через Коннектикут. И там я от многих слышал, что собирается ополчение, чтобы вместе с генералом Патнэмом присоединиться к войскам генерала Вашингтона возле Нью-Йорка. А сегодня днем я видел на одежде мертвого бунтовщика пуговицу, сэр, на ней было вырезано «ПАТ». Они так его называют, сэр, генерала Патнэма, – «Старина Пат».

Генерал Хау выпрямился, прежде чем Клинтон или Корнуоллис успели что-либо вставить.

– Упрямец, – повторил он. – Что ж, возможно, так и есть. Однако... Прекратите боевые действия. Он сейчас в затруднительном положении и наверняка это осознает. Дадим ему шанс все обдумать, пусть посоветуется с Вашингтоном, если захочет. Возможно, у Вашингтона больше здравого смысла. И если мы заставим Континентальную армию капитулировать без дальнейшего кровопролития... Я думаю, джентльмены, стоит рискнуть. Но мы не будем предлагать никаких условий.

Это означало, что капитуляция будет безоговорочной, если американцы образумятся. А если нет? Уильям слышал рассказы о сражении при Бридс-Хилл... Правда, слышал от американцев, и потому воспринимал их с некоторой долей сомнения. Тем не менее говорили, что, когда у мятежников закончились пули, они вырывали гвозди из окрестных заборов – и даже из подметок собственных ботинок! – и стреляли в британских солдат. И отступили, только когда не оставалось ничего, кроме как забросать противника камнями.

– Если Патнэм надеется на подкрепление от Вашингтона, то просто сядет и подождет, – заметил Клинтон, нахмурившись. – И тогда нам придется иметь дело со всей их армией. Не будет ли лучше, если мы...

– Он не это имел в виду, – оборвал его Хау. – Так ведь, Элсмир? Когда вы сказали, что при Бридс-Хилл за ним никто не стоял?

– Да, сэр, – благодарно ответил Уильям. – Я имел в виду... У него есть что защищать. За его спиной. Вряд ли он ждет, когда остальная армия придет к нему на помощь. Думаю, он прикрывает ее отступление.

При этих словах лорд Корнуоллис поднял брови. Клинтон исподлобья посмотрел на Уильяма, и тот запоздало вспомнил, что именно на Клинтоне, который служил в те времена полевым командиром, и лежит ответственность за пиррову победу при Бридс-Хилл, и потому он весьма чувствителен к разговорам об Израэле Патнэме.

– А с какой стати мы спрашиваем совета у мальчишки, у которого еще молоко на губах не обсохло? Вы когда-нибудь участвовали в бою? – требовательно спросил Клинтон Уильяма.

Тот залился краской.

– Я бы и сейчас сражался, сэр, – с жаром произнес он. – Если бы вы меня здесь не задерживали!

Лорд Корнуоллис рассмеялся, и по лицу Хау тоже скользнула мимолетная улыбка.

– Мы еще посмотрим, как вы проливаете кровь, лейтенант, только не сегодня, – сухо сказал Хау. – Капитан Рамзи?

Он подал знак одному из старших офицеров, коротышке с очень широкими плечами, который шагнул вперед и отдал честь.

– Возьмите Элсмира, и пусть он вам расскажет о результатах своей... разведки. После доложите мне обо всем, что может представлять интерес. А тем временем... – он повернулся к двум другим генералам: – Я приказываю приостановить боевые действия до дальнейшего распоряжения.

* * *

Капитан Рамзи увел Уильяма, и тот больше не слышал, о чем говорят генералы. Он размышлял, не наговорил ли лишнего. Конечно, генерал Хау спросил напрямую, и нужно было ответить, но стоило ли выставлять свой жалкий, чуть больше месяца, опыт в разведке против объединенных знаний такого количества старших офицеров?

Уильям поделился сомнениями с капитаном Рамзи, который выглядел человеком немногословным, но вполне дружелюбным.

– У вас не было другого выбора, – заверил его капитан. – Хотя...

Уильям обошел кучку оставленного мулом навоза и зашагал дальше, стараясь держаться рядом с Рамзи.

– Хотя что?

Рамзи ничего не ответил. Он провел Уильяма через весь лагерь, сквозь аккуратные ряды брезентовых палаток, время от времени помахивая рукой окликавшим его людям, которые сидели вокруг костров.

Наконец они дошли до палатки Рамзи, и тот придержал откидное полотнище, жестом приглашая Уильяма внутрь.

– Слышали о дамочке по имени Кассандра? – сказал наконец Рамзи. – Она вроде как была гречанкой. Ее сильно недолюбливали.

* * *

После тяжелого дня солдаты спали крепко, и Уильям тоже.

– Ваш чай, сэр.

Ничего не соображая, Уильям заморгал, еще не очнувшись ото сна, в котором он прогуливался по домашнему зверинцу герцога Девонширского под ручку с орангутаном. Но вместо обезьяньей морды его поприветствовало встревоженное пухлощекое лицо рядового Перкинса.

– Что? – тупо переспросил Уильям.

Перкинс, казалось, плавал в каком-то мареве, и сколько Уильям ни моргал, оно не рассеивалось, и только когда Уильям сел, чтобы взять дымящуюся чашку, до него дошло, что в воздухе висит плотная водяная дымка.

Все звуки были приглушены. Отовсюду доносился привычный шум пробуждающегося лагеря, но звучал он глухо, словно издалека. И неудивительно – когда через несколько минут Уильям высунул голову из палатки, то обнаружил, что земля окутана стелющимся туманом, который приполз с болот.

Впрочем, это никого особо не волновало. Армия не собиралась никуда двигаться. Из ставки Хау пришел официальный приказ о прекращении боевых действий, и потому оставалось только ждать, когда американцы образумятся и капитулируют.

Солдаты зевали, потягивались и искали развлечений. Уильям как раз играл в кости с капралами Ярнеллом и Джеффрисом, когда перед ним вновь возник запыхавшийся Перкинс.

– Полковник Спенсер шлет свое почтение, сэр, а еще вы должны явиться с докладом к генералу Клинтону.

– Да? Зачем? – спросил Уильям.

Перкинс растерялся, похоже, ему не пришло в голову расспросить посыльного.

– Просто... думаю, он хочет вас видеть, – ответил он, стараясь хоть чем-то услужить.

– Большое спасибо, рядовой Перкинс, – сказал Уильям с сарказмом, совершенно напрасным: Перкинс радостно просиял и поспешил ретироваться, не дожидаясь, пока его отпустят.

– Перкинс! – рявкнул Уильям.

Рядовой испуганно оглянулся, на круглощекое лицо читалось недоумение.

– Куда ехать?

– Что? Э-э... Я хотел сказать: что, сэр?

– Где находится штаб генерала Клинтона? – с наигранным терпением спросил Уильям.

– Ой, гусар... Он приехал вон... – Перкинс медленно, словно флюгер, повернулся на месте, сосредоточенно наморщив лоб. – Вон оттуда!

Он махнул рукой.

– Я видел за ним вот этот пригорок!

Над землей по-прежнему висел густой туман, но кое-где уже виднелись гребни холмов и деревья, и Уильям без труда разглядел холм с причудливыми выступами, на который показывал Перкинс.

– Спасибо, Перкинс. Можете идти, – торопливо добавил он, прежде чем Перкинс успел снова убежать.

Мерину туман не нравился. И Уильяму тоже. Из-за тумана у него появилось неприятное ощущение, что кто-то дышит ему в затылок.

Впрочем, это был морской туман: тяжелый, сырой и холодный, но зато не душливый. Он то редел, то вновь сгущался, и казалось, находился в постоянном движении. Уильям не видел перед собой дальше чем на несколько футов и потому различал лишь неясные очертания показанного Перкинсом холма, хотя его вершина то появлялась, то исчезала, словно по волшебству.

Интересно, что нужно генералу Клинтону? Этот вопрос не давал покоя Уильяму, а еще ему хотелось знать, его ли одного вызвали в ставку или там собирают всех офицеров, чтобы сообщить об изменениях в стратегии? Вполне возможно, что солдаты Патнэма наконец-то сдались. Все к тому шло: в нынешней ситуации у них не осталось надежды на победу, и они наверняка это уже поняли.

Хотя, скорее всего, Патнэм решил посоветоваться с Вашингтоном. Во время сражения возле старого фермерского дома Уильям заметил на гребне холма вдалеке маленькую группу всадников, над которыми развевался незнакомый флаг. Тут же кто-то показал на знамя и сказал со смехом: «А вот и Вашингтон. Эх, жаль, что нас здесь всего пара дюжин, уж мы бы ему задали жару, не стал бы больше плясться!»

Разум подсказывал Уильяму, что мятежники все равно сдадутся, но его не оставляло тревожное предчувствие, и к туману оно не имело отношения. За месяц пути Уильям общался со многими американцами. Большинство из них сильно тревожились, не хотели ссориться с Англией и меньше всего желали оказаться где-нибудь поблизости от мест боевых действий. Весьма разумное соображение. Но были и другие, те, кто осмелился примкнуть к мятежу. Вот они были настроены очень решительно.

Может, Рамзи и передал хотя бы часть собранной информации генералам, но, похоже, она не особо его впечатлила, а уж что касается мнения самого Уильяма... Но все же...

Лошадь споткнулась, Уильям покачнулся в седле и случайно дернул поводья. Оскорбленное животное резко повернуло голову и укусило его, царапнув по сапогу зубами.

– Ах ты, ублюдок!

Он хлестнул мерина по носу поводьями и натянул их с такой силой, что лошадиная морда с выпученными глазами и перекошенными губами оказалась почти у его коленей. Дав понять мерину, кто здесь хозяин, Уильям ослабил поводья. Лошадь захрапела, яростно встряхнула гривой, но послушно продолжила путь.

Уильяму показалось, что он едет уже довольно долго, но ведь и время, и расстояние в тумане обманчивы. Он взглянул на холм, который служил ему ориентиром, и обнаружил, что тот снова исчез. Уильям решил, что ничего страшного, и холм вскоре покажется.

Только этого не произошло.

Туман по-прежнему окутывал все вокруг. Было слышно, как падают капли с ветвей деревьев, которые внезапно выросли из тумана и так же неожиданно исчезали. Но холм упрямо не показывался.

Вдруг Уильям понял, что уже давно не слышит звуков, которые производят люди. А должен был бы.

Если бы он приближался к ставке Клинтона, то вокруг должен был привычно шуметь лагерь, навстречу попадались бы люди, лошади, походные костры, повозки, палатки... Но не было слышно ничего, кроме журчания воды. Он, Уильям, проехал мимо этого треклятого лагеря.

– Черт тебя подери, Перкинс! – шепотом выругался Уильям.

Он ненадолго остановился, чтобы проверить запал и понюхать порох в пистолете: если бы тот отсырел, то стал бы пахнуть по-другому. Уильям остался доволен осмотром: в носу слегка запершило от острого запаха, но серной вони тухлых яиц, которой отличался отсыревший порох, не было.

Уильям держал пистолет в руке, хотя до сих пор ничего угрожающего не встретил. Впрочем, густой туман не давал видеть дальше чем на несколько футов, и Уильям боялся, что если вдруг кто-нибудь появится из мутной пелены, то придется срочно принимать решение: стрелять или нет.

Кругом стояла тишина: артиллерия молчала, ружейных выстрелов, как накануне, тоже не было слышно. Похоже, враг отступил. Но если вдруг он, Уильям, наткнется на каких-нибудь заплутавших в тумане мятежников, должен ли он стрелять? От этой мысли у него вспотели ладони, но Уильям решил, что стрелять все-таки придется: любой солдат Континентальной армии пальнет в него не задумываясь, как только увидит красный мундир.

Хотя Уильяма больше беспокоила унизительная перспектива быть подстреленным своими же войсками, чем возможная смерть от рук повстанцев, полностью забыть о подобной опасности он не мог.

Треклый туман становился все гуще, и напрасно Уильям искал солнце, чтобы сориентироваться: даже небо куда-то делось. Он подавил легкий приступ паники, от которого защеколало в копчике. Так, на этом чертовом острове тридцать четыре тысячи британских солдат, и хотя бы несколько из них должны сейчас находиться на расстоянии выстрела. «Тебе достаточно оказаться на расстоянии выстрела от одного-единственного американца», – напомнил себе Уильям, мрачно продираясь сквозь заросли лиственниц.

Неподалеку раздался какой-то шум и треск ветвей. В лесу, несомненно, кто-то был. Только вот кто?

Британские войска точно бы не стали передвигаться в таком тумане. Будь ты проклят, Перкинс! Уильям решил, что если услышит американцев, то замрет и постарается, чтобы его не заметили, иначе... Он надеялся, что все-таки наткнется на войсковое подразделение, и вот-вот раздадутся типичные для войск звуки, например громкие команды...

Некоторое время он ехал медленно и в конце концов убрал пистолет, от тяжести которого устала рука. Господи, как долго он уже едет? Час? Два? Может, развернуться и поехать назад? Но Уильям не знал, куда именно повернуть, наверное, он просто кружил на одном месте. Все вокруг выглядело одинаково: серые размытые очертания деревьев, скал, травы. Еще вчера Уильяма трясло от возбуждения, он рвался в атаку. Сегодня же его боевой задор существенно поостыл.

Вдруг кто-то выскочил перед ним, отчего мерин так резко встал на дыбы, что Уильям толком не разглядел незнакомца. Впрочем, тот не был одет в британскую форму – это Уильям заметить успел. Он бы выхватил пистолет, если бы не держался обеими руками за поводья, пытаясь совладать с лошастью.

А у мерина началась настоящая истерика: он подпрыгивал, как ворона, и бешено кружился на месте, с каждым прыжком сотрясая позвоночник Уильяма. Вокруг все вертелось и мелькало, сливалось в сплошное серо-зеленое пятно, но Уильям будто сквозь сон услышал громкие голоса, которые не то подбадривали его, не то насмехались.

Казалось, это продолжалось целую вечность, но на самом деле прошло всего секунд тридцать, прежде чем Уильям усмирил чертову тварь, которая теперь стояла, фыркая и тяжело дыша, но по-прежнему крутила головой с выкаченными, влажно поблескивающими глазами.

– Ах ты, проклятый кусок конины! – выругался Уильям, натягивая поводья и выворачивая мерину голову.

Бока животного тяжело вздымались под Уильямом, влажное и горячее дыхание проникало сквозь бриджи из оленьей замши.

– Не самая покладистая лошадь на моей памяти, – согласился чей-то голос, и кто-то схватил мерина за уздечку. – Но выглядит неплохо.

Уильям мельком увидел человека в охотничьей одежде, плотного и загорелого, но тут его самого кто-то хватил за пояс и рывком стащил с лошади.

Уильям грохнулся на землю, упал навзничь, и у него перехватило дыхание, но он мужественно попытался достать оружие. Чье-то колено придавило ему грудь, а здоровенная ручища отняла пистолет. Бородатое лицо, ухмыляясь, наклонилось над Уильямом.

– Не очень-то дружелюбно, – с упреком произнес бородач. – А я-то думал, что вы, англичане, культурные.

– А ты отпусти его, Гарри, он встанет и «окультурит» тебя так, что мало не покажется!

Из-за плеча Гарри выглянул другой человек, пониже ростом и тощий, но с приятным, похожим на учительский голосом.

– Впрочем, ты можешь дать ему подышать.

Давление на грудь ослабло, но едва Уильям успел сделать пару вдохов, как из него снова вышибли воздух: тот, кто опрокинул его на землю, теперь ударил кулаком в живот. Чьи-то руки торопливо обшарили карманы Уильяма и, больно ободрав ему нос, сдернули через голову горжет. Кто-то обхватил Уильяма, расстегнул ремень и снял, восхищенно присвистнув при виде прикрепленного снаряжения.

– Весьма неплохо, – одобрительно заметил второй незнакомец, глядя на Уильяма, который лежал на земле и хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. – Спасибо, сэр. Мы премного благодарны. Как там у тебя, Алан?

Он повернулся к человеку, удерживающему лошадь.

– В порядке, коняга у меня, – отозвался гнусавый голос с шотландским акцентом. – Все, сматываемся!

Бандиты отошли в сторону, и на миг Уильяму показалось, что они исчезли навсегда, но тут широченная ладонь схватила его за плечо и дернула вверх. Корчась от боли, Уильям с трудом поднялся на колени, и та же самая рука схватила его за косицу и оттянула голову назад, обнажая горло. Уильям увидел отблеск ножа, широкую ухмылку бородача, но не успел ни сделать вдох, ни помолиться, ни выругаться.

Нож полоснул вниз, и от резкого рывка за волосы у Уильяма выступили слезы. Человек недовольно хмыкнул, рубанул еще пару раз и наконец торжествующе выпрямился с косицей Уильяма в огромной, похожей на окорок руке.

– На память!

Он ухмыльнулся Уильяму и побежал догонять приятелей. Словно в насмешку, до Уильяма сквозь туман донеслось лошадиное ржание.

* * *

Уильям страшно жалел, что не убил хотя бы одного из бандитов. Они застали его врасплох, как ребенка, ощипали, как гуся, и оставили лежать на земле, как кусок дерьма! Злость переполняла его, он остановился и со всего размаху ударил кулаком по стволу дерева. От резкой боли Уильям чуть не задохнулся, но и почти бездыханный, он все равно жаждал мести.

Он зажал ушибленную руку между бедрами и шипел сквозь зубы до тех пор, пока боль не утихла. Потрясение смешалось с яростью; Уильям никогда еще не чувствовал себя настолько растерянным, и у него кружилась голова. Тяжело дыша, он провел здоровой рукой по затылку и, нащупав колючий ежик коротких волос – остатки косицы, – изо всех сил пнул дерево в новом приступе бешенства.

Хромая и чертыхаясь, Уильям бродил кругами, пока не рухнул на камень и не опустил голову на колени, шумно втягивая воздух.

Постепенно дыхание выровнялось, и способность рассуждать начала возвращаться к Уильяму.

Значит, так. Он по-прежнему блуждает в дикой глуши Лонг-Айленда, только теперь без лошади, без съестного и без оружия. И без волос. От этой мысли Уильям выпрямился, сжал кулаки, но ему удалось совладать с яростью, хотя и не сразу. Так. Сейчас нет времени злиться. Эх, попадись они ему снова – Гарри, Алан или коротышка с учительским голосом... Ладно, у него еще будет время, когда их пути вновь пересекутся.

Главное сейчас – найти любую воинскую часть. Уильяму вдруг захотелось сбежать, дезертировать, сесть на корабль до Франции и больше никогда сюда не возвращаться, и пусть все думают, что его убили. Однако по разным причинам Уильям не мог этого сделать, и не в последнюю очередь из-за отца, который, возможно, предпочел бы, чтобы Уильям действительно погиб, а не трусливо сбежал.

Что ж, ничего не поделаешь. Уильям обреченно поднялся на ноги, пытаясь радоваться хотя бы тому, что бандиты не сняли с него мундир. Кое-где туман рассеялся, но, сырой и холодный, по-прежнему стелился по земле. Впрочем, холод и сырость не тревожили Уильяма – его кровь все еще кипела от гнева.

Уильям огляделся, посмотрел на призрачные силуэты скал и деревьев вокруг. Они выглядели точно так же, как прочие чертовы скалы и деревья, что попадались ему на пути за весь этот поганый день.

– Так, – произнес Уильям вслух и стал поворачиваться на месте, тыча пальцем и декламируя детскую считалочку: – Эни-мини-майни-мо... Ох, к черту все!

Слегка прихрамывая, он пустился в путь. Уильям понятия не имел, куда идти, но не мог не двигаться, иначе бы его разорвало. Некоторое время он развлекался, воображая недавнюю стычку в несколько другом, более приятном свете. Он представлял, как хватает Гарри за грудки и разбивает ему нос в кровавое месиво перед тем, как размозжить голову толстяка о камни. Отобрав нож, потрошит высокомерного маленького ублюдка... вырывает у него легкие... Так называемый «кровавый орел», развлечение диких германских племен: через разрезы на спине они вытаскивали легкие человека, чтобы те хлопали, словно крылья, пока несчастный не умрет...

Постепенно Уильям успокоился, но только потому, что больше не мог выдерживать подобный накал злости. Нога почти не болела, ободранные костяшки пальцев уже не ныли, а фантазии о кровавой мести стали казаться слегка нелепыми. Уильям задавался вопросом, похожа ли ярость сражения на те чувства, что он испытал. Неужели человек стреляет и наносит удары ножом потому, что ему это нравится, а не только потому, что так велит долг? Хочет убивать так же сильно, как желает женщину? А потом чувствует себя дураком?

Уильям уже думал об убийстве в бою. Не постоянно, но время от времени. Он приложил немало усилий, чтобы представить себе, как все это происходит, когда решил стать военным. И он прекрасно понимал, что иногда ему придется сожалеть о содеянном.

Однажды отец рассказал ему, откровенно и не оправдывая себя, о том, как впервые убил человека. Убил не в бою, а уже после сражения. Добил раненого шотландца, которого бросили на Каллоденском поле.

– Был приказ никого не щадить, – сказал тогда отец. – Письменный приказ, подписанный герцогом Камберлендским.

Рассказывая, отец не отрывал взгляда от книжных полок, но в этот миг он в упор посмотрел на Уильяма.

– Приказ, – повторил отец. – Конечно, тебе придется выполнять приказы, но иногда приказов не будет или обстоятельства вдруг изменятся. И обязательно, слышишь, Уильям, обязательно придет час, когда твоя честь скажет тебе, что следовать приказу невозможно. И тогда ты должен будешь руководствоваться лишь собственным мнением, а потом жить с последствиями принятых решений.

Уильям серьезно кивнул. Он только что принес отцу документы о своем назначении: там требовалась подпись лорда Джона, как его опекуна. Сам Уильям считал эту подпись простой формальностью и не ожидал ни исповеди, ни проповеди, чем бы ни был рассказ отца.

– Я не должен был этого делать, – внезапно сказал отец. – Не должен был в него стрелять.

– Ты действовал по приказу...

– Он не касался меня лично. Тогда я еще не получил назначение и в той кампании лишь сопровождал брата. Я не был солдатом, не поступил на военную службу и мог бы отказаться.

– А если бы ты отказался, разве его не застрелил бы кто-нибудь другой? – рассудительно спросил Уильям.

Отец невесело улыбнулся.

– Конечно, но суть не в этом. И да, мне даже не пришло в голову, что у меня есть выбор, вот в чем дело. У тебя всегда есть выбор, Уильям. Помни об этом, ладно?

Не дожидаясь ответа, лорд Джон вытащил перо из сине-белой китайской вазы у себя на столе и откинул крышечку хрустальной чернильницы.

– Ты уверен? – спросил он, серьезно глядя на Уильяма.

Тот кивнул, и отец поставил на бумагах размашистую подпись. Потом поднял голову и улыбнулся.

– Я горжусь тобой, Уильям, – тихо сказал он. – И всегда буду гордиться.

Уильям вздохнул. Он не сомневался, что отец всегда будет его любить, но вот что касается гордости... Именно эта кампания вряд ли покроет его славой. Если повезет, он вернется в свой полк прежде, чем кто-либо заметит его отсутствие и поднимет тревогу. Господи, какой позор, все запомнят, что первым делом он заблудился и его ограбили!

И все же это лучше, чем если бы он прославился из-за того, что его почти сразу убили бандиты.

Уильям пошел дальше, осторожно пробираясь через окутанный туманом лес. Идти было довольно легко: земля не раскисла, хотя кое-где в низинах попадались заболоченные участки с застоявшейся дождевой водой. Один раз до Уильяма донеслись разрозненные ружейные выстрелы, он поспешил на них, но они стихли, прежде чем Уильям разобрал, откуда стреляли.

Он угрюмо брел по лесу, задаваясь вопросом, сколько времени понадобится, чтобы пересечь этот треклятый остров пешком, и как близок он, Уильям, к тому, чтобы это сделать? Дорога круто пошла в гору, и теперь Уильям карабкался, обильно обливаясь потом. Ему показалось, что туман слегка рассеялся, пока он лез вверх по склону. И действительно, когда Уильям очутился на небольшом скалистом выступе и глянул вниз, то увидел, что клубящийся серый туман спустился вниз, почти полностью скрывая землю. От этого зрелища у Уильяма

закружилась голова, и ему даже пришлось посидеть, закрыв глаза, и только потом двигаться дальше.

Пару раз Уильям слышал людские голоса и ржание лошадей, но звучали они как-то неправильно, не было в них армейской четкости, и он разворачивался и осторожно уходил в другую сторону.

Внезапно местность изменилась, теперь Уильям брел по редколесью из невысоких чахлых деревьев, которые торчали из светлой, хрустящей под сапогами почвы. Вскоре до него донесся шум воды – волны бились о берег. Море! «Ну, слава богу!» – подумал Уильям и ускори́л шаг, идя на звук. Рокот волн приблизился, стал громче, но теперь Уильям слышал и другие звуки.

Лодки. Он слышал, как корпуса с шуршанием трутся о гальку, скрипят уключины, плещет вода. А еще до него доносились голоса. Приглушенные, но возбужденные. Проклятье! Уильям нырнул под ветку приземистой сосны, надеясь, что в стелющемся тумане появится просвет.

Рядом что-то задвигалось, и Уильям отпрянул в сторону, потянулся за пистолетом, не сразу вспомнив, что он теперь безоружен. Через секунду выяснилось, что его напугала большая голубая цапля, которая смерила его взглядом желтых глаз и взметнулась ввысь, оскорбленно шелкая клювом. Неподалеку, всего лишь футах в десяти, раздался встревоженный крик, грохнул выстрел, и прямо над головой Уильяма цапля взорвалась в воздухе ворохом перьев. На Уильяма брызнули капли птичьей крови, которые были гораздо теплее, чем холодная испарина на его лице. От неожиданности он сел, перед глазами мелькали черные пятна.

Уильям не смел даже шевельнуться, а тем более подать голос. Из кустов доносились приглушенные голоса, но недостаточно громкие, чтобы разобрать, о чем они говорят. Через несколько секунд он услышал негромкий шорох, который постепенно удалялся. Стараясь не шуметь, Уильям опустился на четвереньки и полз в другую сторону до тех пор, пока не почувствовал, что можно без опаски встать на ноги.

Ему показалось, что он все еще слышит голоса. С колотящимся сердцем он осторожно подкрался поближе и замер, уловив запах табака.

Рядом не было никаких передвижений, и, хотя Уильям по-прежнему слышал голоса, они доносились издалека. Он осторожно принюхался, но табаком больше не пахло. Уильям решил, что ему померещилось. И пошел дальше, на звуки.

Теперь они стали отчетливее: приглушенные, взволнованные возгласы, скрип уключин и шлепанье ног по мелководью. Шорох шагов и негромкий гомон почти сливались с шумом прибоя и шелестом травы. Уильям в отчаянии посмотрел на небо, но солнце по-прежнему не показывалось. Должно быть, он сейчас в западной части острова, подумал Уильям. Нет, не должно быть, а точно, он почти уверен. А если это так...

Если это так, то звуки, которые он слышит, издают американские войска, бегущие с острова на Манхэттен.

– Стой смирно! – услышал он шепот сзади, и одновременно кто-то довольно жестко двинул его ружейным дулом прямо в почку.

Уильям замер. На какой-то миг ствол отвели, а потом ткнули в то же место с такой силой, что в глазах Уильяма потемнело. Он крикнул от боли и выгнулся, но не успел сказать ни слова, как чьи-то мозолистые руки схватили его за запястья и вывернули их за спину.

– Ну и зачем? – проворчал надтреснутый низкий голос. – Отойди-ка в сторону, я его пристрелю.

– Нет, не пристрелишь! – ответил другой голос, такой же низкий и сердитый. – Глянь, он же совсем мальчишка! Да и прехорошенький!

Шершавая ладонь погладила Уильяма по щеке, и он напрягся, но сделать ничего не смог: ему крепко связали руки.

– Если бы ты хотела его пристрелить, сестра, то уже давно бы так и сделала, – произнес тот же голос и добавил: – А ну-ка, паренек, повернись!

Уильям медленно повернулся и увидел, что его взяли в плен две невысокие и коренастые, как тролли, старухи. Одна из них – та, что с ружьем, – курила трубку; это запах ее табака он учуял. Заметив на его лице ужас и отвращение, старуха ухмыльнулась уголком морщинистого рта, крепко зажав мундштук пеньками почерневших зубов.

– Красив, как сама красота, – заметила она, оглядывая его с ног до головы. – И ни к чему тратить на него выстрел.

– Мадам, – обратился к ней Уильям, взяв себя в руки и пытаясь быть обходительным. – Полагаю, вы ошибаетесь насчет меня. Я – солдат короля, и...

Обе старухи расхохотались, скрипя, как ржавые дверные петли.

– В жизни бы не догадались, – ухмыльнулась курильщица, не вынимая изо рта трубки. – А мы-то думали, ты так, погулять вышел.

– Помолчи-ка, сынок! – Другая сестра не дала Уильяму ответить. – Мы тебе ничего не сделаем, пока ты стоишь и помалкиваешь.

Она окинула Уильяма взглядом, оценивая его потрепанный вид.

– Небось воевал? – не без сочувствия спросила старуха.

Не дожидаясь ответа, она толкнула его на валун, заросший мидиями и еще влажными водорослями, из чего Уильям сделал вывод, что берег моря совсем рядом.

Уильям ничего не ответил, и не потому, что испугался старух, просто сказать было нечего.

Он сидел и вслушивался в звуки массового бегства. Уильям не представлял, сколько там человек, потому что не знал, как долго это уже длится. Ничего интересного он не услышал, только обрывки разговоров людей, тяжело дышащих от натуги, негромкий ропот ожидающих своей очереди да редкие сдавленные смешки, которые возникали скорее от волнения.

Туман над водой рассеялся, и в сотне ярдов, не более, Уильям отчетливо увидел маленькую флотилию, состоящую из весельных лодок, легких плоскодонок и рыбацких суденышек, которые сновали туда-сюда по гладкой, как стекло, воде, а еще толпу людей на берегу. Она постепенно сокращалась, но люди стояли, сжимая в руках оружие и настороженно озираясь, видимо, опасались погони.

«Знали бы они!» – с горечью подумал Уильям.

Меньше всего Уильяма сейчас беспокоило собственное будущее. Было стыдно за то, что он видит, как вся американская армия бежит у него прямо из-под носа, а он ничего не может сделать. От мысли, что придется вернуться и доложить обо всем генералу Хау, на душе стало еще горше. Даже если бы старухи решили зажарить его и съесть, это уже не имело значения.

Уильям настолько увлекся происходящим, что не сразу сообразил: раз он так хорошо видит американцев, то и они его прекрасно видят. Впрочем, солдаты Континентальной армии и ополченцы настолько увлеклись отступлением, что никто не обращал внимания на Уильяма, пока один из отступающих не оглянулся и не стал всматриваться в верхнюю часть берега.

Человек замер, бросил короткий взгляд на своих ничего не замечающих товарищей и решительно зашагал по гальке, не сводя глаз с Уильяма.

– Что там у вас, мамаша? – спросил он.

В форме офицера Континентальной армии, невысокий и плечистый, он чем-то напоминал тех двух женщин, но был гораздо мощнее. Он сохранял внешнее спокойствие, но, судя по выражению налитых кровью глаз, замыслил что-то недоброе.

– Вот, рыбачили, – отозвалась хозяйка трубки. – Выловили этого красноперого окунька, теперь думаем, может, бросить его обратно?

– Да? Ну, может, чуть попозже.

С появлением незнакомца Уильям настороженно застыл и теперь смотрел на него снизу вверх, стараясь выглядеть как можно суровее.

Мужчина взглянул на редящий позади Уильяма туман.

– Ты здесь прям как дома, да, паренек?

Уильям промолчал. Незнакомец вздохнул, размахнулся и ударил его кулаком под дых. Уильям согнулся пополам, упал с камня, и его стошнило прямо в песок. Незнакомец схватил его за шиворот и поднял, как будто он ничего не весил.

– Давай, парень, отвечай! У меня мало времени, и вряд ли ты хочешь, чтобы я тебя поторопил, – мягко сказал он, коснувшись ножа на своем поясе.

Уильям, как смог, вытер рот о плечо и уставился на незнакомца пылающим взором. «Ну и ладно, – подумал он и вдруг ощутил некое спокойствие. – Если я погибну, то, по крайней мере, за что-то».

Но тут вмешалась сестра курильщицы и прервала драматическую сцену, ткнув его мучителя в бок дулом ружья.

– Да если бы их здесь было больше, мы бы с сестрой давно их услышали, – сказала она с легким отвращением. – Вояки шумят будь здоров.

– Верно, – согласилась курильщица и замолчала, чтобы вытащить изо рта трубку и сплюнуть. – Ты же видишь, малец потерялся. И говорить с тобой он не станет.

Она по-свойски ухмыльнулась Уильяму, показав единственный сохранившийся желтый клык.

– Скорее умрешь, чем заговоришь? Так ведь, парень?

Уильям слегка наклонил голову, и женщины насмешливо захихикали. Они насмеялись над ним, по-другому и не скажешь.

– Шел бы ты к своим, – сказала тетка незнакомцу, – а то уплывут без тебя.

Но тот даже не взглянул на нее, он не сводил глаз с Уильяма. Однако через пару секунд он коротко кивнул, повернулся и зашагал прочь.

Уильям почувствовал, как одна из сестер зашла ему за спину, и что-то острое коснулось запястий, а потом бечевка, которой его связали, лопнула. Уильяму хотелось потерять затекшие запястья, но он сдержался.

– Ступай, паренек, – почти ласково велела хозяйка трубки. – Пока тебя не увидели, а то мало ли что кому взбредет в голову.

И Уильям ушел.

На самом верху берега он остановился и посмотрел назад. Старухи исчезли, а незнакомец сидел на корме лодки, которая стремительно удалялась от берега, уже почти обезлюдевшего, и пристально глядел на Уильяма.

Уильям отвернулся. Наконец-то показалось солнце: бледно-оранжевый диск, пылающий сквозь туман. Сейчас, после полудня, оно уже спускалось к горизонту. Уильям повернулся и побрел в глубь острова на юго-запад, но еще долго чувствовал спиной взгляд, даже после того, как берег исчез из поля зрения.

Живот болезненно ныл, а в голове крутилась одна-единственная мысль – слова капитана Рамзи: «Слышали о дамочке по имени Кассандра?»

Глава 7 Неясное будущее

Лаллиброх, Шотландия. Сентябрь, 1980 г.

Не на всех письмах стояла дата, только на некоторых. Бри осторожно перебрала с полдюжины верхних посланий и, чувствуя, что у нее перехватывает дух, как на американских горках, выбрала одно, с надписью на клапане: «2 марта, год 1777 от Рождества Христова».

– Думаю, это следующее. – Горло сжалось, стало трудно дышать. – Оно... такое тоненькое. Совсем короткое.

Так оно и было, письмо занимало не более полутора страниц, но Брианна сразу поняла почему: все письмо написал отец. При виде его угловатого решительного почерка у нее сжалось сердце.

– Мы никогда не позволим учителям заставлять Джемми писать правой рукой, – свирепо сказала она Роджеру. – Никогда!

– Хорошо, ты права, – ответил тот. Неожиданная вспышка его удивила и позабавила. – Или, если угодно, лева.

*«2 марта 1777 года от Рождества Христова
Фрэнсер Ридж, колония Северная Каролина.*

Моя дорогая доченька!

Сейчас мы готовимся к отъезду в Шотландию. Не навсегда и даже не на сколько-нибудь продолжительный срок. Моя судьба – наши судьбы – теперь здесь, в Америке. И, честно говоря, я бы предпочел умереть от жгучей шериней, нежели подняться на борт очередного корабля, но я стараюсь не задумываться о грядущих тяготах. Есть два главных соображения, которые вынуждают меня принять это решение.

Ежели бы я не был наделен знаниями, которыми ты, твоя мать и Роджер Мак поделились со мной, то, скорее всего, как и преобладающее большинство людей в колониях, считал бы, что Континентальный конгресс не протянет и полгода, а армия Вашингтона и того меньше. Я говорил с человеком из Кросс-Крика, коего (с почетом) отправили в отставку из Континентальной армии из-за гнойной раны на руке, – раной, конечно, занималась твоя мать, а из-за его воплей меня позвали на помощь, чтобы я сел на него, – и он рассказал, что у Вашингтона не более нескольких тысяч солдат регулярных войск, у всех не хватает припасов, оружия и обмундирования и всем задолжали жалованье, которое они вряд ли получат. Большинство его людей – ополченцы, завербованные по краткосрочным контрактам на два-три месяца, но и те уже сбегают, чтобы вернуться домой к посевной.

Но я-то знаю. И при этом не уверен, как произойдет то, о чем я знаю. Суждено ли мне стать частью грядущих событий? Должен ли я остаться в стороне, дабы не помешать исполнению наших чаяний? Как бы мне хотелось обсудить эти вопросы с твоим мужем, и, хотя он пресвитерианин, думаю, они бы встревожили его еще больше, чем меня. Впрочем, в конце концов, не важно. Я таков, каким меня сотворил Бог, и должен справляться с тем временем, куда Он меня поместил.

Хотя я еще не утратил ни зрения, ни слуха и даже способен контролировать кишечник, я уже не молод. У меня есть палаши и ружье, я неплохо владею и тем и другим, но еще у меня имеется печатный станок, который можно использовать гораздо действеннее. Я вполне осознаю, что палашием или ружьем можно одолеть лишь одного врага зараз, в то время как словом можно поразить любое их число.

Твоя мать – несомненно предвидя, что ей придется присутствовать при моей многодневной морской болезни, – предложила мне войти в дело с Фергусом и использовать его станок, а не ездить в Шотландию за моим собственным.

Я думал над этим, но совесть не позволяет мне подвергать опасности Фергуса и его семью, используя его станок для своих целей. Между Чарльстоном и Норфолком не так уж много работающих станков, и даже если я буду печатать в полной тайне, в первую очередь под подозрение попадут Фергус и его близкие. Нью-Берн – рассадник лоялистских настроений, и происхождение моих памфлетов станет известно почти незамедлительно.

Но дело не только в Фергусе. Я надеюсь, что смогу извлечь еще одну выгоду из поездки в Эдинбург за станком. У меня там остались самые разные знакомые, и некоторые из них, возможно, избежали тюрьмы или виселицы.

Вторая, и самая важная причина, которая вынуждает меня отбыть в Шотландию, – это твой кузен Йен. Много лет назад я поклялся его матушке памятью нашей собственной матери, что привезу его домой. Именно это я и собираюсь сделать, хотя мужчина, которого я верну в Лаллиброх, совсем не тот парнишка, что его покинул. Один Господь знает, что они дадут друг другу – Йен и Лаллиброх, – ведь у Бога весьма своеобразное чувство юмора. Но если Йену суждено вернуться, то сейчас самое время.

Снег тает, вода капает с карниза весь день, а к утру сосульки свисают с крыши хижины почти до земли. Через несколько недель дороги расчистятся и по ним можно будет проехать. Довольно странно просить вас помолиться о благополучном исходе путешествия, которое давно завершится (хорошо или плохо) к тому времени, как вы о нем узнаете, но тем не менее я прошу об этом. Передай Роджеру Маку: я думаю, Бог не принимает в расчет время. И поцелуй за меня детей.

Твой любящий отец,

Дж. Ф.»

Роджер слегка откинулся назад, приподняв брови, и посмотрел на Брианну.

– Французские связи, как ты думаешь?

– Что? – Она нахмурилась, глядя через его плечо на письмо, туда, куда Роджер показывал пальцем. – Там, где он пишет о своих друзьях в Эдинбурге?

– Да. Разве большинство его тамошних знакомых не были контрабандистами?

– Так говорила мама.

– Вот к чему упоминание о виселице. А откуда чаще всего доставляли контрабанду?

У Бри екнуло сердце.

– Шутишь! Думаешь, он будет якшаться с французскими контрабандистами?

– Ну, не обязательно именно с ними, наверняка он знал немало мятежников, воров и проституток. – Роджер коротко улыбнулся, но потом вновь посерьезнел. – Я рассказал ему о революции все, что знал. Конечно, не очень подробно, я ведь не изучал тот период в деталях, но упомянул, какую важную роль сыграет для американцев Франция. Просто я думаю...

Роджер смущенно помолчал, затем посмотрел на Бри.

– Он собирается в Шотландию не для того, чтобы избежать сражения. Он довольно ясно дал это понять.

– Думаешь, он будет искать политические связи? – медленно спросила она. – Не просто схватит печатный станок, сбросит Йена в Лаллиброхе и унесется обратно в Америку?

От этой мысли у Брианны полегчало на сердце. Образ родителей, плетущих интриги в Эдинбурге и Париже, пугал куда меньше, чем когда она представляла их посреди взрывов и сражений. И Бри знала, что, где бы они ни были, они были там вместе. Куда бы ни отправился отец, мать будет рядом.

Роджер пожал плечами:

– А вот он еще упомянул мимоходом, что он таков, каким его создал Бог. Ты знаешь, что он имел в виду?

– Воин, – тихо ответила она, придвинулась к Роджеру и положила руку ему на плечо, как будто боялась, что он внезапно исчезнет. – Он говорил мне, что всегда был воином. Он редко вступал в сражение, но знал, что рожден именно для этого.

– Да, правда, – произнес Роджер так же тихо. – Но он уже не тот молодой лэрд, который взял свой палаш и повел тридцать арендаторов в заведомо обреченный на поражение бой, а потом вернул их домой. Теперь он знает гораздо больше о том, на что способен человек в одиночку. Думаю, именно так он и поступит.

– Я тоже так думаю.

У нее перехватило горло, и не только от страха, но и от гордости. Роджер накрыл ее руку своей, ласково сжал.

– Я помню слова твоей матери, – медленно сказал он. – Что она нам рассказывала о... о своем возвращении и о том, как она стала врачом. И то, что твой... Фрэнк... что он ей сказал. То, что ее решение создаст чертовские неудобства людям вокруг нее, но ей выпал великий дар судьбы: она точно знает свое предназначение. Думаю, он был прав. И Джейми тоже знает.

Брианна кивнула. Наверное, не следует говорить об этом, подумала она, но больше не могла сдерживаться.

– А ты знаешь?

Он долго молчал, глядя на страницы на столе, но в конце концов покачал головой так незаметно, что Брианна скорее почувствовала это движение, чем увидела.

– Раньше знал, – тихо произнес он и отпустил ее руку.

* * *

Первым побуждением Брианны было треснуть его по затылку, а вторым – схватить за плечи, притянуть к себе, чтобы между их глазами осталось не больше дюйма, и спокойно, но отчетливо спросить: «Что за хрень ты несешь?»

Она воздержалась от каких-либо действий, но исключительно потому, что они, вероятно, привели бы к долгой беседе из тех, которые совершенно неуместно вести при детях. Дети же были в коридоре в нескольких футах от кабинета; до Брианны доносился их разговор.

– Видишь это? – спрашивал Джемми.

– Угу.

– Плохие люди пришли сюда очень давно, искали дедушку. Плохие англичане. Это они сделали.

Роджер повернул голову, когда уловил смысл сказанного Джемми, и с полуулыбкой взглянул Брианне в глаза.

– Плохие анвичане, – послушно повторила Мэнди. – Пусть все испавят!

Несмотря на злость, Брианна не удержалась и тоже улыбнулась Роджеру, хотя и почувствовала холодок внизу живота, вспомнив, как ее дядя Йен – обычно спокойный и добрый – показал ей следы сабельных ударов на деревянной обшивке стен и сказал: «Мы оставили все как есть, чтобы показать детям и рассказать: вот такие они, англичане». Тогда в его голосе прозвенела сталь. Сейчас Брианна уловила слабый, по-детски нелепый отзвук той стали в голосе Джемми и впервые усомнилась в необходимости поддерживать такую семейную традицию.

– Это ты ему рассказал? – спросила она Роджера, когда детские голоса удалились в сторону кухни. – Я-то не рассказывала.

– Энни рассказала ему часть истории, вот я и подумал, что будет лучше, если он узнает ее полностью. – Он поднял брови. – Нужно было сказать, чтобы он поговорил с тобой?

– Ох, нет. Нет, – неуверенно повторила Брианна. – Но мы ведь не должны учить его ненавидеть англичан?

Роджер улынулся ее словам.

– «Ненавидеть», наверное, слишком сильно сказано. И Джем сказал: «плохие англичане». Так они и были плохими англичанами – те, кто это сделал. К тому же если он будет жить здесь, в Шотландских горах, то наверняка услышит немало колкостей в адрес англосаксов – чужестранцев, и соотнесет с воспоминаниями о твоей матери. В конце концов, твой отец всегда звал ее «саксоночка».

Он посмотрел на письмо на столе и, бросив взгляд на настенные часы, резко встал.

– Господи, я опаздываю! Зайду в банк, пока буду в городе. Тебе нужно что-нибудь в магазине «Для фермы и дома»?

– Да, – сухо ответила Брианна. – Новый насос для молочного сепаратора.

– Хорошо, – сказал он, торопливо поцеловал ее и поспешно вышел, на ходу засовывая руку в рукав куртки.

Брианна открыла было рот, чтобы крикнуть ему вдогонку, что пошутила, но подумала и закрыла. В магазине «Для фермы и дома» вполне может найтись и сепаратор для молока. В громадном, до ужаса многолюдном строении на окраине Инвернесса можно было отыскать практически все, что нужно для фермы, включая вилы, резиновые пожарные ведра, вязальную проволоку и стиральные машины, а также посуду, банки для консервирования и еще кучу всякой утвари, о назначении которой Брианна только догадывалась.

Она высунула голову в коридор, но дети были на кухне с Энни Макдональд, помощницей по хозяйству. Из-за обитой потертым зеленым сукном двери на кухню доносились смех, негромкое позвякивание древнего тостера, который достался им с Роджером вместе с домом, и соблазнительный аромат горячих тостов с маслом. Запах и смех как магнитом притягивали Брианну, а тепло и домашний уют обволакивали, словно золотистый мед.

Прежде чем присоединиться к компании на кухне, Брианна остановилась, чтобы сложить письмо, и, вспомнив о словах Роджера, поджала губы.

«Раньше знал».

Сердито фыркнув, она засунула письмо обратно в коробку, вышла в коридор и тут же замерла, увидев большой конверт на столике у двери, обычно заваленном ежедневной почтой и содержимым карманов Роджера и Джемми. Брианна выхватила конверт из груды рекламных проспектов, камешков, карандашных огрызков, звеньев велосипедной цепи и... что это, дохлая мышь? Так и есть, сплюснутая и высохшая, но украшенная жесткой петелькой розового хвостика. Брианна брезгливо подняла ее и, прижав конверт к груди, пошла дальше, к чаю и тостам.

Если честно, подумала она, не только Роджер предпочитает отмалчиваться. Разница в том, что она, Брианна, собирается рассказать ему о своей задумке, как только все уладится.

Глава 8

Весенняя оттепель

Фрэнсер Риджс, колония Северная Каролина. Март, 1777 г.

Одно точно могу сказать об опустошительном пожаре: собирать вещи стало гораздо проще. У меня осталось одно платье, сорочка, три юбки – одна шерстяная и две муслиновые, – две пары чулок (одна пара была на мне, когда сгорел дом, а вторая, небрежно оставленная сушиться на кустах за несколько недель до пожара, нашлась позже, потрепанная, но вполне пригодная для носки), шаль и ботинки. Джейми притащил для меня жуткого вида плащ; уж где он его раздобыл, я не знала, а спрашивать не хотелось. Это одеяние из плотной шерсти цвета гниющего мяса воняло так, словно в нем кто-то помер, да так и лежал пару дней, пока

его не нашли. Я прокипятила плащ с дегтярным мылом, но дух его прежнего владельца по-прежнему напоминал о себе.

Что ж, по крайней мере, я не мерзла.

Упаковать аптечку оказалось почти так же просто. Скорбно вздохнув над кучкой пепла, в которую превратился мой замечательный медицинский саквояж с изящными инструментами и множеством бутылочек, я перебрала кучку спасенных остатков моей хирургической. Помытый цилиндр микроскопа. Три почерневшие от огня керамические банки, одна из которых была без крышки, а другая треснула. Большая жестянка гусяного жира, смешанного с камфарой, сейчас почти пустая после долгой зимы с простудами и кашлем. Стопка обгорелых страниц, вырванных из журнала с медицинскими записями, который начал еще Дэниел Роулингс, а я продолжила. Мое настроение слегка улучшилось, когда среди спасенных листков обнаружился один с рецептом особенного слабительного, изобретенного самим доктором Роулингсом.

Это было одно из немногих его средств, которое оказалось весьма действенным. Я давно уже знала точную формулу наизусть, но порадовалась, что теперь у меня есть напоминание о докторе. Я никогда не встречалась с Дэниелом Роулингсом в реальной жизни, но он стал моим другом с того самого дня, как Джейми вручил мне его медицинский саквояж и журнал для записей. Я бережно сложила листки бумаги и положила в карман.

Большинство моих трав и готовых снадобий погибли в огне вместе с глиняными кувшинами, стеклянными флаконами и большими чашами с питательным бульоном, в которых я выращивала пенициллиновую плесень. И хирургическими пилами. У меня оставался один скальпель и почерневшее лезвие малой ампутационной пилы. У нее сильно обгорела ручка, но я не сомневалась, что Джейми сделает новую.

Жители Риджа щедро поделились с нами тем немногим, что осталось у них в конце зимы. Мы собрали достаточно еды в дорогу, а многие женщины принесли кое-какие хозяйственные мелочи. У меня были баночки с лавандой, розмарином, окопником и семенами горчицы, две драгоценные стальные иголки, небольшой моток шелка, который я собиралась употребить для швов и как зубную нить (хотя и не упомянула о последнем способе использования тем двум леди, боюсь, их это бы оскорбило), а также весьма скудный запас бинтов и марли для повязок.

Вот спирта хватало с избытком. Пожар не коснулся ни амбара с зерном, ни винокурни. Поскольку зерна для домашних нужд и на корм животных было более чем достаточно, Джейми бережливо перегнал излишки в очень мутный, но крепкий самогон, который мы собирались взять с собой в дорогу и обменивать в пути на необходимые товары. Впрочем, один небольшой бочонок оставили специально для моих нужд, и я аккуратно написала на нем «Квашеная капуста», чтобы ни один воришка не покусился на его содержимое.

– А если на нас нападут неграмотные бандиты? – со смехом спросил Джейми.

– Я это предусмотрела, – сообщила я, показывая ему закупоренный пузырек с мутной жидкостью. – Одеколон с запахом кислой капусты. Оболю им бочонок, как только увижу какого-нибудь подозрительного типа.

– Значит, будем надеяться, что на нас не нападут бандиты-немцы.

– Ты когда-нибудь видел немцев-бандитов? – спросила я.

За исключением нескольких пьяниц и тех, кто избивал своих жен, почти все наши знакомые немцы были честными, работающими и до неприличия добродетельными людьми. Собственно, чему удивляться? Большинство из них перебрались в колонии по религиозным мотивам.

– Настоящих бандитов – нет, – признал Джейми. – Но ты же помнишь Мюллеров, да? Что они сделали с твоими друзьями. Сами Мюллеры не назвали бы себя бандитами, но вот индейцы тускарора с ними бы не согласились.

Джейми сказал чистую правду, и я почувствовала, что затылок словно сдавило холодными пальцами. У Мюллеров, наших немецких соседей, от кори умерли любимая дочь и ее новорожденный сын, и семья решила, что они заразились от индейцев из деревни неподалеку. Помешавшийся от горя старый Мюллер, собрав своих сыновей и зятьев, отправился мстить – и снимать скальпы. Я до сих помню охвативший меня ужас, когда черные с проседью волосы моей подруги Найавенны рассыпались из мешка по моим коленям.

– Как ты думаешь, я уже поседела? – внезапно спросила я.

Джейми удивленно поднял брови, но наклонился и начал ласково перебирать волосы, разглядывая макушку.

– Ну, примерно один волосок из пятидесяти побелел и один из двадцати пяти стал серебристым. А что?

– Тогда, думаю, у меня еще есть время. Найавенна... – Несколько лет я не произносила ее имя вслух, и сейчас, когда выговорила его, почувствовала странное утешение, как будто подруга воскресла. – Она говорила, что я войду в полную силу, когда мои волосы побелеют.

– Мне даже страшно от этой мысли, – ухмыльнулся Джейми.

– А то. Но раз этого пока не случилось, мне придется скальпелем защищать свой бочонок, если в пути мы вдруг наткнемся на шайку воришек – любителей квашеной капусты.

Джейми как-то странно на меня посмотрел, но потом рассмеялся и покачал головой.

Сам он собирался в дорогу более основательно. В ночь после похорон миссис Баг они с Йеном-младшим перетащили золото из-под фундамента дома в другое место. Этот процесс требовал большой осторожности, и перед самым началом я приготовила огромный таз с черствым хлебом, вымоченным в кукурузном самогоне, поставила его неподалеку от развалин, а затем, стоя на садовой дорожке, изо всех сил прокричала: «Свинка-а-а, кушать!»

Какое-то мгновение стояла тишина, а потом белая свинья вылезла из своего логова под фундаментом, огромное бледное пятно на фоне потемневших от дыма камней. Конечно, я прекрасно знала, кто это, но при виде белесой, быстро надвигающейся на меня массы стало не по себе. Пошел густой снег – одна из причин, почему Джейми решил не откладывать задуманное на другой день, – и свинья с такой скоростью неслась вперед через завихрения больших и мягких хлопьев, что походила на самого духа снежной бури, который ведет за собой ветер.

Мне вдруг показалось, что она вот-вот нападет: ее голова качнулась в мою сторону, и зверюга шумно втянула воздух, почуяв мой запах. Но тут, похоже, свинья унюхала еду и повернула к тазу с хлебом. Секундой позже сквозь снежную пелену донеслось отвратительное чавканье: свинья была в восторге от угощения. Джейми с Йеном торопливо выбрались из-за деревьев и приступили к делу.

Потребовалось больше двух недель, чтобы перенести все золото. Джейми с Йеном работали исключительно по ночам и только в снегопад или перед ним, чтобы скрыть следы. Кроме того, они по очереди охраняли развалины Большого дома, высматривая, не появится ли Арч Баг.

– Думаешь, он еще интересуется золотом? – спросила я Джейми в разгар всей этой возни.

Я растирала ему руки, чтобы они согрелись и могли держать ложку. Он зашел домой позавтракать, голодный и ооченевший после того, как всю долгую ночь кружил вокруг сожженного дома, пытаясь разогнать по жилам кровь.

– А что ему остается? – ответил Джейми вполголоса, чтобы не разбудить Хиггинсов. – Его больше ничего не заботит, ну, разве что Йен.

Я поежилась не только от мысли, что где-то в лесу, словно призрак, таится Арч Баг и только жгучая ненависть помогает ему выжить, но и от холода, который принес с собой Джейми. Как все мужчины в горах зимой, он отрастил бороду для тепла, и сейчас в его усах блестели льдинки, а брови заиндевели.

– Ты похож на Санта-Клауса, – прошептала я, подавая ему миску с горячей кашей.

– Я так себя и чувствую, – сипло сказал он, поднес миску к самому носу и, вдыхая горячий пар, блаженно закрыл глаза. – Передай виски, а?

– Предлагаешь налить его в кашу? Там уже есть масло и соль.

Тем не менее я достала бутылку с полки над очагом и передала Джейми.

– Не, хочу разогреть брюхо, иначе не смогу проглотить ни ложки. Ниже шеи я, считай, целиком заледенел.

Со дня похорон от Арча Бага не было ни слуху ни духу, даже следов на снегу никто не видел. Возможно, он укрылся на зиму в надежном убежище или ушел в какую-нибудь индейскую деревню. А может, вообще умер. И, хотя даже думать об этом было жестоко, лично я надеялась, что так оно и случилось.

Я рассказала о своих чаяниях Джейми, но он покачал головой. Лед в его волосах уже растаял, и капельки воды в бороде сверкали в свете огня, словно алмазы.

– Если он погиб и мы никогда об этом не узнаем, то у Йена всю жизнь не будет ни минуты покоя. Всю жизнь! Неужели ты хочешь, чтобы он озирался по сторонам на собственной свадьбе, ожидая, что пуля сразит его жену в самое сердце, когда она будет произносить брачную клятву? Или чтобы он, став отцом семейства, каждый день боялся оставить дом и детей, страшась того, что может увидеть, когда вернется?

– Я впечатлена масштабами твоего большого воображения, но да, ты прав. Ладно, не буду надеяться на смерть Арча, но, может, мы все-таки найдем его тело.

Однако никто так и не нашел Арча Бага мертвым, и золото по частям перенесли в новый тайник. Джейми и Йен долго думали, где его устроить, и серьезно обсуждали этот вопрос в секрете от всех. Точно не в пещере виски. Мало кто знал, где она находится, но некоторым было известно. Например, Джозеф Уэмисс, его дочь Лиззи и два ее мужа – тут я удивилась, что уже могу думать о Лиззи и обоих Бердсли без привычного недоумения, – узнали в силу обстоятельств. А перед нашим отъездом нужно показать пещеру Бобби и Эми Хиггинсам, раз уж они будут гнать виски в наше отсутствие. Арчу Багу никто не говорил, где пещера, но, скорее всего, он и так знал.

Джейми был непреклонен: никто не должен знать, что в Ридже вообще есть золото, не говоря уже о том, где оно находится.

– Если пойдут слухи, то все здесь будут в опасности, – сказал он. – Ты же помнишь, что произошло, когда Доннер рассказал своей компашке, что у нас есть драгоценности.

Конечно, я помнила. И все еще просыпалась от кошмаров, в которых слышала, как с приглушенным хлопком взрывались пары эфира, лопалось стекло и трещало дерево, когда грабители крушили наш дом.

В некоторых снах я металась туда-сюда в безуспешных попытках спасти чью-то жизнь – только вот чью? – но всегда натыкалась на закрытые двери, глухие стены или объятые пламенем комнаты. В других – стояла на месте, не в силах пошевелиться, пока огонь полз по стенам, с изысканной жадностью пожирал одежду на лежавших у моих ног мертвецах, вспыхивал в их волосах, охватывал мою юбку и пробирался по ней все выше и выше, обвивая ноги раскаленной паутиной.

Меня по-прежнему охватывала печаль, смешанная с глубокой очистительной яростью, когда я смотрела на выгоревшее пятно посреди поляны, где когда-то был мой дом, но после каждого кошмара мне было необходимо выйти утром из хижины и снова взглянуть в то страшное место, обойти холодные развалины, вдыхая запах мерзлого пепла, и все для того, чтобы погасить пламя, что горело в моих глазах.

– Ты прав, – сказала я, плотнее закутываясь в шаль. Мы стояли возле кладовой над ручьем и разговаривали, глядя вниз на руины. Я промерзла до костей. – Но... тогда где?

– В пещере Испанца, – сказал Джейми.

Я растерянно моргнула.

– Где-где?

– Я тебе покажу, *a nighean*, – улыбнулся он. – Когда снег растает.

* * *

Неожиданно наступила весна, и вода в ручье поднялась. Бурный поток, разбухший от талого снега и сотен крошечных ручейков, что струились и прыгали по склону горы, плескался и ревел у моих ног. Я чувствовала на лице его холод и знала, что в считанные минуты промокну до колен, но это не имело значения. На берегах ручья ярко зеленели стрелолисты и понтедерия; подымавшаяся вода вырывала часть растений из земли и уносила вниз по течению, другие же изо всех сил цеплялись корнями за жизнь, их листья стелились в быстрых струях. В тени берегов под водой извивались темные переплетения водяного кресса. Его свежая зелень и была моей целью.

Я уже наполовину заполнила корзинку ростками папоротника. Хороший большой пучок свежего нежного кресса, такого хрустящего и холодного, прямо из ручья, – как раз то, что нужно, чтобы восполнить нехватку витамина С, которая образовалась за зиму. Я стащила ботинки и чулки, немного поколебавшись, сняла платье вместе с шалью и повесила на ветку дерева. В тени нависающих над ручьем серебристых берез было довольно прохладно, и я вздрогнула, но, не обращая внимания на холод, подоткнула подол сорочки и вошла в ручей.

Не обращать внимания на его температуру было гораздо труднее. Я ахнула и чуть не выронила корзинку, однако устояла на скользких камнях и осторожно двинулась к ближайшим зарослям соблазнительной темной зелени. Уже через пару секунд у меня онемели ноги, но, охваченная азартом добытчика и страстным желанием поесть свежего салата, я не чувствовала холод.

Довольно много наших припасов уцелело после пожара, поскольку они хранились в хозяйственных постройках – в кладовой над ручьем, в амбаре и коптильне. Однако огонь уничтожил погреб для овощей, а вместе с ним погибли не только наши запасы моркови, лука, чеснока и картофеля, но и большая часть сушеных яблок и дикого ямса, а еще огромные свисающие грозди изюма, в общем, все, что было призвано уберечь нас от тяжелых последствий цинги. Травы, конечно, тоже превратились в дым вместе со всей моей хирургической. Правда, у нас осталось очень много тыкв и кабачков, потому что они хранились в сарае, но пироги с кабачками и суккоташ²⁴ наскучат любому через пару месяцев... Скажу начистоту, мне они надоедают уже на второй день.

Уже в который раз я оплакивала кулинарные способности миссис Баг, хотя, конечно, мне не хватало и ее самой. Эми Маккаллум Хиггинс выросла в семье арендатора в Шотландском высокогорье и, как она сама выразилась, «стряпала хорошо, но просто». По сути, это означало, что она умеет одновременно печь лепешки, варить кашу и жарить рыбу, и ничего не подгорит. Серьезное достижение, но, если говорить о рационе, несколько однообразное.

Моим коронным блюдом стало рагу, которое за неимением лука, чеснока, моркови и картофеля превратилось в некое подобие похлебки из оленины или индейки, тушенных с дробленой кукурузой, ячменем, а порой и с кусками черствого хлеба. Как ни странно, вполне сносным поваром оказался Йен. Как раз суккоташ и пирог с кабачками стали его вкладом в общее меню. Мне очень хотелось узнать, кто научил его готовить, но я решила, что лучше не спрашивать.

В общем, пока никто не голодал и не потерял ни одного зуба, но к середине марта я была готова бродить по самую шею в холодной воде, лишь бы раздобыть что-нибудь зеленое и съедобное.

²⁴ Суккоташ – блюдо североамериканской кухни, которое готовится в основном из кукурузы и фасоли или других бобовых.

Слава богу, Йен немного оклемался. Через неделю или около того он перестал вести себя словно контуженный и стал возвращаться в свое обычное состояние. Но я замечала, как Джейми то и дело посматривает на него, а Ролло завел привычку спать, положив голову на грудь хозяина. Интересно, действительно ли пес чувствовал боль в сердце Йена или просто в хижине было слишком мало места для сна?

Я потянулась и услышала легкий хруст позвонков. Теперь, когда снег почти растаял, я не могла дожидаться, когда же мы наконец уедем. Конечно, я буду скучать по Риджу и по всем его обитателям... Ну, почти по всем. Кроме, возможно, Хирама Кромби. Или Чишолмов, или... Я оборвала список, пока он не стал чересчур длинным.

– С другой стороны, – сказала я себе твердо, – подумай о кроватях!

Разумеется, в дороге нам довольно долго придется спать прямо на земле, но когда-нибудь мы доберемся до цивилизации. Постоялые двory. С едой. И с кроватями. Я на миг закрыла глаза, представив невыразимое блаженство сна на матрасе. О перине я даже и не мечтала: все, что обещало больше дюйма мягкой прослойки между мной и полом, было райским наслаждением. И, конечно, будет еще лучше, если ко всему этому добавится немного уединения.

После декабря мы с Джейми не отказались от секса. И дело не только в вожделении – а оно никуда не делось! – мы нуждались в уютном тепле тел друг друга. Но как бы мы ни прятались под одеялами, стараясь не шуметь, сам процесс под пристальным желтым взглядом Ролло в паре шагов от нашего ложа был далеко не столь удовлетворительным, как нам бы хотелось. Даже если предположить, что Йен-младший всегда мирно спал; впрочем, ему хватало такта притворяться, даже если это было не так.

Истошный крик прорезал воздух, я вздрогнула и выронила корзину. Бросилась за ней и едва успела схватить за ручку, пока корзину не унесло течением. Затем выпрямилась, дрожащая и вымокшая насквозь, и стала ждать, не повторится ли крик. Сердце бешено колотилось.

Крик повторился, а через пару секунд последовал такой же пронзительный, но более глубокий по тембру вопль, в котором мой натренированный слух сразу же распознал рев шотландского горца, с размаху плюхнувшегося в ледяную воду. А более слабые и высокие взвизги вперемешку со сдавленным «Твою ж мать!», произнесенным с дорсетским акцентом, означали, что все мужчины нашего дома принимают весеннюю ванну.

Я отжала подол сорочки, сдернула шаль с ветки, на которой ее оставляла, и, надев ботинки, пошла на шум.

Мало на свете занятий приятнее, чем сидеть в относительном тепле и уюте, наблюдая за тем, как твои человеческие собратья мокнут в холодной воде. А уж если вышеупомянутые собратья представляют собой все разнообразие обнаженной мужской натуры, это еще лучше. Я пробралась сквозь невысокие заросли речной ивы с распутившимися почками, нашла скрытый от посторонних глаз камень, устроилась на солнышке и расправила мокрый подол сорочки, наслаждаясь теплом на своих плечах, пряным запахом пушистых сережек и очаровательным зрелищем.

Джейми стоял по плечи в воде, его блестящие, заглаженные назад волосы сейчас походили на красновато-коричневый сургуч. Бобби остался на берегу. Крякнув, он поднял Эйдана и швырнул его Джейми. Мальчишка завопил от восторга, размахивая в воздухе руками и ногами.

– Меня, меня, меня! – Орри приплясывал вокруг ног отчима, пухлая попка подпрыгивала среди камышей, словно розовый воздушный шарик.

Бобби рассмеялся, подхватил малыша, который визжал, как недорезанный поросенок, и, подержав высоко над головой, бросил низкой дугой над заводью.

Орри шлепнулся в воду с громким всплеском, Джейми, хохоча, поймал его и вытащил на поверхность. У мальчугана был такой ошарашенный вид, что все остальные заурали, как гиббоны. Эйдан и Ролло с криками и лаем плавали вокруг по-собачьи.

Я посмотрела на другой берег и увидела голого Йена: он пробежал вниз по невысокому склону и рыбкой нырнул в заводь, издав громкий боевой клич, который сделал бы честь любому могавку. Звук оборвался, когда Йен почти без брызг исчез в холодной воде.

Я, как и остальные, ждала, что он вот-вот вынырнет, но он не появлялся. Джейми подозрительно огляделся, остерегаясь внезапной атаки, но через секунду Йен с душераздирающим воплем выскочил на поверхность прямо перед Бобби, схватил того за ногу и стащил в воду.

А дальше наступила полная неразбериха с фонтанами беспорядочных брызг, воплями, уханьем и прыжками с камней. Я смотрела на все это и думала, насколько прекрасны обнаженные мужчины. Конечно, в свое время я повидала их достаточно, но, кроме Фрэнка и Джейми, большинство из них были либо больными, либо ранеными, и потому обстоятельства наших встреч исключали всякую возможность неторопливо любоваться красивыми телами.

Пухленький Орри, Эйдан с тонкими и длинными, как у паучка, конечностями, белыми после зимы, и Бобби, сухощавый, с бледным торсом и маленьким, плоским задом – в общем, все Маккалумы-Хиггинсы занимали меня в той же мере, как если бы я наблюдала за обезьянками в вольере.

Йен и Джейми от них отличались и выглядели скорее как бабуины или мандрилы. Вообще-то, они мало походили друг на друга, разве только ростом, но все же явно были вылеплены из одного теста. Глядя, как Джейми напряг бедра перед тем, как нырнуть в воду с камня над заводью, я легко могла представить, что он готовится напасть на леопарда. Йен, сверкая мокрым телом, растянулся на берегу, подставив теплому солнышку интимные части, но при этом все время был настороже, на случай если появится кто-то незванный. Им с Джейми еще бы пурпурные задницы, и могли бы смело отправляться в африканские вельды, подумала я.

Каждый из них был по-своему прекрасен, но мой взгляд снова и снова возвращался к Джейми. Он был изрядно потрепан жизнью, с ног до головы покрыт шрамами, поджарый и жилистый, впадинки между мышцами с возрастом стали глубже. По бедру змеился толстый рубец от штыковой раны, широкий и уродливый, а шрам поменьше, тонкая белая полоска от укуса гремучей змеи, почти полностью исчез под густой порослью волос на теле, которые уже начали подсыхать и поднимались над поверхностью кожи красновато-золотистым облачком. Серповидный шрам на ребрах после удара палашом тоже зажил, став тоненькой, словно волос, линией.

Джейми наклонился, чтобы взять с камня кусок мыла, и у меня перехватило дыхание. Конечно, его зад не был пурпурным, но, округлый и мускулистый, с восхитительными впадинками по бокам и словно припорошенный красноватым золотом, он выглядел великолепно. А когда я увидела его яички, действительно пурпурные от холода, мне захотелось подкрасться сзади и обхватить их нагретыми от камня ладонями.

Интересно, если бы я на это решилась, смог бы Джейми от испуга перемахнуть через всю заводь одним прыжком?

На самом деле я уже несколько месяцев не видела его голым, ну, или хотя бы достаточно раздетым.

Но теперь... Я запрокинула голову и закрыла глаза под теплым весенним солнцем. Свежевымытые волосы приятно щекотали между лопаток, и я наслаждалась этим ощущением. Снег сошел, погода стояла хорошая, и сама природа призывно манила, полная потаенных мест, где ничто не мешает уединению, разве что случайно забредший скунс.

* * *

Я оставила мокрых мужчин греться на камнях под солнцем и отправилась за своей одеждой, но одеваться не стала. Вместо этого я поспешила к кладовой над ручьем и погрузила корзину с зеленью в прохладную воду; если бы я отнесла зелень в хижину, Эми тут же схватила бы

травы и варила, пока бы они не стали как тряпка. Я свернула платье, корсет и чулки, засунула на полку с сырами и зашагала обратно к ручью.

Плеск и вопли стихли, но с тропы до меня донесся низкий голос, который пел песню. Это Бобби нес Орри, заснувшего после веселого, но утомительного купания. Темноволосый Эйдан, осоловелый от чистоты и тепла, брел рядом с отчимом, качая головой в такт песне.

Бобби пел чудесную гэльскую колыбельную, которой его, должно быть, научила Эми. Интересно, сказала ли она, что означают слова песни?

«S'iomadh oidhche fhliuch is thioram
Sìde nan seachd sian
Gheibheadh Griogal dhomhsa creagan
Ris an gabhainn dìon»²⁵.

«Òbhan, òbhan òbhan ìri
Òbhan ìri ò!
Òbhan, òbhan òbhan ìri
'S mòr mo mhulad's mòr»²⁶.

Глядя на Бобби с детьми, я улыбнулась, но у меня перехватило горло. Я вспомнила, как прошлым летом Джейми нес Джема домой после купания и как ночью Роджер пел для Мэнди хриплым, надтреснутым голосом, – и все же это была музыка.

Я кивнула Бобби, который улыбнулся и, не прекращая петь, кивнул в ответ. Потом поднял брови и махнул большим пальцем через плечо, видимо, показывая, куда пошел Джейми. Бобби не выказал ни малейшего удивления, увидев меня в одной сорочке и шали; он, несомненно, решил, что я, воодушевившись особенно теплым деньком, тоже направляюсь к ручью помыться.

«Eudail mhòir a shluagh an domhain
Dhòirt iad d' fhuil an dè
'S chuir iad do cheann air stob daraich
Tacan beag bhod chrè»²⁷.

«Òbhan, òbhan òbhan ìri
Òbhan ìri ò!Òbhan, òbhan òbhan ìri
'S mòr mo mhulad's mòr».

Я коротко помахала им рукой и свернула на боковую тропку, которая вела к поляне на горе. Все называли это место «Новым домом», хотя о том, что здесь когда-нибудь поднимется дом, говорил только штабель бревен и множество вбитых в землю колышков с натянутой между ними бечевкой. Они отмечали место и размеры дома, который Джейми собирался построить взамен сгоревшего, – конечно, когда мы вернемся.

Я заметила, что Джейми передвинул колышки. Большая гостиная стала еще просторнее, а рядом с задней комнатой, где я собиралась устроить хирургическую, появилось нечто вроде нароста, скорее всего, отдельная кладовая.

Сам архитектор, совершенно голый, сидел на бревне и обозревал свои владения.

²⁵ Дождливы ли ночи или ясны, И пусть непогода злится, Грегор отыщет приют среди камней, Чтобы любимой укрыться.

²⁶ Ох, горе мое, горькое горе! Глубокое, словно море!

²⁷ Единственный мой, моя любовь, Враги пролили твою кровь, На дубовом колу твоя голова, Рядом тело лежит, остыло едва.

– Меня ждешь? – спросила я, снимая шаль и вешая на ветку неподалеку.

– А то! – Он улыбнулся и почесал грудь. – Я подумал, что тебя наверняка воспламенит вид моей голой задницы. Или это был зад Бобби?

– У Бобби нет задницы. Ты знаешь, что ниже шеи у тебя нет ни одного седого волоска? Интересно, почему?

Он глянул вниз, рассматривая себя, но я сказала чистую правду. В его огненно-рыжей шевелюре серебрилось всего несколько прядей, но борода, которую он отрастил зимой, а несколько дней назад тщательно и с великими муками сбрил, сильно поседела и казалась подернутой инеем. Зато волосы на груди по-прежнему были темно-каштановыми, а те, что росли ниже, – пушистой массой ярко-рыжих.

Джейми опустил взгляд еще ниже и задумчиво почесал буйную растительность.

– Думаю, он прячется, – заметил он и, приподняв бровь, посмотрел на меня. – Хочешь подойти и помочь его отыскать?

Я подошла и послушно опустилась на колени. Потерянное сокровище на самом деле отлично просматривалось, хотя, надо признать, после недавнего купания выглядело поникшим и приобрело довольно интересный бледно-голубой оттенок.

– Что ж, – сказала я после секундного осмотра, – большие дубы растут из крошечных желудей. Ну, мне так говорили.

От тепла моего рта по телу Джейми пробежала дрожь, и я невольно обхватила ладонями его яички.

– Пресвятой боже, – выдохнул он, и его руки легко коснулись моей головы, словно благословляя.

– Что ты сказала? – спросил он мгновением позже.

Я оторвалась от своего занятия, чтобы вздохнуть.

– Я говорю, что нахожу «гусиную кожу» весьма эротичной.

– Гораздо эротичнее то, от чего она появляется, – заверил Джейми. – Сними рубашку, саксоночка. Я почти четыре месяца не видел тебя обнаженной.

– Ну... да, не видел, – согласилась я, чуть помешкав. – И я не уверена, что хочу, чтобы ты смотрел.

Джейми поднял бровь.

– Почему это?

– Потому, что я долгие недели не выходила из дома, не видела толком солнца и почти не двигалась. Сейчас я, наверное, выгляжу, как одна из личинок, что живут под камнями, – жирная, бледная и рыхло-влажная.

– Влажная? – переспросил он, расплываясь в улыбке.

– Рыхло-влажная, – с достоинством ответила я, обхватив себя руками.

Джейми сжал губы, медленно выдохнул и, склонив голову набок, принялся меня разглядывать.

– Мне нравится, когда ты пухленькая, но я прекрасно знаю, что это не так, – сказал он. – Каждую ночь с конца января я обнимаю тебя и чувствую твои ребра. Что касается белизны – так ты всегда была белой, сколько я тебя знаю, меня этим не удивишь. А уж если говорить о влажности...

Он протянул руку и, шевельнув пальцами, поманил меня к себе.

– Думаю, мне это понравится.

Я хмыкнула, все еще неуверенно. Джейми вздохнул.

– Саксоночка, я не видел тебя без одежды целых четыре месяца. Значит, если ты сейчас снимешь рубашку, то будешь самым прекрасным зрелищем из всего, что я видел за эти четыре месяца. Не думаю, что в моем возрасте я вспомню, что было раньше.

Рассмеявшись, я без дальнейших возражений встала и потянула за тесемки на горловине сорочки, потом изогнулась, и она соскользнула, упав у моих ног.

Джейми закрыл глаза, глубоко вздохнул и снова открыл.

– Я ослеплен, – тихо сказал он, протягивая мне руку.

– Ослеплен, как лучами солнца, которые отражаются от снежной равнины? – спросила я с сомнением в голосе. – Или как если бы ты столкнулся лицом к лицу с Горгоной?

– От взгляда на Горгону превращаешься в камень, а не слепнешь, – назидательно сообщил Джейми. – Хотя, если подумать...

Он потыкал себя указательным пальцем.

– Я еще могу превратиться в камень. Да иди же сюда, ради бога!

Я подошла.

* * *

Заснула я в тепле тела Джейми, и через некоторое время проснулась, уютно закутанная его пледом. Я потянулась и потревожила белку, которая которая рискнула спуститься по ветке над моей головой, чтобы лучше меня рассмотреть. Ей явно не понравилось то, что она увидела, и она возмущенно зацокала.

– Ох, тише! – сказала я, зевнув, и села.

Белка сочла это оскорблением и устроила настоящую истерику, но я не обращала на нее внимания. Как ни странно, Джейми ушел.

Сначала я подумала, что он отошел в лес по нужде, и быстро огляделась, но Джейми нигде не было. Тогда я завернулась в плед и встала на ноги, однако не обнаружила никаких следов Джейми.

Я ничего не слышала, пока спала; наверняка если бы кто-то пришел, я бы проснулась... или Джейми бы меня разбудил. Я прислушалась, но, поскольку белка ускакала по своим делам, услышала только обычные звуки просыпающегося по весне леса: шепот и порывы ветра в свежей листве деревьев, редкий треск падающей ветки, приглушенный стук отскакивающих от земли прошлогодних сосновых шишек и каштанов, далекий зов сойки, пересвист стайки крохотных поползней, искавших, чем бы поживиться в высокой траве, шуршание голодной полевки среди прелой листвы.

Сойка все кричала, вскоре к ней присоединилась еще одна, вторила пронзительно и тревожно. Может, Джейми ушел в ту сторону?

Размотав плед, я надела сорочку и ботинки. Близился вечер. Мы – ну, по крайней мере я – проспали довольно долго. Солнце еще грело, но в тени под деревьями стало прохладно. Я накинула шаль и сунула под мышку свернутый плед Джейми, наверняка пригодится.

Я пошла на зов соек вверх по холму, прочь от поляны. Пара соек гнездилась у Белого ручья, всего лишь пару дней назад я видела, как они вьют гнездо.

Белый ручей находился совсем рядом от места для нового дома, но почему-то именно у этого источника казалось, что вокруг непроходимая глушь. Он брал начало посреди небольшой рощицы, где росли белый ясень и болиголов, а с восточной стороны его закрывал скалистый выступ, изъеденный лишайником. Любая вода создает вокруг себя ощущение жизни, а горные родники несут с собой особое чувство тихой радости, которая поднимается прямо из сердца земли. Белый ручей, названный так из-за огромного белого валуна, который, как страж, стоял над его заводью, дарил нечто большее: чувство непоколебимого спокойствия.

Чем ближе я подходила, тем крепче становилась уверенность, что именно там я и найду Джейми.

– Здесь есть то, что слушает, – однажды сказал он Брианне, как бы невзначай. – Похожие водоемы встречаются в горах Шотландии, там их называют священными. Поговаривают, что возле этих источников живут святые и слушают людские молитвы.

– И какой же святой живет у Белого ручья? – скептически спросила она. – Святой Киллиан?²⁸

– Почему именно он?

– Святой покровитель больных подагрой и ревматизмом, а также маляров.

Джейми рассмеялся и покачал головой.

– Уж не знаю, что обитает в этих водах, но оно намного старше понятия «святой», – заверил он Брианну. – И оно слушает.

Я мягко ступала, приближаясь к ручью. Сойки затихли.

Джейми был там: в одной рубашке сидел на камне у воды. Стало понятно, почему сойки вновь занялись своими делами, – Джейми сидел неподвижно, как и сам белый валун, закрыв глаза и расслабленно положив руки ладонями вверх на колени, словно ждал, когда на него снизойдет благодать.

Увидев его, я сразу остановилась. Однажды я уже видела, как Джейми здесь молился: просил Дугала Маккензи о помощи в битве. Не знаю, с кем теперь говорил Джейми, но у меня не было ни малейшего желания вмешиваться в этот разговор.

Наверное, мне следовало бы удалиться, но я боялась, что могу побеспокоить его нечаянным шумом, а еще мне просто не хотелось уходить. Почти весь источник закрывала тень, но лучи пробивались сквозь деревья и ласкали Джейми. В воздухе висела пыльца, и солнечный свет, казалось, переполняли крупинки золота. Солнечные блики играли на макушке Джейми, на гладком высоком своде его стопы, на остром как клинок носу, на высоких скулах. Он словно родился и вырос здесь, был частью и земли, и камня, и воды, а может, самим духом этого ручья.

Я не чувствовала себя неожиданной гостьей. Умиротворенность этого места нежно охватила меня, замедлив сердцебиение.

Может, именно покоя искал здесь Джейми? Впитывал спокойствие горы, чтобы сохранить в памяти и потом обращаться к нему в долгие месяцы (а может, и годы) предстоящего изгнания?

Я бы сохранила.

Свет потускнел, воздух утратил яркость. Джейми наконец пошевелился и приподнял голову.

– Пусть меня будет достаточно, – тихо произнес он.

Я вздрогнула от звука его голоса, но он разговаривал не со мной.

Открыв глаза, он поднялся на ноги – так же бесшумно, как и сидел, – и зашагал вдоль воды, длинные голые ноги легко ступали по ковру из влажных листьев. Выйдя из-за выступа, он увидел меня и, улыбнувшись, потянулся за пледом, который я подала ему без единого слова. Джейми молча сжал мою холодную руку своей большой теплой ладонью, и мы направились к дому, зашагали бок о бок в безмятежном спокойствии окружавших нас гор.

* * *

Через несколько дней Джейми нашел меня, когда я рыскала вдоль берегов ручья в поисках пиявок, которые только-только начали выходить из зимней спячки, голодные и жаждущие крови. Ловить их было легко, я просто залезла в воду и медленно бродила возле берега.

²⁸ Святой Киллиан – апостол Франконии, шотландец или ирландец. В VII в. пришел в Баварию и был посвящен папой в епископы.

Поначалу мысль о том, чтобы послужить живой приманкой для пиявок, показалась мне отвратительной, но ведь именно так я обычно их и получала: отправляла вброд через ручьи Джейми, Йена, Бобби или кого-нибудь еще из дюжины молодых людей, а потом снимала с них пиявок. А когда привыкнешь к виду этих тварей, постепенно наливающихся кровью, становится уже не так противно.

– Нужно дать им достаточно крови, чтобы подкрепиться, – объяснила я с гримасой отвращения, потому что как раз в эту минуту подсовывала ноготь большого пальца под присоску пиявки, чтобы отсоединить ее. – Но не слишком много, иначе они впадут в сонное состояние и станут совершенно бесполезными.

– Главное – не упустить момент! – согласился Джейми, когда я бросила пиявку в кувшин с водой и ряской. – Как закончишь кормить своих маленьких питомцев, пойдем, я покажу тебе пещеру Испанца.

Идти было далеко – наверное, мили четыре от Риджа, через холодные илистые ручьи, потом вверх по крутым склонам и через расселину в гранитной скале, где у меня возникло чувство, что меня похоронили заживо. Мы вышли из нее и оказались в довольно глухом месте. Там теснились каменные глыбы, которые дикий виноград опутал плотной сетью.

– Мы с Джемом нашли это место, когда охотились, – пояснил Джейми, приподняв полог из листьев и пропуская меня вперед. Виноградные лозы толщиной с мужскую руку, узловатые от старости, змеились по камням, еще не полностью укрыв их ржаво-зелеными листьями. – Это был наш с ним секрет. Мы договорились, что никому не скажем, даже его родителям.

– Даже мне, – сказала я, но не обиделась, услышав, как дрогнул голос Джейми, когда он говорил о внуке.

В пещеру вела расщелина в земле, которую Джейми завалил большим плоским валуном. Напрягшись, Джейми отодвинул камень, и я осторожно заглянула внутрь, чувствуя, как у меня задрожало что-то внутри от тихого свиста воздуха, проходящего через расселину. На поверхности воздух был теплый, и пещера его затягивала, а не выдувала.

Я прекрасно помнила пещеру Абандауи, как она, казалось, дышала вокруг нас, и сейчас мне пришлось собраться с силами, чтобы последовать за Джейми, когда он скрылся под землей. Там обнаружилась грубая деревянная лестница, довольно новая, но я заметила, что она заменяет старую, рассыпавшуюся на части: кое-где полусгнившие деревянные на ржавых железных штырях по-прежнему торчали из скалы.

До дна было, наверное, не больше десяти или двенадцати футов, но спуск показался бесконечным из-за узкого, похожего на бутылочное горлышко входа в пещеру. Наконец я достигла самого низа и увидела, что здесь пещера расширяется, словно колба.

Джейми нагнулся на один бок: я увидела, как он вытаскивает небольшую бутылку, и почувствовала острый запах скипидара. Джейми захватил с собой факел, пучок сосновых веток; их верхушки он заранее обмакнул в деготь и обмотал тряпкой. Полив тряпку скипидаром, он поднес к ней огниво, которое смастерила для него Бри. Сноп искр осветил сосредоточенное и обветренное лицо Джейми. С третьего удара факел загорелся, огонь охватил ткань и перекинулся на деготь.

Джейми поднял факел и жестом показал на пол сзади меня. Я обернулась и чуть не подскочила от испуга.

Испанец сидел, прислонившись к стене и вытянув костлявые ноги. Голову он свесил на грудь, будто дремал. На черепе еще кое-где торчали клочья тусклых рыжеватых волос, но кожи не было совсем. Впрочем, кисти и стопы тоже практически исчезли – мелкие косточки растащили грызуны. Крупные животные до него не добрались, поэтому туловище и длинные кости уцелели, но на них виднелись многочисленные следы зубов. Ребра торчали сквозь ветхую ткань, которая так вылиняла, что определить ее первоначальный цвет было невозможно.

И действительно, это был испанец. Возле него лежал испанский шлем, порыжелый от ржавчины, железный нагрудник и нож.

– Иисус твою Рузвельт Христос! – прошептала я.

Джейми перекрестился и встал на колени рядом со скелетом.

– Я понятия не имею, сколько времени он уже здесь находится, – так же тихо сказал он. – Мы не нашли у него ничего, кроме доспехов и вот этого.

Он показал на гравий рядом с тазовыми костями. Я наклонилась поближе, чтобы лучше рассмотреть вещицу – небольшое распятие, возможно, из серебра, но теперь почерневшее. В нескольких дюймах от него лежал маленький треугольный предмет, тоже черный.

– Четки? – спросила я, и Джейми кивнул.

– Полагаю, он носил их на шее. Видимо, они были деревянные, на веревочке, а когда та сгнила, металлическая часть упала. Вот, смотри. – Джейми осторожно коснулся пальцем крошечного треугольника. – На одной стороне здесь написано «*Nr. Sra. Ang*». Думаю, это означает «*Nuestra Señora de los Angeles*» – «Богоматерь ангелов». А на обратной стороне изображена Пресвятая Дева.

Я невольно перекрестилась, почтительно помолчала и спросила:

– Джейми испугался?

– Это я испугался, – сухо ответил Джейми. – Когда я спустился, в пещере было темно, и я чуть не наступил на этого парня. Я подумал, что он живой, и у меня чуть сердце не остановилось.

Он рассказал, что тревожно вскрикнул, и Джем, которого Джейми оставил наверху и строго-настрого велел не сходить с места, тут же полез в проход, на полпути сорвался со сломанной лестницы и упал ногами вперед на деда.

– Я услышал возню, глянул вверх, и как раз вовремя – он свалился с неба и ударил меня в грудь что твоё пушечное ядро. – Джейми с печальной улыбкой потер левую сторону груди. – Не посмотри я вверх, он сломал бы мне шею, а сам бы никогда отсюда не выбрался.

А мы бы так никогда и не узнали, что с ними случилось. От этой мысли у меня пересохло в горле, и я сглотнула. И все же... Что-нибудь непредвиденное может произойти в любой день. С каждым из нас.

– Просто удивительно, как это вы ничего себе не сломали, – сказала я, а потом кивнула на скелет: – Как ты думаешь, что случилось с этим джентльменом?

Его родственники так и не узнали.

Джейми покачал головой:

– Понятия не имею. Но врагов он точно не ждал, иначе надел бы доспехи.

– Может, он упал и не смог выбраться?

Я присела на корточки возле скелета и тщательно осмотрела левую большую берцовую кость. Она давно высохла, потрескалась, с одного конца кто-то обглодал ее мелкими острыми зубами, но я заметила нечто, похожее на перелом по типу «зеленой ветки», – неполный перелом, когда кость не ломается полностью, а покрывается трещинами. Впрочем, возможно, кость потрескалась от времени.

Джейми взглянул вверх и пожал плечами:

– Вряд ли. Он был гораздо ниже меня, но, думаю, старая лестница уже была здесь, когда он умер. Ведь если бы кто-то соорудил лестницу позже, то наверняка бы не оставил тут внизу этого джентльмена. А взобраться по лестнице он смог бы и со сломанной ногой.

– Хм. Возможно, он умер от лихорадки. Тогда понятно, зачем он снял шлем и нагрудник.

Лично я бы сняла их при первой же возможности: в зависимости от времени года, наполовину облаченный в металл испанец наверняка либо варился заживо, либо страдал от плесени.

Джейми хмыкнул. Он явно был не согласен с выводом, хотя допускал, что в моих рассуждениях есть резон.

– Думаешь, его убили? – спросила я, посмотрев на Джейми.

Он пожал плечами:

– У него есть доспехи, но нет оружия, кроме ножа, да и то совсем маленького. И, обрати внимание, он правша, а нож лежит слева.

Испанец при жизни точно был правой: кости правой руки выглядели заметно толще, даже в тусклом свете факела. Может, испанец был мечником?

– В Вест-Индии я знавал многих испанских солдат, саксоночка. У них с лихвой хватало и палашей, и копий, и пистолетов. Если бы этот человек умер от лихорадки, его спутники, конечно, могли бы забрать оружие, но тогда взяли бы и доспехи, и нож. Зачем добру пропадать?

– Допустим, но почему тот, кто его убил – если его убили, – оставил доспехи и нож?

– А зачем кому-то его доспехи? Они никому не нужны, разве только солдатам. А вот нож... Нож не взяли потому, что он был воткнут в тело, – предположил Джейми. – Да и нож так себе, плохонький.

– Логично, – согласилась я и снова сглотнула. – Ладно, отвлечемся от его смерти. Для начала, что, ради всего святого, он делал в горах Северной Каролины?

– Лет пятьдесят или шестьдесят назад испанцы посылали своих разведчиков аж до самой Вирджинии, – сообщил Джейми. – Правда, болота их остановили.

– И неудивительно. Но зачем... вот это все?

Я встала и обвела рукой пещеру и лестницу. Джейми не ответил, но взял меня за запястье и, подняв факел повыше, повернул в противоположную от лестницы сторону. Высоко над головой я увидела в скале небольшую расщелину, чернеющую в свете факела и такую узкую, что туда можно было втиснуться лишь с большим трудом.

– Там есть еще одна пещера, поменьше, – сказал Джейми, кивком показывая вверх. – Когда я поднял Джемми посмотреть, он сказал, что там много следов. Квадратные отпечатки на пыли, как будто там стояли тяжелые ящики.

Теперь я поняла, почему Джейми подумал про пещеру Испанца, когда понадобилось спрятать сокровище.

– Мы перенесем сюда оставшееся золото сегодня вечером, – сказал он, – и завалим вход камнями. А потом оставим сеньора в покое.

Пришлось признать, что эта пещера ничем не хуже других мест упокоения. К тому же присутствие испанского солдата, скорее всего, отобьет охоту к дальнейшим исследованиям у любого, кто наткнется на пещеру, будь то индейцы или переселенцы, подумала я. И те и другие явно испытывали отвращение к призракам. По правде говоря, горцы тоже, и я с любопытством повернулась к Джейми.

– Неужели вы с Джемми не испугались, что он будет вам являться?

– Не, мы прочитали молитву за упокой его души, когда я закрыл вход в пещеру и посыпал вокруг солью.

Я не удержалась от улыбки.

– А ты знаешь молитвы на все случаи жизни, да?

Он едва заметно усмехнулся и потер горящим факелом о сырой гравий, чтобы погасить огонь. Слабый луч света освещал макушку Джейми сверху.

– Всегда есть подходящая молитва, *a nighean*, даже если это всего лишь «*A Dhia, cuidich mi*».

Господи, помоги мне.

Глава 9

Нож, который знает мою руку

Не все золото схоронили с Испанцем. У двух моих нижних юбок по краю подола появился дополнительный подгиб с маленькими кармашками, в которые равномерно распределили золотую стружку, а еще несколько унций золота я вшила в шов на дне большого кармана. Джейми с Йеном тоже спрятали немного золота в спорраны; кроме того, они оба собирались повесить на пояс по два увесистых мешочка с пулями. Втроем мы удалились на поляну Нового дома, чтобы без посторонних глаз отлить эти самые пули.

– Надеюсь, ты не забудешь, откуда заряжать, а? – Джейми вытряхнул из формы в горшок с жиром и сажай новенькую ружейную пулю, сияющую, словно крошечное солнце.

– Не-а, если только ты по ошибке не возьмешь мою дробницу, – ехидно ответил Йен.

Он занимался свинцовой дробью и высыпал свежие горячие шарики в устланную мокрыми листьями ямку, где они дымились и шипели в прохладе весеннего вечера.

Струйка дыма попала в нос Ролло, который лежал неподалеку, и пес чихнул, а потом раскатисто фыркнул.

– Интересно, понравится ли тебе гонять оленей по вереску, псина? – спросил Йен. – Только держись подальше от овец, а не то тебя примут за волка и подстрелят.

Ролло вздохнул, и его глаза превратились в сонные щелочки.

– Ты думаешь о том, что скажешь матери, когда ее увидишь? – спросил Джейми, держа над костром ковшик с золотой стружкой и щурясь от дыма.

– Стараюсь не думать слишком много, – честно сказал Йен. – Когда я думаю о Лаллиброхе, у меня странно ноет нутро.

– По-хорошему странно или по-плохому? – поинтересовалась я, осторожно вытаскивая из жира деревянной ложкой остывшие золотые шарики и опуская их в мешочки для пуль.

Йен нахмурил лоб и уставился на свой ковшик, в котором помятые свинцовые пули начали таять, превращаясь в дрожащую лужицу расплавленного металла.

– Думаю, и так, и эдак. Брианна как-то говорила мне, что читала в школе книгу, где говорилось, что домой возврата нет. Наверное, так оно и есть... но я бы хотел вернуться, – тихо добавил он, не сводя глаз с ковшика. Расплавленный свинец с шипением полился в форму.

Я отвела взгляд от его опечаленного лица и увидела, что Джейми смотрит на меня с ласковым сочувствием. Я отвернулась от него и встала, ойкнув, когда у меня хрустнул коленный сустав.

– Что ж, – бодро произнесла я, – полагаю, все зависит от того, что ты считаешь домом, так? Знаешь, это ведь не только место.

– Да, верно. – Йен подержал формочку для пуль на весу, давая остыть. – Но даже если это человек, ты же не всегда можешь туда вернуться, да? Или можешь? – Его губы чуть скривились в насмешливой улыбке, когда он посмотрел на Джейми, а потом на меня.

– Полагаю, твои родители не слишком изменились с тех пор, как ты их оставил, – сухо заметил Джейми, сделав вид, что не заметил намек Йена. – А вот ты их удивишь, даже не сомневаюсь.

Йен оглядел себя и ухмыльнулся.

– Немного подрос, – сказал он.

Я весело фыркнула. Он покинул Шотландию пятнадцатилетним парнишкой, долговязым тощим несмышленишкой. Сейчас он на пару дюймов вырос, стал жилистым и крепким, словно кнут из сыромятной кожи. Такого же оттенка была и кожа самого Йена, обычно загорелая, хотя сейчас она посветлела за зиму, и на его лице отчетливо проступили вытатуированные точки, полукружиями разбегающиеся по скулам.

– А ты помнишь еще одну фразу, которую я тебе сказала? – спросила я. – Когда мы вернулись из Эдинбурга в Лаллиброх после того, как я... снова нашла Джейми. «Дом там, где нас, когда бы мы ни пришли, не могут не принять»²⁹.

Подняв бровь, Йен посмотрел на меня, затем перевел взгляд на Джейми и покачал головой.

– Неудивительно, что ты ее так любишь, дядюшка. Должно быть, она большое для тебя утешение.

– Ну, она по-прежнему принимает меня, – сказал Джейми, не отрываясь от своего занятия, – так что, думаю, она и есть мой дом.

* * *

Когда мы закончили работу, Йен в компании Ролло понес наполненные пулями мешочки в хижину, Джейми затаптывал костер, а я собирала приспособления для литья пуль. Вечерело, и воздух – и так уже свежий до того, что щекотал легкие, – приобрел ту живительную прохладу, которая ласкает кожу; дыхание весны неутомимо витало над землей.

Какое-то время я просто стояла и наслаждалась. Мы работали на свежем воздухе, тем не менее изрядно надышались дымом и вспотели, и теперь холодный ветерок, который сдувал волосы с моей шеи, казался восхитительным.

– У тебя есть пенни, *a nighean*? – раздался рядом голос Джейми.

– Что?

– Любые деньги подойдут.

– Не уверена, но...

Я стала рыться в завязанном на талии кармане, в котором за время наших сборов накопилась почти такая же обширная коллекция самых невероятных предметов, как в споране у Джейми. Среди мотков ниток, бумажных кулечков с семенами или высушенными травами, кожаных лоскутков с воткнутыми иголками и прочей всячины вроде баночки с шовным материалом, черно-белого пера дятла, куска мела и половинки печенья, которое я, видимо, не успела доесть из-за того, что меня отвлекли, я действительно отыскала потерянный, весь в пыли и крошках шестипенсовик.

– Подойдет? – спросила я, вытирая монетку и вручая ее Джейми.

– Да, – ответил он и протянул мне какую-то вещицу.

Моя ладонь непроизвольно сжалась на чем-то, что оказалось рукоятью ножа, который я чуть не выронила от неожиданности.

– Всегда нужно давать монетку за новый клинок, – сдержанно улыбаясь, пояснил Джейми. – Чтобы он признал тебя своей хозяйкой и не повернулся против тебя.

– Своей хозяйкой?

Солнце уже касалось верхушки хребта, но света еще хватало, и я взглянула на свое новое приобретение. Узкое, но крепкое лезвие было прекрасно заточено с одной стороны, под лучами уходящего солнца режущая кромка сияла серебром. Рукоять из рога оленя мягко легла в мою руку и казалась теплой. Благодаря двум маленьким вырезанным в ней углублениям она идеально подходила под мою хватку. Определенно, мой нож.

– Спасибо, – сказала я, любясь ножом. – Но...

– С ним ты будешь чувствовать себя более защищенной, – деловито сказал Джейми. – Да, вот еще что. Дай-ка его сюда.

²⁹ Строка из стихотворения американского поэта Роберта Фроста (1874–1963) «Смерть работника». Перевод С. Степанова.

Я, недоумевающая, отдала нож обратно и с удивлением увидела, как Джейми легко провел лезвием по подушечке большого пальца. Неглубокая ранка сразу же наполнилась кровью. Джейми вытер ее о штаны, сунул порезанный палец в рот и вернул мне нож.

– Нужно пустить клинком кровь, чтобы он знал свое предназначение, – вынув палец изо рта, объяснил он.

Рукоять ножа в моей руке все еще хранила тепло, но у меня мороз пробежал по коже. За редким исключением, Джейми не был склонен к романтическим поступкам, и, раз он дал мне нож, значит, считал, что я им воспользуюсь. И не для того, чтобы выкапывать корни или сдирать с деревьев кору. Вот уж точно, знать свое предназначение.

– Прямо по моей руке, – заметила я, глядя вниз и поглаживая маленькую выемку, которая идеально подходила для моего большого пальца. – Как тебе удалось сделать так точно?

Джейми рассмеялся.

– Твоя рука держалась за мой член достаточно часто, так что я прекрасно знаю твою хватку, саксоночка!

Я коротко фыркнула в ответ, но повернула клинок и ткнула острием в подушечку собственного большого пальца. Нож оказался необычайно острым: я почти не почувствовала укола, но из ранки сразу выступила капля темно-красной крови. Заткнув нож за пояс, я взяла руку Джейми и прижала к его пальцу свой.

– Кровь от крови моей, – произнесла я.

И это тоже не было романтическим поступком.

Глава 10 Брандер³⁰

Нью-Йорк Август, 1776 г.

На самом деле вести Уильяма о тайном бегстве американцев были приняты гораздо лучше, чем он ожидал. Войска Хау передвигались с необыкновенной скоростью, опьяненные чувством, что враг загнан в угол. Флотилия адмирала по-прежнему находилась в заливе Грейвсенд, и в течение суток тысячи солдат спешно отправили на берег, откуда на кораблях переправили на Манхэттен. К закату следующего дня войска в полной боевой готовности начали наступление на Нью-Йорк, но обнаружили только пустые окопы и брошенные фортификационные сооружения.

Уильям, который ждал, что ему представится возможность отомстить, испытал некоторое разочарование, но генерала Хау такой поворот событий только обрадовал. Он вместе с штабом занял большой особняк под названием Бикмэн-хаус и принялся укреплять свою власть в колонии. Среди старших офицеров были недовольные, которые считали, что нужно преследовать американцев, пока те не сдадутся – Уильям, конечно, поддерживал эту идею, – но генерал Хау считал, что поражение и серьезные боевые потери разобьют оставшиеся войска Вашингтона, а зима окончательно их добьет.

– Таким образом, мы с вами теперь оккупационная армия, – заметил лейтенант Энтони Фортнэм, окидывая взглядом душную мансарду, куда поселили трех самых младших офицеров штаба. – Следовательно, у нас есть право на все причитающиеся удовольствия, согласны?

– И что же это за удовольствия? – поинтересовался Уильям, который тщетно искал место для изрядно потрепанного саквояжа, где лежало почти все его имущество.

– Женщины? – предположил Фортнэм. – Ну да, конечно, женщины! В Нью-Йорке ведь есть бордели?

³⁰ Брандер – судно, нагруженное горючими и взрывчатыми веществами; во времена парусного флота эти суда применяли для поджога неприятельских кораблей.

– Ни одного не видел, пока сюда ехал, – с сомнением сказал Ральф Джослин. – А я смотрел!

– Значит, плохо смотрел! – твердо произнес Фортнэм. – Уверен, здесь должны быть бордели!

– Есть пиво, – предложил Уильям. – Весьма приличный паб сразу за Уотер-стрит, таверна Фронса. Я выпил там пинту отличного пива по дороге сюда.

– Наверняка есть что-нибудь поближе, – возразил Джослин. – Я не собираюсь тащиться пешком несколько миль по такой жаре!

Бикмэн-хаус располагался в прекрасном обширном парке с чистым воздухом, но довольно далеко от города.

– Ищите, и обрящете, братья мои! – Фортнэм подкрутил завиток на виске и накинул мундир на одно плечо. – Идешь, Элсмир?

– Чуть позже. Нужно написать парочку писем. Если найдете хоть какие-нибудь злачные места, представьте мне письменное донесение. И в трех экземплярах, не забудьте!

Оставшись наедине с собой, Уильям бросил на пол саквояж и вытащил небольшую пачку писем, которую ему передал капитан Грисуолд.

Пять писем. На трех письмах виднелась печать отчима – улыбающийся полумесяц. Лорд Джон писал Уильяму пятнадцатого числа каждого месяца, впрочем, в другие дни тоже. Одно послание было от дяди Хэла, и при виде этого письма Уильям невольно улыбнулся: порой дядя писал загадочно, но всегда увлекательно. Почерк на последнем письме с гладкой печатью Уильям не узнал, но, похоже, писала женщина.

Заинтригованный, Уильям сломал печать и обнаружил в конверте два плотно исписанных листка от кузины Дотти. Он удивленно поднял брови: Дотти никогда не писала ему раньше.

Брови не опускались все время, пока он читал послание.

– Будь я проклят! – произнес он вслух.

– Что-то случилось? – спросил Фортнэм, который вернулся за шляпой. – Плохие новости из дома?

– Что? О нет. Нет, – повторил Уильям, возвращаясь к первой странице письма. – Просто... занимательно.

Уильям сложил письмо, засунул во внутренний карман мундира – подальше от любопытного взгляда Фортнэма – и взял послание от дяди Хэла, скрепленное герцогской печатью, при виде которой Фортнэм вытаращил глаза, но промолчал.

Кашлянув, Уильям сломал печать. Как обычно, все письмо занимало меньше страницы, и в нем не было ни приветствия, ни прощания. Дядя Хэл считал, что раз на письме указан адрес, то предполагаемый получатель очевиден, а печать совершенно ясно дает понять, кто автор послания. Дядя Хэл не тратил время на переписку с идиотами.

«Адам получил назначение в Нью-Йорк, к сэру Генри Клинтону. Минни передала тебе с ним несколько возмутительно громоздких вещей. Дотти шлет свою любовь, что занимает гораздо меньше места.

Джон сказал, что ты делаешь кое-что для капитана Ричардсона. Я знаю Ричардсона и считаю, что ты не должен.

Передавай мое почтение полковнику Спенсеру и не играй с ним в карты».

Уильям подумал, что из всех его знакомых только дядя Хэл мог сообщить так много информации (как всегда, загадочной) в коротенькой записке из нескольких слов. Интересно, полковник Спенсер жульничает в карты или очень хорошо играет? А возможно, ему просто везет. Вне всяких сомнений, дядя Хэл специально не стал уточнять, поскольку, если бы дело было в мастерстве или удаче, Уильям обязательно захотел бы проверить собственные умения,

хотя и понимает, как опасно постоянно выигрывать у старшего по званию офицера. Впрочем, разок-другой... Нет, дядя Хэл сам прекрасно играет в карты, и если он счел необходимым предупредить Уильяма, то благоразумнее последовать его совету. Возможно, полковник не жульничает, да и игрок так себе, но зато обидчив и вполне может отомстить, если будет проигрывать слишком часто.

«Ну и хитер же старый дьявол!» – не без восхищения подумал Уильям о дяде.

Уильяма больше беспокоил второй абзац. «Я знаю Ричардсона...» В данном случае Уильям хорошо понимал, почему дядя Хэл опустил подробности: почту мог прочитать кто угодно, а уж послание с гербом герцога Пардлоу наверняка привлекло внимание. Хотя непохоже, что печать вскрывали, но Уильям не раз видел, как его собственный отец при помощи нагретого ножа ловко снимает печати, а потом возвращает на место, и не питал иллюзий по этому поводу.

Уильям озадачился вопросом: что именно дядя Хэл знает о капитане Ричардсоне и почему советует прекратить сбор информации? Судя по всему, отец рассказал дяде Хэлу, чем занимается Уильям.

А вот еще пища для размышлений: если бы папа сообщил брату о его, Уильяма, занятиях, то тогда дядя Хэл наверняка поведал бы отцу все компрометирующие факты о капитане Ричардсоне, коли таковые имеются. А если он это сделал...

Уильям отложил записку дяди Хэла и вскрыл первое письмо отца. Нет, ни слова о Ричардсоне... Во втором? Тоже ничего. И только в третьем нашлась завуалированная ссылка на разведку, да и то лишь просьба об осторожности и непонятный намек на его, Уильяма, рост.

«Высокий человек всегда заметен среди других людей, особенно если опрятно одет и смотрит прямо».

Уильям улыбнулся. Он ходил в школу в Вестминстере, где все уроки проходили в одной большой комнате, перегороженной занавеской, которая разделяла учеников на аристократов и простолюдинов. Однако мальчики разных возрастов учились все вместе, и Уильям быстро понял, когда и как стоит привлекать к себе внимание, а когда лучше оставаться в тени. Все зависит от окружения.

Ладно. Что бы там дядя Хэл ни разузнал о Ричардсоне, отца это нисколько не тревожило. Уильям напомнил себе, что информация не обязательно должна быть компрометирующей. За себя герцог Пардлоу не беспокоился, но был чрезвычайно осторожным в отношении своей семьи. Возможно, он всего лишь считал Ричардсона самонадеянным и безрассудным. Если дело только в этом, то отец, скорее, полагался на здравый смысл Уильяма, потому и не стал ничего писать.

В мансарде стояла духота, пот стекал по лицу Уильяма на рубашку. Фортнэм снова ушел. Из-под его койки торчал наполовину высунутый дорожный сундук, образуя с краем койки такой дурацкий угол, что на полу оставалось ровно столько свободного места, чтобы Уильям мог протиснуться к двери. С чувством облегчения Уильям вырвался на улицу. Воздух снаружи был жарким и влажным, но, по крайней мере, не спертым. Уильям надел шляпу и отправился искать, где встал на постой кузен Адам. *«Возмутительно громоздкие»* – звучало многообещающе.

Пробираясь сквозь толпу фермерш, которые направлялись на рыночную площадь, он почувствовал, как шуршит в кармане письмо, и вспомнил сестру Адама. *«Дотти илет свою любовь, что занимает гораздо меньше места».* Дядя Хэл, конечно, хитрый дьявол, подумал Уильям, но и на старуху бывает проруха.

* * *

«Возмутительно громоздкие» вещи оправдали ожидания: книга, бутылка превосходного испанского хереса и к нему кварта оливок, а еще три пары новых шелковых чулок.

– Я завален чулками, – заверил кузен Адам Уильяма, когда тот попытался поделиться своим подарком. – Думаю, матушка покупает их оптом, а потом отправляет при первой okazji. Еще повезло, что она не додумалась прислать тебе новые подштанники. Я получаю по паре с каждой дипломатической почтой, и, как ты понимаешь, это довольно щекотливая тема для объяснений с сэром Генри... Впрочем, я бы не отказался от стаканчика твоего хереса.

Уильям так и не понял, шутит ли Адам насчет подштанников или нет. Кузен всегда держался степенно и серьезно, благодаря чему был на хорошем счету у старших офицеров, но еще он владел семейным трюком Греев – умел говорить самые возмутительные вещи, сохраняя невозмутимый вид. Тем не менее Уильям рассмеялся и крикнул вниз, чтобы принесли два стакана.

Один из приятелей Адама принес три и любезно остался – помочь в уничтожении хереса. Откуда ни возьмись появился еще один друг – уж больно хорош был херес! – достал из своего сундука полбутылки портера и добавил к угощению. Бутылки и друзья множилось с присущей подобным сборищам неизбежностью, и вскоре все поверхности в маленькой, по общему признанию, комнате Адама были заняты либо одними, либо другими.

Уильям великодушно добавил к хересу оливки и, когда показалось доньшко бутылки, провозгласил тост за свою тетушку и ее щедрые дары, не забыв упомянуть шелковые чулки.

– Хотя, думаю, книгу твоя матушка не посылала, – сказал он Адаму, с шумным выдохом опуская стакан.

Адам захихикал, его обычная степенность явно растворилась в кварте ромового пунша.

– Конечно, нет! И папа тоже. Это был мой личный вклад в оклутуривание... Я имею в виду, в развитие клутуры в колониях.

– Пиршество для очей и чувственности культурного человека, – со всей серьезностью заверил его Уильям, демонстрируя собственную способность пить и разговаривать, не теряя четкости произношения, сколько бы сложных буквосочетаний ни попадалось в процессе.

Последовали возгласы: «Что за книга? Какая книга? Давай, покажи нам эту замечательную книгу!», и Уильяму пришлось достать жемчужину своей коллекции подарков – экземпляр знаменитого «Списка ковент-гарденских леди», составленного мистером Харрисом, который в своем творении подробно описал прелести, специализацию, цену и доступность лучших шлях во всем Лондоне.

Появление «Списка» было встречено восхищенными криками, затем последовала короткая борьба – каждый хотел первым заполучить томик. Уильям спас книгу, прежде чем ее успели разодрать на листочки, но позволил уговорить себя прочесть несколько пассажей вслух. Его артистичное исполнение вызвало восторженное улюлюканье и град оливковых косточек.

Чтение, несомненно, иссушает глотку, и потому было велено подать еще выпивки, которую тут же и употребили. Уильям не мог сказать, кто из участников попойки первым предложил учредить экспедиционный отряд с целью составить аналогичный список для Нью-Йорка. Впрочем, от кого бы ни прозвучало предложение, все радостно его подхватили и даже выпили по этому поводу ромового пунша: в бутылках к тому времени ничего не осталось.

Вот так и случилось, что Уильям обнаружил себя в труппах: он в пьяном дурмане блуждал по узким улочкам, темноту которых изредка разрывали освещенные свечами окна да случайные фонари, подвешенные на перекрестках. Похоже, никто точно не знал, куда нужно идти, но в то же время вся подвыпившая компания дружно двигалась в одном направлении, словно почуяв некие флюиды.

– Как кобели за течной сукой, – заметил он и удивился, получив тычок и одобрительный возглас от одного из приятелей Адама: Уильям даже не осознал, что говорит вслух.

И все-таки он оказался прав, ибо в конечном итоге они набрали на переулочек, в котором висели два или три фонаря, обтянутые красным муслином, их свет играл тусклыми кровавыми отблесками на приветливо приоткрытых дверях. От этого зрелища потенциальные исследователи радостно завопили и устремились вперед, на сей раз целенаправленно, лишь на минутку остановившись посреди улицы, дабы в кратком споре решить, с какого заведения начать инспекцию.

Сам Уильям в споре почти не участвовал: в спертом, удушливом воздухе витало зловоние сточных вод и коровьего навоза, к тому же он почувствовал, что одна из съеденных оливок, похоже, была испорченной. Тело покрылось противным вязким потом, влажное белье навязчиво липло к коже, и Уильям с ужасом думал, что, если внутреннее расстройство внезапно устремится вниз, он может просто не успеть вовремя снять бриджи.

Он выдавил улыбку и слабо махнул рукой, показывая Адаму, что тот волен поступать, как хочет, а сам он попытает счастья чуть дальше.

Так Уильям и сделал: оставив компашку разгулявшихся молодых офицеров, он, шатаясь, побрел дальше, мимо последнего из красных фонарей. Почти с отчаянием Уильям искал укромный уголок, чтобы там проблеветаться, но ничего подходящего не попадалось. В конце концов он споткнулся о какую-то ступеньку, и его тут же вырвало прямо на дверь. К ужасу Уильяма, она распахнулась, явив разъяренного хозяина дома, который не стал дожидаться объяснений, извинений или предложения компенсации, а выхватил из-за двери дубинку и погнался за Уильямом по переулочку, громко и непонятно ругаясь на языке, очень похожем на немецкий.

Все эти злоключения привели к тому, что Уильям некоторое время блуждал по загонам для свиней, брел мимо лачуг и зловонных причалов, пока наконец не попал в нужный район, где и обнаружил Адама, который метался по переулочку, стуча в двери и выкрикивая его, Уильяма, имя.

– Не стучи сюда! – встревоженно предупредил он, увидев, что кузен собирается штурмовать дверь вооруженного дубиной немца.

У Адама явно отлегло от сердца, когда он удивленно повернулся к Уильяму.

– Вот ты где? Все в порядке, старина?

– О да! Замечательно.

Уильям сильно побледнел и чувствовал, что весь покрыт липким холодным потом, несмотря на изнуряющую жару летней ночи, но острое недомогание прошло после того, как желудок очистился, а сам процесс возымел еще одно благотворное действие – Уильям протрезвел.

– Я думал, тебя убили или ограбили в подворотне. Я бы никогда не посмел взглянуть в глаза дяде Джону, если бы пришлось рассказать ему, что это я во всем виноват.

Они пошли по переулочку обратно, к красным фонарям. Все их приятели разбрелись кто куда, но доносящийся из борделей грохот и звуки кутежа свидетельствовали, что воодушевление никуда не исчезло, а просто сменило дислокацию.

– Тебя там достойно обслужили? – спросил Адам, мотнув подбородком в сторону, откуда пришел Уильям.

– О, прекрасно. А тебя?

– Ну, вряд ли бы она удостоилась хотя бы одного абзаца в списке Харриса, но для такой дыры, как Нью-Йорк, вполне сносно, – вынес приговор Адам. Небрежно завязанный платок болтался на его шее, и Уильям заметил, что одна серебряная пуговица на мундире кузена исчезла. Сам же Адам продолжил:

– Но могу поклясться, что видел парочку из этих шлюх в лагере.

– Неужели сэр Генри поручил тебе сделать перепись всех полковых девок? Или ты провел среди них так много времени, что знаешь всех их в...

Уильяма прервал необычный громкий шум из одного заведения дальше по улице. Вместо добродушных пьяных выкриков из борделя доносился взбешенный мужской рев вперемешку с пронзительным женским визгом.

Уильям с Адамом переглянулись и, не сговариваясь, пошли в ту сторону.

Чем ближе они подходили, тем сильнее становился шум, и когда кузены поравнялись с самым дальним домом, из него в переулок высыпало несколько полуодетых солдат, а вслед за ними – здоровяк лейтенант, который волок за руку полуголую шлюху. Он тоже участвовал в недавней попойке, но Уильям не запомнил его имени.

На лейтенанте не было ни мундира, ни парика; мощные плечи и темные, коротко стриженные волосы, которые низко росли надо лбом, придавали ему вид быка, готового броситься в атаку. Он и вправду бросился: развернувшись, он с силой толкнул шлюху плечом, впечатав ее в стену дома. Здоровяк был в стельку пьян и бессвязно чертыхался.

– Брандер.

Уильям не слышал, кто это сказал, но слово подхватили возбужденным шепотом, и словно что-то мерзкое пробежало среди людей в переулке.

– Брандер! Она – брандер!

В дверях дома столпились проститутки. Их лица были почти неразличимы в тусклом свете, но женщины испуганно жались друг к дружке. Одна из них протянула руку и что-то неуверенно выкрикнула, но остальные затащили ее обратно. Черноволосый лейтенант ничего не замечал: он избивал шлюху, нанося удар за ударом в грудь и живот.

– Эй, приятель!

Уильям рванулся было вперед, но сразу несколько рук удержали его, схватив за плечи.

– Брандер!

Мужчины начали скандировать это слово, повторяя с каждым ударом кулака.

Брандером называли шлюху, зараженную сифилисом, и когда лейтенант перестал избивать женщину и вытащил ее под свет красного фонаря, Уильям увидел, что так оно и было – на ее лице отчетливо виднелась сыпь.

– Родэм! Родэм!

Адам выкрикивал имя лейтенанта, пытаясь пробиться сквозь толпу мужчин, но они двигались вместе, оттесняя его назад и все громче скандируя: «Брандер!»

Проститутки в дверях пронзительно завопили и отпрянули, когда Родэм швырнул женщину на порог. Уильям вырвался, ему удалось пробиться сквозь толпу, но прежде чем он успел добраться до лейтенанта, тот схватил фонарь и швырнул в фасад дома, облив шлюху пылающим маслом.

Сам он отошел назад, тяжело дыша, и, словно в недоумении, вытаращился на то, как вспыхнули волосы и полупрозрачная сорочка женщины, и она вскочила на ноги, в панике беспорядочно размахивая руками. В считанные секунды пламя охватило ее полностью, и она закричала тонким истошным голосом, который прорезал суматошный гомон, проникая Уильяму прямо в мозг.

Мужчины отпрянули, когда несчастная побрела к ним, пошатываясь и простирая руки, то ли в тщетной мольбе, то ли желая забрать обидчиков с собой, Уильям так и не понял. На него нахлынуло ощущение непреодолимой катастрофы, он будто прирос к месту, чувствуя, как тело сводит от необходимости действовать и от невозможности что-либо сделать. От настойчивой боли в руке он невольно посмотрел в сторону и увидел рядом Адама, который вцепился в его предплечье и сжимал изо всех сил.

– Пошли, – прошептал Адам, его побледневшее лицо покрывал пот. – Ради бога, давай уйдем!

Дверь борделя захлопнулась. Горящая женщина упала на нее, прижала руки к дереву. Аппетитный запах жареного мяса наполнил тесный, душный переулок, и Уильяма снова затошнило.

– Будьте вы прокляты! Пусть ваши чертовы члены сгниют и отвалятся!

Кричали из верхнего окна. Уильям поднял голову и увидел женщину, она грозила кулаком стоящим внизу мужчинам. Те недовольно зашумели, один из них грязно выругался в ответ, другой поднял булыжник и швырнул в дом. Не долетев до окна, камень отскочил от стены ниже и попал в какого-то солдата. Тот чертыхнулся и толкнул парня, который бросил булыжник.

Пылающая женщина сползла вниз по двери, на которой осталось обугленное пятно. Она все еще поскуливала, но больше не двигалась.

Внезапно Уильяма охватило бешенство. Схватив за шиворот бросившего камень солдата, он с размаху ударил его головой о дверной косяк. Парень замер, обмяк и, застонав, тяжело осел на дорогу.

– Убирайтесь! – взревел Уильям. – Все вы! Пошли вон!

Сжав кулаки, Уильям повернулся к черноволосому лейтенанту, но тот уже не буйствовал в приступе ярости, а неподвижно стоял, не сводя глаз с женщины на ступенях. Ее юбки сгорели, почерневшие ноги слабо подергивались в тени.

Уильям шагнул к нему, схватил за грудки и рывком развернул к себе.

– Пошел отсюда! – грозно велел он лейтенанту. – Сейчас же уходи!

Он отпустил здоровяка, тот заморгал, тяжело сглотнул, развернулся и машинально побрел в темноту.

Тяжело дыша, Уильям повернулся к остальным, но жажда насилия в них угасла так же быстро, как и вспыхнула. Они топтались на месте, невнятно переговаривались, кое-кто бросал взгляды на женщину, которая уже не двигалась. Никто не смотрел друг другу в глаза.

Он смутно осознавал, что рядом с ним стоит Адам, дрожащий от потрясения, но, как всегда, надежный. Уильям положил руку на плечо кузена, который был ниже ростом, и не отпустил, пока остальные расходились. Его тоже била дрожь. Сидевший на дороге человек медленно встал на четвереньки, с трудом поднялся и пошел прочь за своими приятелями, шатаясь и натываясь на стены домов.

В переулке воцарилась тишина. Огонь потух. Кто-то погасил другие красные фонари по всей улице. Уильяму казалось, что он врос в землю и теперь навсегда останется в этом ненавистном месте, но Адам отодвинулся, рука упала с плеча кузена, и Уильям понял, что может идти.

Они молча пошли обратно по темным улицам. Миновали сторожевой пост, где караульные собрались вокруг костра, неся каждодневную службу. Они, караульные, должны были поддерживать порядок в оккупированном городе. Часовые мельком взглянули на них, но не остановили.

В отблесках пламени Уильям увидел влажные следы на лице брата и понял, что кузен плачет.

Сам он тоже плакал.

Глава 11

Поперечное предлежание

Фрэнсер Ридж. Март, 1777 г.

Мир капал. По склонам гор неслись потоки талой воды, трава и листья были мокрыми от росы, под лучами утреннего солнца над кровельной дранкой поднимался пар. Наши приготовления закончились, а с перевалов сошел снег. Оставалось только одно дело, которое требовалось завершить до того, как отправиться в путь.

– Думаешь, сегодня? – с надеждой спросил Джейми.

Он был не из тех, кто способен спокойно ждать. Ему не терпелось приступить к действию, раз уж мы определились с планом. К сожалению, младенцы не считаются с чьим-то удобством или нетерпением.

– Возможно, – ответила я, пытаясь сохранить спокойствие. – А может, и нет.

– Я видел ее на прошлой неделе, тетушка, и она выглядела так, будто вот-вот лопнет, – заметил Йен, скармливая Ролло последний кусок булочки. – Знаешь те грибы? Большие и круглые? Коснешься их и – пуфф!

Он щелкнул пальцами, разбрасывая крошки.

– Вот так!

– У нее же будет только один, да? – хмурясь, спросил Джейми.

– Я тебе уже раз шесть говорила, что так думаю. Вернее, чертовски на это надеюсь, – добавила я, подавив желание перекреститься. – Но иногда трудно сказать наверняка.

– От близнецов часто рождаются близнецы, – услужливо вставил Йен.

Джейми перекрестился.

– Я слышала биение только одного сердечка, – сказала я, стараясь держать себя в руках. – А слушаю я уже несколько месяцев.

– А разве нельзя сосчитать выпирающие части тела? – поинтересовался Йен. – Я имею в виду, если вдруг там окажется шесть ног...

– Легче сказать, чем сделать.

Конечно, я могла определить формы ребенка в общем: головка прощупывалась довольно легко, ягодички – тоже, а вот с руками и ногами все было не так просто. Собственно, именно это меня и тревожило.

Весь прошлый месяц я осматривала Лиззи раз в неделю, а с недавних пор ходила к ней каждый день, хотя путь до их хижины был неблизкий. Ребенок – а я и правда считала, что он там только один, – казался очень крупным, и дно матки находилось гораздо выше, чем следовало бы. И хотя в последние недели перед рождением младенцы частенько меняют свое положение, этот долго оставался в горизонтальном. Поперечное предлежание, и я сильно беспокоилась.

Дело в том, что вне больничных условий, без нормальной операционной или анестезии у меня практически не было шансов успешно справиться с поперечным предлежанием. Без хирургического вмешательства у акушерки есть всего четыре варианта: дать женщине умереть после нескольких дней мучительных схваток; позволить роженице умереть в результате кесарева сечения без обезболивания и обеззараживания, но, вероятно, спасти дитя; возможно, спасти мать, убив ребенка в матке и вытащив его по частям (в записках Дэниела Роулингса было несколько страниц – с иллюстрациями! – на которых подробно описывался весь процесс), или попытаться повернуть ребенка внутри матки в положение, из которого он сможет родиться без особых трудностей.

Последний вариант выглядел самым привлекательным, но он был не менее опасным и вполне мог закончиться смертью как матери, так и ребенка.

На прошлой неделе я попыталась провести наружный поворот плода, и мне с трудом удалось перевернуть его головкой вниз, но через пару дней малыш вернулся в прежнюю позицию – видимо, ему нравилось лежать на спине. Я надеялась, что перед родами он перевернется сам, но, кто знает, возможно, и нет.

Моего опыта хватало, чтобы не путать разумную готовность ко всяческим неожиданностям и бесполезные переживания из-за того, что, возможно, и не случится, и потому я обычно могла спать по ночам, но всю последнюю неделю почти до рассвета лежала без сна, представляя, что ребенок не перевернулся в правильное положение, и мысленно пробегаясь по списку возможных вариантов в тщетном поиске какого-нибудь еще, менее мрачного.

Вот если бы у меня был эфир... Но все мои запасы сгорели вместе с домом.

Убить Лиззи, чтобы спасти новорожденного? Нет. Если дойдет до этого, то лучше убить плод в утробе и спасти Родни мать, а Джо и Кеззи – жену. Но сама мысль о том, чтобы раздробить череп здоровому, доношенному ребенку или обезглавить его петлей из тонкой проволоки...

– У тебя с утра нет аппетита, тетушка?

– Э-э... я не голодна. Спасибо, Йен.

– Что-то ты бледная, саксоночка. Ты не заболела?

– Нет!

Прежде чем они продолжили расспросы, я торопливо встала и, взяв ведро, пошла за водой к колодцу. Вовсе необязательно, чтобы кто-нибудь еще мучился из-за моих переживаний.

Возле хижины Эми развела костер под большим котлом для стирки и теперь подгоняла Эйдана и Орри, которые собирали хворост неподалеку, время от времени останавливаясь, чтобы запустить друг в друга комком грязи.

– Вам нужна вода, *a bhana-mhaighstir*?³¹ – спросила она, увидев в моей руке ведро. – Эйдан принесет.

– Нет, все в порядке, – заверила я. – Просто хочу подышать свежим воздухом. Утром сейчас так хорошо!

Так оно и было: немного зябко, потому что солнце висело еще довольно низко, но зато свежий воздух пьянил запахами травы, набухших смолистых почек и первых сережек на деревьях.

Я поднялась к колодцу, наполнила ведро и медленно пошла вниз по тропе, внимательно оглядываясь по сторонам, всматриваясь в окружающий меня мир. Так обычно делаешь, когда знаешь, что, возможно, очень долго не увидишь всего этого снова. Или вообще никогда не увидишь.

В Ридже все сильно поменялось с тех пор, как сюда пришло насилие вместе с разрухой войны и сгорел Большой дом. И изменится еще больше, когда мы с Джейми уедем.

Кто станет настоящим вожаком? Общину рыбаков-пресвитерианцев, которые перебрались в Америку из Терсо, фактически возглавляет Хирам Кромби, но он – суровый, лишенный чувства юмора человек, и скорее спровоцирует стычки с остальными обитателями Риджа, нежели поддержит порядок и укрепит сотрудничество.

Бобби? После основательных раздумий Джейми назначил его управляющим, поручив следить за нашей собственностью, вернее, за тем, что от нее осталось. Но, если не принимать в расчет его способности или отсутствие оных, Бобби был молод. Его, как и многих других мужчин Риджа, могло смести надвигающейся бурей. В любой день Бобби могли забрать в ополчение, правда, ему не грозило стать солдатом короля, хотя когда-то он и служил в британской армии. Семь лет назад он служил в Бостоне, где на него и его товарищей напала толпа из нескольких сотен разъяренных горожан. Спасая свою жизнь, солдаты зарядили ружья и направили их на толпу. Полетели камни, в ход пошли дубинки, в ответ раздались выстрелы – кто именно стрелял, так и не установили, а я никогда не спрашивала Бобби, – и погибли люди.

Последовал суд, Бобби помиловали, но выжгли на его щеке клеймо – букву «У», что означало «убийство». Я понятия не имела о его политических взглядах – Бобби никогда о них не говорил, но точно знала, что в британскую армию он никогда не вернется.

Я распахнула дверь в хижину, чувствуя, что немного успокоилась.

Джейми и Йен теперь спорили о том, кем будет приходиться Родни новорожденный – родным братом или сестрой, или только единоутробным.

³¹ Хозяйка, госпожа (*гэльск.*).

– А как ты определишь? – сказал Йен. – Никому не известно, кто отец малыша Родни, Джо или Кеззи. То же самое и с этим ребенком. Если отец Родни Джо, а этот ребенок от Кеззи...

– Это не имеет никакого значения, – вмешалась я, переливая воду из ведра в котел. – Джо и Кеззи – идентичные близнецы, а это значит, что их... э-э... сперма тоже идентична. – Я несколько упростила, но утро было слишком раннее, чтобы вдаваться в подробности репродуктивного деления клеток или объединения фрагментов ДНК. – Если мать одна и та же – а так оно и есть – и отцы генетически одинаковые – и это тоже так, – то все рожденные дети будут родными братьями и сестрами.

– Их семья тоже одинаковое? – недоверчиво переспросил Йен. – А ты откуда знаешь? Ты что, смотрела?

Он уставился на меня с ужасом и любопытством.

– Нет, – строго ответила я. – Да мне и не нужно, я и так знаю.

– Ах да, конечно, – уважительно кивнул Йен. – Иногда я забываю, кто ты, тетушка Клэр.

Я не знала, что именно он имел в виду, но, по крайней мере, не пришлось ни уточнять, ни объяснять, что мое знание некоторых интимных деталей из жизни братьев Бердсли было академическим, а не сверхъестественным.

– Отец этого конкретного ребенка Кеззи, так ведь? – вставил Джейми, хмурясь. – Я отослал Джо прочь, и весь прошлый год Лиззи жила с Кеззи.

Йен бросил на него сочувственный взгляд.

– И ты думаешь, он ушел? Джо?

– Я его не видел, – сказал Джейми, но густые рыжие брови сошлись на переносице.

– Само собой, – согласился Йен. – Они весьма осторожны на этот счет, не хотят тебя злить. Ты никогда не увидишь больше чем одного из них... зараз, – небрежно добавил он.

Мы с Джейми уставились на него. Йен оторвал взгляд от куска бекона, который держал в руке, и поднял брови.

– Я знаю, о чем говорю, – мягко сказал он.

* * *

После ужина домочадцы засуетились и принялись готовиться ко сну. Все Хиггинсы удалились в спальню, где все они спали на одной кровати.

Я как одержимая развернула свой акушерский сверток и разложила аптечку, чтобы в очередной раз проверить ее содержимое. Ножницы, белая нить для пуповины, чистые тряпицы, многократно выполосканные, чтобы удалить все следы щелочи, ошпаренные кипятком и высушенные. Большой квадратный кусок вошеного холста, чтобы защитить матрас от протекания. Бутылочка спирта, наполовину разбавленного кипяченой водой. Маленький мешочек с рулончиками хорошо промытой, но не вываренной шерсти. Скатанный в трубку пергамент вместо сгоревшего в пожаре стетоскопа. Нож. И кусок тонкой проволоки с заостренным концом, свернувшийся, словно змея.

Я почти не ела за обедом, да и в течение дня тоже, но постоянно чувствовала, что к горлу поднимается желчь. Сглотнув, я вновь завернула аптечку и туго обвязала бечевкой.

Почувствовав на себе взгляд Джейми, я посмотрела на него. Он ничего не сказал, лишь слегка улыбнулся, тепло глядя на меня, и я сразу успокоилась. А потом сердце снова сжалось при мысли о том, что он подумает, если произойдет самое худшее и мне придется... Джейми заметил, как мое лицо исказилось от страха. По-прежнему глядя мне в глаза, он достал из споррана четки и начал беззвучно молиться, потертые деревянные бусины медленно скользили под его пальцами.

* * *

Через две ночи я внезапно проснулась от звука шагов на тропинке и вскочила на ноги, натягивая одежду, еще до того, как Джо постучал в дверь. Джейми впустил его, и я слышала их приглушенные голоса, когда доставала из-под скамьи свою аптечку. Джо явно волновался и немного тревожился, но не паниковал. Добрый знак, ибо, если Лиззи сильно испугалась или ей что-то угрожало, он бы сразу понял: близнецы ощущали ее настроение и состояние почти так же хорошо, как чувствовали друг друга.

– Мне тоже пойти? – прошептал Джейми, возникнув за моей спиной.

– Не нужно, – шепнула я в ответ, касаясь его для моральной поддержки. – Ложись спать. Я пришлю за тобой, если ты понадобишься.

От мерцающих в очаге угольков на взлохмаченных после сна волосах Джейми играли тени, но глядел он бодро. Кивнув и поцеловав меня в лоб, Джейми не отошел, а положил руку мне на голову и прошептал по-гэльски: «О, блаженный Михаил, предводитель алого воинства...», затем нежно коснулся моей щеки, прощаясь.

– Утром увидимся, саксоночка, – сказал он, ласково подталкивая меня к двери.

К моему удивлению, шел густой снег. Серое небо светилось и, казалось, ожило от сонма огромных, кружащихся в воздухе хлопьев, которые таяли, едва коснувшись моего лица. Мела весенняя выюга, я видела, как снежинки ненадолго ложились на стебли травы, а потом исчезали. Наверняка к утру снег растает, но сейчас ночь наполнилась его таинством. Я оглянулась, но хижины не увидела, только наполовину укрытые пеленой силуэты деревьев, расплывчатые в жемчужно-сером свете. Тропа перед нами тоже выглядела нереальной: путь, исчезающий в переплетении фантастических деревьев и таинственных теней.

Я ощущала себя странно бесплотной, как будто зависшей между прошлым и будущим, и ничего не видела, кроме вихря белого безмолвия, которое меня окружало. Меня вдруг охватило спокойствие, какого я давно не испытывала. Я чувствовала на голове тяжесть руки Джейми и шепот благословения: «О, блаженный Михаил, предводитель алого воинства...»

Этими словами благословляли воинов, которые шли на битву. Я сама не раз говорила их Джейми, но он никогда не благословлял так меня, и я понятия не имела, что побудило его сделать это теперь. И все же слова сияли в моем сердце, словно маленький щит против всех грядущих опасностей.

Снег укутал землю тонким одеялом, которое спрятало темную почву и пробивающуюся поросль. Джо оставлял четкие темные следы, по которым я шла за ним вверх по склону. Холодные пахучие иголки пихт и елей касались моей юбки, и я прислушивалась к звенящей, словно колокол, тишине.

Я подумала, что если случаются ночи, когда ангелы сходят на землю, то пусть сегодня будет одна из них.

* * *

При свете дня и в хорошую погоду до хижины Бердсли было около часа ходу, но страх ускорил мой шаг, и Джо – по голосу я решила, что это именно он, – с трудом поспевал за мной.

– Когда у нее начались схватки? – спросила я.

Трудно представить, но первые роды Лиззи оказались стремительными: она родила малыша Родни совершенно одна и очень легко. Я не думала, что сегодня ночью нам так же повезет, но невольно представляла, как мы приходим в хижину, а Лиззи уже качает младенца, который без всяких затруднений выскочил наружу.

– Недавно, – задыхаясь, выдавил Джо. – У нее внезапно отошли воды, когда мы все были в постели, и Лиззи велела, чтобы я срочно привел вас.

Я постаралась не заметить этого «все в кровати», в конце концов, он и/или Кеззи вполне могли спать на полу, но семейные отношения Бердсли были буквальным воплощением двусмысленности; и все, кто знал правду, не мог думать о них, не представляя...

Я даже не стала спрашивать, с каких пор они с Кеззи оба живут в хижине. Судя по тому, что сказал Йен, близнецы жили там все это время. Учитывая обычные условия жизни в глуши, никто бы и глазом не повел, узнав, что супруги живут в одном доме с братом мужа. Население Фрэзер-Ридж считало мужем Лиззи Кеззи, и, собственно, так оно и было. Но после ряда хитроумных махинаций, которые до сих пор меня изумляют, Лиззи вышла замуж и за Джо, однако по приказу Джейми все семейство Бердсли держало это в секрете.

– Ее папаша тоже придет, – сообщил Джо, выдыхая белое облачко. Тропинка стала шире, и он поравнялся со мной. – И тетушка Моника. Кеззи пошел за ними.

– Вы оставили Лиззи одну?

Словно защищаясь, Джо неловко втянул голову в плечи.

– Она сама так велела, – просто сказал он.

Я ничего не ответила, но ускорила шаг и, только почувствовав острую боль в боку, пошла медленнее. Если Лиззи не истекла кровью после родов и с ней не случилось какого другого несчастья, пока она была одна, то помощь «тетушки Моника» – второй жены мистера Уэмисса – будет весьма кстати. Моника Берриш Уэмисс, немка по происхождению, плохо и весьма оригинально говорила по-английски, но обладала безграничной храбростью и здравым смыслом.

У мистера Уэмисса тоже имелось мужество, хотя и неприметное. Он вместе с Кеззи ждал нас на крыльце, и сразу стало ясно, что именно тесть поддерживает зятя, а не наоборот. Кеззи заламывал руки, переминался с ноги на ногу, а худенький мистер Уэмисс, положив ладонь на плечо молодого человека, наклонился к нему и тихо бормотал что-то утешительное. Увидев нас, они обернулись и с надеждой расправили плечи.

Из хижины донесся долгий низкий вой, и мужчины застыли, словно на них из темноты внезапно выскочил волк.

– Судя по звуку, все идет как надо, – мягко сказала я, и мужчины разом выдохнули.

Мне хотелось рассмеяться, но я сдержалась и распахнула дверь.

– О-ох, – простонала Лиззи, выглянув из кровати. – О, это вы, мэ-эм! Слава богу!

– Бог благодарить, да, – невозмутимо согласилась тетушка Моника, которая стояла на четвереньках и протирала пол тряпкой. – Надеюсь, теперь недолго.

– Я тоже надеюсь, – морщась, выдавила Лиззи. – А-А-А-Р-Г-Х!

Ее лицо покраснело и перекошилось от боли, раздавленное тело выгнулось дугой. Кажется, Лиззи не готовится стать матерью, а страдает от острого приступа столбнячных судорог, но, к счастью, схватка оказалась недолгой, и женщина, тяжело дыша, мешком повалилась на постель.

– В прошлый раз было не так, – пожаловалась она, приоткрыв один глаз, пока я прощупывала ее живот.

– Каждый раз бывает по-разному, – рассеянно ответила я.

Один быстрый взгляд, и мое сердце подскочило: ребенок больше не лежал боком. Хотя... в головное предлежание он так и не повернулся. Он не шевелился – обычно во время родов дети не двигаются. Мне показалось, что я нащупала его головку вверх, под ребрами Лиззи, но вот как расположено все остальное?

– Дай-ка посмотрю вот здесь...

Под одеялом Лиззи была голая. Ее влажная сорочка висела на стуле перед огнем, от нее исходил пар. Кровать не промокла, и я догадалась, что Лиззи, почувствовав, как разрывается плодная оболочка, успела встать, пока не отошли воды.

Поначалу я боялась смотреть, но, взглянув, облегченно выдохнула. Самое страшное с ягодичным предлежанием плода то, что, когда оболочка разрывается, часть пуповины может выпасть, и петля оказывается зажатой между тазовой костью роженицы и предлежащей частью плода. Но у Лиззи все было чисто, и быстрый осмотр показал, что шейка матки почти открылась.

Оставалось только сидеть и ждать, что покажется вначале. Я развязала свой сверток, поспешно затолкав моток проволоки с заостренным концом под грудь тряпок, расправила навощенный холст и вместе с тетушкой Моникой перетащила на него Лиззи.

Когда та в очередной раз истошно завопила, Моника моргнула и посмотрела на низенькую кроватку, где посапывал малыш Родни. Моника взглянула на меня, словно показывая, что все в порядке, затем взяла Лиззи за руки и тихонько зашептала что-то по-немецки, пока та кряхтела и тяжело дышала.

Дверь тихонько скрипнула, я обернулась и увидела одного из братьев Бердсли: он заглядывал в хижину, и его лицо выражало страх вперемешку с надеждой.

– Уже родился? – хрипло прошептал он.

– НЕТ! – взревела Лиззи, резко сев на постели. – Убери свою физиономию с глаз моих долой, иначе я откручу вам яйца! Все четыре!

Дверь тут же закрылась, и Лиззи, пыхтя, обмякла.

– Ненавижу их! – выдавила она сквозь сжатые зубы. – Чтоб они сдохли!

Я сочувственно хмыкнула.

– Ну, я уверена, что они, по крайней мере, страдают.

– Вот и хорошо. – В считанные секунды ярость Лиззи сменилась сентиментальностью, глаза наполнились слезами. – Я умру?

– Конечно, нет! – сказала я, стараясь придать голосу уверенность.

Лиззи вновь издала пронзительный вопль.

– *Gruss Gott!* – воскликнула тетушка Моника и перекрестилась. – *Ist gut?*³²

Я заверила ее, что все в порядке, и спросила, есть ли в хижине какие-нибудь ножницы.

– *O, ja!* – ответила она и достала из своей сумки пару крошечных, очень потертых, но когда-то позолоченных ножниц. – Фы это хотеть?

– *Danke.*

– Ч-Е-О-О-О-О-Р-Р-Р-Р-Т-Т!

Мы с Моникой вместе посмотрели на Лиззи.

– Не перестарайся, – сказала я. – Они, конечно, напуганы, но далеко не идиоты. А еще ты пугаешь своего отца. И Родни, – добавила я, бросив взгляд на маленький холмик постельного белья на кроватке.

Лиззи затихла, тяжело дыша, но сумела кивнуть и даже чуть-чуть улыбнуться.

Затем дела пошли быстрее: Лиззи и вправду была быстрой. Я проверила ее пульс, затем шейку, и мое сердце забилось в два раза быстрее, когда я нащупала то, что явно было крошечной ножкой на пути наружу. Может, я смогу достать вторую?

Я бросила взгляд на Моника, оценивая ее размер и силу. Жилистая, словно плеть, но совсем не крупная. А вот Лиззи сейчас размером с... ладно, возможно, Йен и не преувеличивал, когда решил, что у нее будет двойня.

От ужасающей мысли, что детей там действительно двое, у меня волосы стали дыбом, несмотря на влажную духоту хижины.

³² Великий Боже! Все хорошо? (нем.)

«Нет, – твердо сказала я сама себе. – Никаких близнецов, ты прекрасно это знаешь. И с одним придется нелегко».

– Похоже, нам понадобится кто-нибудь из мужчин, чтобы придержать ее за плечи, – сказала я Монике. – Приведите, пожалуйста, одного из близнецов.

– Обоих, – выдохнула Лиззи, когда Моника повернулась к двери.

– Одного вполне...

– Обоих! А-А-А-А-А-Х!

– Обоих, – велела я Монике, которая деловито кивнула.

Близнецы ворвались в хижину с порывом холодного воздуха, на их лицах застыли одинаковые маски тревоги и волнения. Я не успела ничего сказать, как они тут же бросились к Лиззи, словно пара железных стружек к магниту. Лиззи с трудом села, один из близнецов встал позади нее на колени и принялся ласково разминать ее плечи, когда прошла последняя схватка. Его брат сел рядом с Лиззи, заботливо обняв то, что когда-то было ее талией, а другой рукой убирая назад со лба взмокшие от пота волосы жены.

Я попыталась накрыть ее торчащий живот одеялом, но разгоряченная Лиззи сердито его оттолкнула. В хижине было влажно и жарко от кипящего котла, пота и наших усилий. Я подумала, что близнецы гораздо лучше меня знакомы с анатомией Лиззи, и отдала скомканное одеяло тетушке Монике. При родах нет места скромности.

Взяв ножнички, я опустила на колени перед Лиззи и быстро надрезала промежность, почувствовав на руке крохотную струйку теплой крови. Довольно редкая процедура при обычных родах, но сейчас мне требовалось место для манипуляций. Я прижала к разрезу чистую тряпицу, но кровотечение почти прекратилось, а внутренняя поверхность бедер Лиззи уже и так была вся в крови.

Это и правда была ножка. Увидев длинные, как у лягушонка, пальчики, я машинально взглянула на босые ноги Лиззи, крепко упертые в пол по обе стороны от меня. Нет, у нее пальцы короткие и пухленькие, значит, это вклад близнецов.

Сырой, болотный запах околоплодных вод, пота и крови поднимался от тела Лиззи, словно туман, и по моим бокам тоже струился пот. Я просунула палец под крохотную пяточку, захватила ее и вытащила наружу ножку, чувствуя, как в плоти ребенка пульсирует жизнь, хотя сам он не шевелился, беспомощный, скованный процессом рождения.

Другая... мне нужна другая ножка. Наскоро прощупывая между схватками брюшную стенку, я просунула внутрь другую руку вдоль появившейся ножки и нашла крохотные выпуклости ягодиц. Торопливо поменяв руки и закрыв глаза, нащупала изгиб согнутого бедра. Черт, похоже, колено ребенка подтянуто к подбородку... Среди хлюпающей жидкости я нашла податливую жесткость похожих на хрящи косточек, эластичную плоть мышцы... нащупала один пальчик, второй, обхватила другую лодыжку и, прорывав: «Держите ее! Крепче!», вытащила вторую ножку, когда Лиззи выгнулась, а ее нижняя часть оказалась прямо передо мной.

Я отодвинулась и открыла глаза, тяжело дыша, хотя и не от физических усилий. Маленькие лягушачьи пяточки разок дернулись и повисли, когда со следующей схваткой обе ножки полностью вылезли наружу.

– Еще разок, милая, – прошептала я, положив руку на напрягшееся бедро Лиззи. – Давай еще так же.

Лиззи утробно зарычала, достигнув той точки, когда женщине уже все равно, выживет ли она, умрет или разорвется на части, и нижняя часть ребенка медленно выскользнула наружу. Петля пуповины вокруг животика пульсировала, словно жирный пурпурный червь. Я не могла отвести взгляд от этого зрелища и только мысленно благодарила Бога, когда поняла, что тетушка Моника пристально смотрит из-за моего плеча.

– *Ist das* яички? – озадаченно спросила она, показывая на гениталии младенца.

Меня больше беспокоила пуповина, и я не успела посмотреть, но теперь взглянула вниз и улыбнулась.

– Нет. *Ist eine Madchen*³³, – сказала я.

Половые органы малышки отекли и походили на снаряжение маленького мальчика, потому что клитор выступал из опухших половых губ, но все же это был не пенис.

– Что такое? Что там? – спросил один из Бердсли и наклонился посмотреть.

– У фас есть маленький дефочка, – улыбаясь, сказала тетушка Моника.

– Девочка? – ахнул другой Бердсли. – Лиззи, у нас дочка!

– Да заткнись ты на хрен! – рявкнула Лиззи. – А-Р-Р-Р!

Проснулся маленький Родни и сел, открыв рот и вытаращив глазки. Тетушка Моника тут же вскочила и выхватила его из кровати, прежде чем он успел заплакать.

Сестренка Родни неохотно, дюйм за дюймом, выходила в этот мир с каждым толчком схватки. Я считала про себя: «Один гиппопотам, два гиппопотама...» После выхода пуповины до появления рта и первого вдоха должно пройти не больше четырех минут, иначе недостаток кислорода вызовет необратимое повреждение мозга. Но я не могла просто выдернуть малышку, боялась повредить шею и голову.

– Тужься, милая, – попросила я спокойным голосом, положив обе руки на колени Лиззи. – Давай, изо всех сил!

«Тридцать четыре гиппопотама, тридцать пять...»

Все, что нам было нужно, – это чтобы из-под тазовой кости показался подбородок. Когда схватка закончилась, я торопливо сунула пальцы внутрь, нащупала личико ребенка и нашла верхнюю челюсть. Началась новая схватка, и я стиснула зубы от боли, когда мою ладонь зажало между тазовой костью и черепом малышки, но не убрала руку, боясь выпустить с таким трудом нащупанную головку девочки.

«Шестьдесят два гиппопотама...»

Схватка ослабла, и я медленно потянула головку вниз, осторожно вытащила подбородок за кромку таза...

«Восемьдесят девять гиппопотамов, девяносто гиппопотамов...»

Синюшный, покрытый кровью младенец свисал из тела Лиззи, поблескивая в свете пламени. Он раскачивался меж ее бедер, словно язык колокола, или как висельник на... я сразу же отбросила эту мысль.

– Может, надо взять... – прошептала мне тетушка Моника, прижимая к груди маленького Родни.

«Сто гиппопотамов».

– Нет, не трогайте его... ее, – сказала я. – Пока не нужно.

Сила тяжести медленно помогала родам. Если потянуть, то можно повредить шею, а если головка застрянет...

«Сто десять гиппопотамов... много их было, этих гиппопотамов», – подумала я, рассеянно представляя, как все стадо строем марширует в лошину, где они будут барахтаться в грязи, восхитительно-и-ительно...

– Давай! – велела я, готовясь очистить ротик и носик, как только они появятся.

Но Лиззи не стала дожидаться понукания, она глубоко вдохнула, вся головка выскочила из нее с отчетливым хлопком, и ребенок упал в мои руки, словно спелый плод.

³³ Это девочка (нем.).

* * *

Я зачерпнула еще немного кипятка из дымящегося котелка и добавила холодной воды из ведра. От теплой жидкости руки защипало: кожа между пальцами потрескалась от долгой зимы и постоянной дезинфекции разбавленным спиртом. Я только что закончила зашивать и мыть Лиззи, и сейчас кровь с моих рук повисала в воде темными облачками.

Позади меня в кровати лежала Лиззи, бережно укрытая одеялом и одетая в рубашку одного из близнецов, потому что ее собственная сорочка еще не высохла. Лиззи смеялась в послеродовой эйфории и от радости, что выжила. Близнецы суетились по обе стороны от нее, что-то шептали с восхищением и облегчением. Один из них поправлял распущенные светлые волосы Лиззи, мокрые от пота, другой нежно целовал ее в шею.

– Тебя не лихорадит, любимая? – с ноткой беспокойства в голосе спросил кто-то из близнецов.

Я встревоженно оглянулась и посмотрела на Лиззи: она страдала от малярии, и, хотя приступов не было довольно давно, возможно, стресс при родах...

– Нет, – ответила Лиззи и поцеловала Джо или Кеззи в лоб. – Я просто раскраснелась от того, что счастлива.

Кеззи или Джо с обожанием улыбнулся ей, в то время как его брат с другой стороны в свою очередь принялся целовать Лиззи в шею.

Тетушка Моника кашлянула. Она обтерла новорожденную влажной тряпицей и мягкими, пропитанными ланолином клочками шерсти, которые я принесла с собой, а потом завернула малышку в одеяло. Родни уже давно наскучило происходящее, и он заснул на полу возле корзины с дровами, посасывая большой палец.

– Тфой отец, Лиззи, – с легкой ноткой неодобрения в голосе сказала тетушка Моника. – Он там софсем самерзнет. *Und die Mädels* он хотеть фидеть, с тобой, но не столько много с эти...

Она умудрилась кивнуть на кровать и в то же время скромно отвести взгляд от игривого трио. Мистер Уэмисс и его зятя потихоньку восстанавливали отношения после рождения Родни, но лучше было не торопить события.

От ее слов близнецы засуетились, вскочили на ноги. Один подхватил с пола Родни, обращаясь с ним с ласковой непринужденностью, другой поспешил к двери, чтобы привести мистера Уэмисса, которого в суматохе забыли на крыльце.

Он слегка посинел от холода и волнения, но его худое лицо просияло от радости, словно осветилось изнутри. Он весело и сердечно улыбнулся Монике, коротко взглянул на маленький сверток и нежно его погладил, но все внимание было отдано Лиззи, а она смотрела только на отца.

– Па, у тебя руки заледенели, – сказала она, хихикая, но сжала отцовские ладони еще крепче, когда он попытался отодвинуться. – Нет, останься, мне тепло. Давай, присядь рядом и поздоровайся со своей маленькой внучкой.

Голос Лиззи звенел от застенчивой гордости, когда она протянула руку к тетушке Монике. Моника осторожно положила малышку на руки Лиззи и встала, положив ладонь на плечо мистера Уэмисса. Ее немолодое суровое лицо смягчилось, и на нем читалась нежность и еще что-то, более глубокое, чем просто привязанность. Уже не в первый раз я удивилась тому, как сильно Моника любит этого скромного, худенького мужчину, и в очередной раз слегка смутилась – почему я должна удивляться?

– Ох, – тихо вздохнул мистер Уэмисс и погладил пальцем щечку малышки. Та еле слышно причмокивала. Пройдя через травму рождения, она сперва не заинтересовалась маминой грудью, но, похоже, теперь передумала.

– Она проголодалась.

С кровати донесся шорох одеял, когда Лиззи привычной рукой подносила малышку к груди.

– Как ты назовешь ее, *a leannan*?³⁴ – спросил мистер Уэмисс.

– Я как-то не думала об имени для девочки, – ответила Лиззи. – Она была такой огромной, что я не сомневалась... Ой!

Лиззи рассмеялась гортанным, ласковым смехом.

– А я и забыла, какими голодными бывают новорожденные. Ох! Вот так, *a chuisle*, да, теперь лучше...

Я потянулась к мешочку за мягким клочком шерсти, чтобы смазать маслом собственные истерзанные руки, и случайно наткнулась взглядом на близнецов, которые бок о бок стояли в сторонке, не сводя глаз с Лиззи и своей маленькой дочери, и на лицах обоих братьев было точно такое же выражение, как у тетушки Моника. Тот Бердсли, который держал маленького Родни, наклонил голову и, все еще глядя на Лиззи с малышкой, ласково поцеловал макушку сына.

Столько любви в таком маленьком месте! Мои глаза затуманились, и я отвернулась. Действительно, какая разница, традиционный или нетрадиционный брак лег в основу этой странной семьи? Для Хирама Кромби это очень важно, подумала я. Глава общины непоколебимых пресвитерианцев-иммигрантов из Терсо как минимум пожелал бы забросать Лиззи, Джо и Кеззи камнями, причем вместе с рожденными в грехе плодами их чресел.

Этого не произойдет, пока Джейми в Ридже, но что будет, когда мы уедем? Я медленно вычищала кровь из-под ногтей, надеясь, что Йен был прав и братьям Бердсли хватит хитрости и сообразительности.

Отвлечшись на свои размышления, я не заметила, как ко мне тихонько подошла тетушка Моника.

– *Danke*, – негромко произнесла она, положив узловатую руку на мою.

– *Gern geschehen*³⁵, – я накрыла ладонью ее ладонь и слегка сжала. – Вы мне очень помогли. Спасибо!

Она все еще улыбалась, но ее лоб прорезала морщина тревоги.

– Не так уж и сильно. Но я бояться, *ja*? – Она взглянула через плечо на кровать, затем снова на меня. – Что будет в следующий раз, а фы нет здесь? Фы же знать, они не остановятся.

Незаметно для остальных Моника сомкнула большой и указательный пальцы и несколько раз вставила в импровизированный круг средний палец другой руки, весьма нескромно иллюстрируя, что именно она имеет в виду.

Прыснув, я торопливо сделала вид, что закашлялась. К счастью, никто не обратил на нас внимания, только мистер Уэмисс озабоченно оглянулся через плечо.

– Вы будете здесь, – сказала я, приходя в себя.

Моника пришла в ужас.

– Я? *Nein*, – возразила она, качая головой. – *Das reicht nicht*. Я...

Видя, что я не понимаю, она ткнула себя в тощую грудь.

– Я... Меня недостаточно.

Я глубоко вздохнула, зная, что Моника права. И все же...

– Вам придется, – очень тихо произнесла я.

Она моргнула, пристально посмотрела на меня мудрыми карими глазами, а затем кивнула, соглашаясь.

– *Mein Gott, hilf mir*³⁶, – сказала она.

³⁴ Дорогая (*гэльск.*).

³⁵ Спасибо. – Не за что (*нем.*).

³⁶ Боже, помоги мне (*нем.*).

* * *

Джейми никак не мог вновь заснуть. Впрочем, в последние дни это стало привычным, он часто допоздна лежал без сна, наблюдая за угасающим мерцанием тлеющих в очаге углей, или искал ответы на вопросы в тенях стропил над головой. Даже если ему удавалось быстро заснуть, то спал он совсем недолго и неожиданно просыпался, весь мокрый от пота. Джейми понимал, почему так происходит, и знал, как с этим справиться.

Почти все способы провалиться в благословенное забытие включали в себя Клэр: поговорить с ней, заняться любовью. Или просто смотреть, как она спит, находить умиротворение в крепком длинном изгибе ее ключицы, в трогательно закрытых веках, при виде которых у Джейми сжималось сердце, наслаждаться ее мирным теплом, позволяя сну постепенно овладевать сознанием.

Но сейчас, конечно, Клэр не было рядом.

Джейми полчаса читал молитвы по четкам, пока не решил, что этого достаточно для блага Лиззи и ее будущего ребенка. Читать розарий в качестве наказания – да, в этом есть смысл, особенно если произносить молитвы, стоя на коленях. Чтобы успокоить разум, укрепить душу, найти вдохновение или постигнуть суть священных материй – да, тоже понятно. Но только не когда чего-нибудь просишь. На месте Бога или даже Пресвятой Девы, которая славится своим терпением, он, Джейми, подумал бы, что весьма утомительно выслушивать чью-либо просьбу по несколько десятков раз подряд. И, конечно, нет смысла надоедать тому, чьей помощи ты ищешь.

А вот гэльские молитвы куда больше подходят для этой цели, потому что они по сути своей сосредоточены на конкретной просьбе или благословении, и к тому же гораздо красивее и ритмом, и разнообразием. Конечно, это его, Джейми, личное мнение, и вряд ли оно кому-нибудь интересно.

*Moire gheal is Bhride;
Mar a rug Anna Moire,
Mar a rug Moire Criosda,
Gun mhar-bhith dha dhi,
Cuidich i na 'h asaid,
Cuidich i a Bhride!*

*Mar a gheineadh Criosd am Moire
Comhliont air gach laimh,
Cobhair i a mise, mhoime,
An gein a thoir bho 'n chnaimh;
'S mar a chomhn thu Oigh an t-solais,
Gun or, gun odh, gun ni,
Comhn i 's mor a th' othrais,
Comhn i a Bhride!³⁷*

Он шептал эти слова, когда поднимался в гору.

³⁷ Мария, светлая Дева, Как Анна родила Марию, Как Мария родила Христа, Как Елисавета родила Иоанна Крестителя Без порока в нем. Помоги Ты и ей разрешиться от бремени. Помоги ей, о Приснодева! Как Христос был зачат Марией, Совершенен во всем, Помоги ей, Мать-Кормилица, Помоги зачать, выносить и родить, Как ты помогаешь, Дева радости, Без золота, без зерна, без волос, Помоги ей, ибо велика ее боль. Помоги ей, о Приснодева!

Джейми вышел из хижины, потому что уже не мог выносить удушливого заточения внутри, и задумчиво побрел через Ридж сквозь падающий снег, перебирая в мыслях все сделанное и еще не сделанное. Но на самом деле все приготовления уже закончились, оставалось только нагрузить лошадей и мулов. Не отдавая себе отчета, Джейми пошел вверх по тропе к хижине Бердсли. Снег уже перестал, но небо, серое и мягкое, нависало над головой, а холодная белая пелена лежала на деревьях, усмиряя порывы ветра.

«Прибежище», – подумал Джейми. Нет, конечно, сейчас Ридж им не был – в военное время не существовало безопасных мест, но ночь в горах напомнила ему то ощущение, которое испытываешь в церкви: умиротворение и ожидание.

Собор Нотр-Дам в Париже... собор Святого Эгидия в Эдинбурге. Маленькие каменные церквушки, куда он иногда заходил, когда скрывался в шотландских горах, – если не было опасности. Джейми перекрестился, вспомнив то время: простые каменные стены, внутри порой ничего, кроме деревянного алтаря, и все же какое блаженство войти, посидеть прямо на полу, если нет скамей. Просто посидеть, зная, что ты не один. Прибежище. Святилище.

Мысли то ли о церквях, то ли о Клэр пробудили у Джейми еще одно воспоминание: церковь, где они поженились. Джейми невольно улыбнулся. Нет, умиротворенного ожидания тогда не было. Джейми до сих пор ощущал громкий стук своего сердца в тот миг, когда вошел в церковь, и запах своего пота – от него воняло, как от похотливого козла, и Джейми надеялся, что Клэр не заметит. Еще он помнил, что не мог тогда дышать полной грудью, и чувствовал руку Клэр в своей: маленькие замерзшие пальчики, которые вцепились в его ладонь, ища поддержки.

Прибежище. Тогда они стали прибежищем друг для друга... Так было и сейчас. «Кровь от крови моей». Крошечный порез давно зажил, но Джейми потерял подушечку большого пальца и улыбнулся, вспомнив, как просто Клэр произнесла эти слова.

Он вышел к хижине и увидел на крыльце Джозефа Уэмисса, который терпеливо ждал, ссутулившись и постукивая одной ногой о другую, чтобы не замерзнуть. Джейми уже хотел было окликнуть Джозефа, но дверь вдруг распахнулась, и один из близнецов Бердсли – Иисусе, а они-то что там делают? – схватил тестя за руку, чуть не столкнув того с крыльца от восторга.

Да, это был восторг, а не горе или тревога: Джейми разглядел лицо парня в отблесках огня, пылающего в очаге.

На душе сразу полегчало, Джейми прислонился к стволу дерева и коснулся чепка на шее. – *Moran taing*³⁸, – тихо поблагодарил он, коротко, но от всего сердца.

Кто-то в хижине подкинул дров в очаг: из трубы вырвался сноп искр, осветив снег красным и золотым и шипя черным там, где искры падали на снег.

«Но человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх»³⁹. В тюрьме Джейми много раз читал эту строку из книги Иова, но не совсем ее понимал. Улетающие вверх искры по большей части ничем не грозят. Ну, разве только если крыша покрыта очень сухой дранкой. Вот те, что вылетают из очага, вполне могут поджечь дом. Может, автор имел в виду, что человеку свойственно страдать, а так, похоже, и есть, если учитывать его, Джейми, опыт. Но тогда получается, что автор категорично утверждает: искры всегда летят вверх. Меж тем любой, кто хоть раз долго наблюдал за костром, может сказать, что это не так.

Впрочем, кто он такой, чтобы критиковать логику Библии, когда должен повторять хвалебные и благодарственные псалмы? Джейми попытался вспомнить хотя бы один, но ему было так хорошо, что он не мог вспомнить ничего, кроме бессвязных отрывков и фраз.

Слегка ошеломленный, Джейми вдруг понял, что абсолютно счастлив. Конечно, то, что ребенок благополучно родился, уже само по себе прекрасно. А еще это означает, что Клэр

³⁸ Спасибо (*гэльск.*).

³⁹ Иов, 5:7.

успешно справилась со своей задачей и теперь они свободны. Могут уехать из Риджа, зная, что сделали все возможное для тех, кто здесь остается.

Да, всегда грустно покидать дом, но в данном случае можно поспорить, ведь дом сам их оставил, когда сгорел. Впрочем, печаль уравновешивало нарастающее чувство предвкушения. Он будет в пути и свободен, рядом с Клэр, и никаких повседневных обязанностей, не надо улаживать мелкие дразги, заботиться о вдовах и сиротах... Ладно, это недостойная мысль, и все же...

Любая война ужасна, и грядущая будет такой же... Зато его ждет нечто весьма захватывающее. Джейми почувствовал, как кровь закипела в жилах.

– *Moran taing*, – с искренней благодарностью повторил он вновь.

Немного погодя дверь хижины снова распахнулась, на крыльцо упал свет, и с корзиной на сгибе руки вышла Клэр, натягивая капюшон плаща. Вслед ей что-то кричали, в дверях хижины столпились люди. Клэр повернулась, помахала им рукой на прощанье, и Джейми услышал ее смех, от которого по всему телу пробежала приятная дрожь.

Дверь закрылась, и Клэр пошла вниз по тропе в серой мерцающей темноте. Джейми заметил, что Клэр чуть пошатывается от изнеможения, но все же было в ней что-то такое... Возможно, чувство такого же радостного восторга, что переполняло его самого.

– словно искры, что устремляются вверх, – тихонько пробормотал Джейми и вышел навстречу Клэр.

Она несколько не удивилась, просто повернулась и пошла к нему. Казалось, что она плывет над снегом, не касаясь его ногами.

– Значит, все хорошо, – сказал Джейми.

Клэр, вздохнув, вошла в его объятия, такая крепкая и теплая внутри холодных складок плаща. Джейми залез под его полы обеими руками, притянул Клэр поближе к себе, под свой большой и теплый плащ.

– Пожалуйста, ты мне нужен, – прошептала она, прижавшись губами к его рту.

Джейми молча подхватил Клэр на руки – боже, она права, от ее плаща несет падалью, неужели тот тип, что его продал, таскал в нем из леса убитых оленей? – крепко поцеловал и вновь поставил на землю. Он повел ее вниз по склону, и, пока они шли, легкий снег таял под их ногами.

Казалось, путь до сарая занял считанные минуты. По дороге они говорили совсем мало, Джейми даже не мог бы сказать, о чем именно. Главное, они были вместе.

Нельзя сказать, что в сарае было тепло и уютно, но мороз там не чувствовался. Джейми уловил в темноте приятный теплый запах скотины, и на ум ему пришло слово «радушно». Внутри просачивался странноватый серый свет небес, немного, но достаточно, чтобы разглядеть силуэты лошадей и мулов, дремлющих в стойлах. А еще там нашлась сухая солома, на которую можно было лечь, и не имело значения, что она старая и слегка отдает плесенью.

Было слишком холодно, чтобы раздеться, но Джейми застелил солому своим плащом, уложил на него Клэр, а сам лег на нее. Оба дрожали, и, когда начали целоваться, их зубы клацнули. Джейми и Клэр со смехом отодвинулись друг от друга.

– Дурацкая затея, – сказала Клэр. – Я вижу собственное дыхание, да и твое тоже. Так холодно, что можно пар выпускать кольцами. Мы замерзнем.

– Нет, не замерзнем. Знаешь, как индейцы добывают огонь?

– Ну, они трут сухую палочку о...

– Верно, трение. – Джейми задрал юбки Клэр, погладил гладкое и холодное бедро. – Хотя, как я понимаю, сухо не будет... Господи, саксоночка, чем это ты занималась?

Он просунул руку, крепко стиснул, чувствуя, какая Клэр теплая, мягкая и истекает соком, от холодного прикосновения она взвизгнула, напугав мула, который встревоженно захрапел.

Она заерзала, чуть повернулась, Джейми убрал руку и быстро вставил между ног Клэр кое-что другое.

– Ты сейчас весь сарай перебудуешь, – заметил он, задыхаясь.

От обволакивающего жара ее тела у него закружилась голова. Клэр запустила холодные руки под его рубашку, провела по телу и сильно ущипнула оба соска. Джейми вскрикнул, а потом рассмеялся.

– Сделай так еще раз, – сказал он, прильнул к жене и засунул язык в ее холодное ухо, исключительно ради удовольствия услышать, как она взвизгнет. Клэр извивалась и выгибала спину, но, как заметил Джейми, не пыталась отвернуться. Он прихватил мочку ее уха зубами и принялся нежно покусывать, медленно овладевая Клэр и радостно слушая звуки, которые она издавала.

Слишком долго они занимались любовью молча.

Руки Клэр ласкали его спину. Джейми только отстегнул клапан бриджей и раздвинул полы рубашки, чтобы не мешались, но теперь Клэр задрала его рубашку, обеими руками схватила его за ягодицы и, впившись ногтями в тело, прижала к себе. Джейми понял, чего она хочет. Он отпустил ухо Клэр, приподнялся на руках и начал двигаться с такой силой, что солома под ними затрещала, словно охваченная пламенем.

Джейми хотелось кончить, излиться и упасть на Клэр в теплой радостной истоме, прижимаясь к ее телу и вдыхая запах ее волос. Однако смутное чувство долга напомнило, что, если Клэр попросила, значит, ей это нужно. Он не мог кончить сам и оставить ее неудовлетворенной.

Он закрыл глаза и стал двигаться медленнее, опускаясь и входя в Клэр так, что она выгнулась, прижимаясь к нему всем телом. Одежда между ними скомкалась и шуршала. Джейми завел руку под Клэр, обхватил ее зад, проник пальцами в теплую складку между ягодиц и просунул один палец чуть глубже. Клэр ахнула, застонала и подняла бедра, пытаясь вырваться из его хватки, но Джейми держал крепко. Он гортанно рассмеялся и пошевелил пальцем.

– Давай еще разок, – прошептал он в ее ухо. – Повтори это для меня.

Клэр застонала еще громче – Джейми ни разу не слышал от нее таких звуков, – потом задергалась под ним, дрожа всем телом и поскуливая.

Он вытащил палец, быстро и легко провел рукой вдоль всех влажных и глубоких частей ее тела, чувствуя под пальцами собственный член, большой и скользкий, растягивающий ее...

Джейми и сам издал жуткий звук – словно издыхающая корова. Но ему было слишком хорошо, чтобы стыдиться.

– Не слишком-то ты тихая, саксоночка, – прошептал он чуть позже, вдыхая запах мускуса и новой жизни. – Что ж, мне нравится.

Глава 12

Достаточно

Я начала прощание с кладовой над ручьем. Постояла внутри, вслушиваясь в журчание воды в каменном русле, вдохнула холодный свежий запах с едва заметной примесью сладковатых ароматов молока и масла. Выйдя наружу, я повернула налево и пошла вдоль обшарпанного забора, на котором висели, шурша, высохшие остатки тыквенной лозы. Когда-то здесь был мой сад. Я в нерешительности остановилась: моя нога не ступала сюда с того дня, как в саду умерли Мальва и ее ребенок. Взявшись руками за деревянные колья, я наклонилась, чтобы посмотреть в щели.

Хорошо, что я не заглядывала сюда раньше, было бы невыносимо видеть сад в зимнем запустении: поломанные стебли высохли и почернели, земля покрыта ковром гниющих листьев. Сад до сих пор являл собой печальное зрелище для садовника, но, по крайней мере, не приводил в отчаяние. Повсюду пробивалась свежая зелень, украшенная маленькими цве-

точками, – добросердечная весна возлагала венки на кости зимы. Конечно, сад наполовину зарос травой и бурьяном, и я знала, что к лету лес предьявит права на этот участок и поглотит чахлые побеги капусты и лука. Эми разбила у старой хижины новый огород; она, как и остальные обитатели Риджа, обходила бывший сад стороной.

Трава зашевелилась, и небольшая сосновая змейка проползла мимо меня в поисках добычи. Я не очень люблю змей, но от вида живого существа на душе полегчало. Я подняла глаза и улыбнулась, когда увидела пчел, что с жужжанием сновали туда-сюда и кружили над старым ульем, который все еще стоял в нижнем конце сада.

Напоследок я взглянула на то место, где когда-то выращивала салат. Мальва умерла на этой грядке. Я навсегда запомнила растекающуюся лужу крови, казалось, она по-прежнему там, воображаемое темное пятно, пропитавшее землю среди разбросанных останков вырванного латука и увядших листьев. Но пятно исчезло, и ничто не отмечало то место, только ведьмино кольцо грибов, крошечные белые головки которых выглядывали из травы.

– «На остров Иннисфри хочу уйти, уйти скорей, – тихо произнесла я. – Там, над водою, хижину из прутьев я бы сплел, поставил улей, посадил бобы – и на своей поляне жил один, в гуденье пчел».

Я на миг замолчала, отвернулась и шепотом добавила:

– «Там мне спокойно будет: там с одежд рассвета тишина стекает каплями в траву»⁴⁰.

Попрощавшись с садом, я быстро спустилась по тропе; не было ни желания, ни особой необходимости глядеть на развалины дома, а тем более на белую свинью, чтобы сохранить их в памяти. Их-то я точно никогда не забуду. А что до амбара для зерна и курятника – если видел один, то видел их все.

Перед хижинной царил неторопливый хаос: лошади, мулы и люди переходили с места на место, готовясь к отъезду. Вот только я еще не была готова попрощаться и потому зашла в лес, чтобы успокоиться и взять себя в руки.

По сторонам тропы росла высокая пушистая трава, которая мягко задевала потяжелевший подол моих юбок. Вдруг я почувствовала более осязаемое прикосновение, взглянула вниз и увидела Адсо. Что ж, показаться в самую последнюю минуту вполне в его духе.

– Вот ты где, – осуждающе сказала я.

Кот спокойно посмотрел на меня огромными серовато-зелеными глазами и принялся вылизывать лапу. Поддавшись чувству, я схватила его и прижала к себе, чувствуя под руками мягкий густой мех серебристого брюшка и рокошущее мурлыканье.

Я знала, что с котом все будет хорошо. Лес он считал своими личными охотничьими угольями, Эми Хиггинс его любила и пообещала, что для Адсо всегда найдется молоко и теплый уголок у печки в плохую погоду. Я знала.

– Ладно, ступай, – сказала я, опуская кота на землю.

Он постоял, неторопливо подергивая хвостом и подняв голову, наверное, искал пищу или более интересные запахи, а потом нырнул в траву и исчез.

Заломив руки, я очень медленно согнулась и затряслась в беззвучном иступленном рыдании.

Я плакала, пока не заболело горло. Задыхаясь, я села на траву, сжалась в комок, как высохший лист. Слезы никак не прекращались, они все капали на мои колени, словно первые крупные капли надвигающейся грозы. О господи. И это еще только начало.

Я сильно потеряла глаза, размазывая слезы, как будто пыталась соскрести печаль, и вдруг почувствовала, что к лицу прикоснулась мягкая ткань. Всхлипывая, я подняла взгляд и увидела Джейми, который с носовым платком в руке опустился рядом со мной на колени.

⁴⁰ Строки из стихотворения ирландского поэта Уильяма Батлера Йейтса (1865–1939) «Остров на озере Иннисфри». *Перевод С. Сухарева.*

– Мне жаль, – тихо промолвил он.

– Это не... не волнуйся, я... Он же просто кот, – сказала я, и новый приступ маленького горя обручем сжал грудь.

– Да, я понимаю. – Джейми придвинулся ближе, обнял меня за плечи и прижал мою голову к груди, ласково промокая слезы своим платком. – Но ты не можешь плакать по детям. Или из-за дома и твоего маленького сада. Или из-за несчастной мертвой девушки и ее ребенка. А если ты плачешь по своему коту, то знаешь, что всегда можешь остановиться.

– Почему ты так думаешь?

Мой голос прозвучал глухо, но обруч уже не так туго сжимал грудь.

Джейми горестно вздохнул.

– Потому что я тоже не могу оплакивать все это, саксоночка. А кота у меня нет.

Всхлипнув, я в последний раз вытерла лицо, высморкалась и вернула ему платок, который Джейми, не моргнув глазом, тут же запихнул в спорран.

«Господи, – говорил он, – пусть меня будет достаточно». С тех пор как я услышала эту молитву, она застряла в моем сердце, словно стрела, но я думала, что Джейми просит помощи в предстоящем деле. Только он имел в виду совсем другое. И когда я поняла, о чем он просил, мое сердце раскололось на две части.

Я взяла его лицо в ладони и пожалела, что у меня нет его дара – способности высказать то, что лежит на сердце, да так, чтобы он понял. Но я не обладала этим даром.

– Джейми, – наконец сказала я. – Ох, Джейми. Ты... ты мое все. Навсегда.

Через час мы покинули Ридж.

Глава 13

Смятение

Йен улегся, подложив под голову мешок с рисом. Жестковато, но Йену нравилось шуршание маленьких зернышек, когда он поворачивал голову, и легкий запах крахмала. Ролло с головой забрался под плед, ворча, подлез поближе к хозяину и уютно уткнул нос тому под мышку. Йен ласково потрепал пса за ушами, снова лег на спину и уставился на звезды.

Светил месяц, тонкий, как срезанный ноготь, в фиолетово-черном небе ярко сияли крупные звезды. Йен выискивал над головой созвездия. Интересно, увидит ли он эти звезды в Шотландии? Дома, в горах, он нечасто обращал на них внимание, а в Эдинбурге звезд почти не видно из-за чада тлеющего в печах и каминах угля.

По другую сторону догорающего костра лежали дядя с тетей, которые, чтобы сберечь тепло, так тесно прижались друг к другу, что выглядели единым целым. Йен заметил, как одеяла пошевелились, потом замерли, снова задвигались и опять замерли, как будто выжидая. Послышался шепот, такой тихий, что Йен не разобрал слова, но их смысл был вполне понятен.

Йен размеренно задышал, хотя и чуть громче обычного. Миг – и осторожные движения возобновились. Дядю Джейми трудно провести, но иногда мужчина бывает рад обмануться.

Йен ласково положил руку на голову собаки, Ролло вздохнул, огромное теплое тело расслабилось и отяжелело под боком хозяина. Йен подумал, что, если бы не пес, он бы никогда не смог спать в лесу. Вообще-то, он всегда спал мало и чутко, но сейчас, по крайней мере, можно было время от времени поддаться слабости организма, зная, что Ролло услышит любой шорох гораздо раньше его самого.

– Пока ты в безопасности, – сказал дядя Джейми в первую же ночь на их пути.

Йен сильно тревожился и не мог заснуть, даже когда Ролло положил ему голову на грудь. Пришлось встать, и Йен сел у костра, подкидывая в тлеющие угли хворост до тех пор, пока чистые и яркие языки пламени не взвились в ночи.

Он прекрасно знал, что хорошо виден любому, кто решил бы за ним проследить, но тут уж ничего не поделаешь. Раз на груди у него нарисована мишень, не имеет значения, с подсветкой она или нет.

Бдительный Ролло, лежавший у разгорающегося костра, вдруг поднял голову, но лишь повернул ее на слабый звук, донесшийся из темноты. Значит, это кто-то свой, подумал Йен и нисколько не удивился, когда из-за деревьев вышел дядя, который ходил туда по нужде, и уселся рядом с ним.

– Ты же знаешь, ему не нужна твоя смерть, – без предисловий сказал дядя Джейми. – Пока ты в безопасности.

– Я не знаю, хочу ли я быть в безопасности, – выпалил Йен, а дядя лишь кивнул, глядя на него.

Йен понимал, что имеет в виду дядя: Арч Баг не хочет его смерти, потому что тогда будет покончено с чувством вины и, соответственно, с его муками. Йен тогда заглянул в стариковские глаза с пожелтевшими белками и красными прожилками, слезящиеся от стужи и горя, и увидел там то, от чего похолодел до глубины души. Нет, Арч Баг не убьет его, во всяком случае пока.

Дядя пристально смотрел в огонь, теплый отсвет которого играл на его широких скулах, и Йен вдруг почувствовал, что немного успокоился, но в то же время у него появился новый страх.

«И как это не пришло мне в голову раньше? – с тоской думал Йен, но вслух ничего говорил. – Арч Баг пообещал забрать то, что мне дорого. И вот ты сидишь рядом со мной, и только слепой тебя не увидит».

Когда эта мысль появилась впервые, он отогнал ее: старый Арч обязан дяде Джейми за все добро, что тот сделал Багу и его жене. А старина Баг из тех людей, что признают долги, хотя, похоже, он скорее готов взимать их с других. В любом случае Арч уважает дядю как мужчину. На какое-то время Йен успокоился.

Но потом у него возникли другие мысли, они стали приползать, как кошмарные многоножки, бессонными ночами с тех пор, как он убил Мурдину Баг.

Арч Баг – старик. Крепкий, как закаленное в огне копьё, и вдвое опаснее копьё, но все же старик. Он сражался еще при Шерифмуре, должно быть, ему лет семьдесят. На какое-то время жажда мести поддержит в нем жизнь, но всякая плоть в конце концов умирает. Арч вполне может решить, что у него нет времени ждать, пока Йен обретет что-либо по-настоящему ценное. Если Баг намерен осуществить свою угрозу, ему придется действовать, и очень скоро.

С другой стороны костра до Йена донеслись едва различимые шорохи, приглушенный шепот и шевеление, и у парня пересохло в горле. Йен сглотнул. Старина Арч может попытаться забрать его тетю, потому что он, Йен, конечно, любит и ее. А убить Клэр гораздо легче, чем дядю Джейми. Но нет... Арч, может, и ополоумел от горя и гнева, но он не сумасшедший: обидеть тетю Клэр, не прикончив до того дядю Джейми, сродни самоубийству.

А может, старику уже все равно? Йену показалось, что от этой мысли по телу пробежали холодные мурашки.

Йен понимал, что должен уйти, оставить дядю и тетю. Он и хотел... И все еще не передумал. Он решил, что подождет, пока они не уснут, а потом встанет и незаметно ускользнет. Тогда они будут в безопасности.

Но сердце подвело его той, первой ночью. Тогда у костра он пытался собраться с силами и уйти, но дядя догадался, он вышел из леса и молча сидел с Йеном, пока тот не почувствовал, что может снова заснуть.

Завтра, подумал Йен. В конце концов, со дня похорон Мурдины от Арча Бага не было ни слуху ни духу. Как ни крути, он стар и одинок, может, он уже умер.

А еще Йен подозревал, что, если уйдет, не сказав ни слова, дядя Джейми отправится за ним. Он ясно дал понять, что Йен вернется в Шотландию, даже если придется запихнуть его

в мешок. Несмотря на мрачные мысли, Йен невольно усмехнулся, и Ролло заворчал, почувствовав, как грудь хозяина под его телом вздрогнула от беззвучного смеха.

Йен почти не думал о Шотландии и о том, что ждет его там.

С другой стороны костра внезапно донесся сдавленный стон, а за ним два одновременных выдоха, настолько знакомых, что Йен мгновенно и очень живо представил, что могло вызвать подобные звуки. «А может, в Шотландии я найду себе жену?» – подумал он.

Нет, нельзя. Или можно? Способен ли Арч Баг последовать за ним так далеко? Возможно, старик уже умер, снова подумал Йен и пошевелился. Ролло заворчал, но, поняв намерения хозяина, сполз с него и свернулся калачиком неподалеку.

Там, в Шотландии, рядом с Йеном будет его семья. В окружении Мюрреев он и его жена наверняка будут в безопасности. Это здесь, в густых горных лесах, легко затаиться или незаметно подкрасться к добыче, но в горах Шотландии все по-другому. Там глаза остры у всех, и никто не пройдет незамеченным.

Йен не знал, что скажет мать, когда его увидит, но, когда попривыкнет, возможно, найдет девушку, которая не слишком его испугается.

Он услышал звук всасываемого воздуха и почти всхлип, который издал дядя, – он всегда так стонал, когда Клэр приникала к его соску. В тусклом свете тлеющих в очаге углей Йен пару раз видел, как она это делает: глаза закрыты, мимолетный влажный блеск зубов, волосы скользят по обнаженным плечам облаком света и тени.

Юноша поддался соблазну и положил руку на свой член. У Йена имелась личная коллекция образов, которые он бережно хранил для этой цели, и немалое их число так или иначе имело отношение к его кухне, хотя ему и было немножко стыдно. Ведь Брианна замужем за Роджером Маком! Впрочем, Йен одно время думал, что ему самому придется жениться на ней, и, хотя подобная перспектива приводила его в ужас (ему было всего семнадцать, а она значительно старше), мысль о том, что Брианна окажется в его постели, придавала ему храбрости.

Несколько дней он пристально за ней наблюдал и, когда она пошла купаться, разглядел под тонким муслином ее сорочки крепкую круглую задницу, темную тень рыжих волос внизу живота и представил себе, с каким восторгом увидит это ночью, когда Брианна ляжет и раздвинет перед ним ноги.

Черт, что он творит! Нельзя думать о Брианне в таком духе, ведь ее отец лежит в дюжине футов от него, Йена!

Он поморщился, зажмурил глаза и замедлил движения руки, пока подбирал другой образ из своей коллекции. Не ведьму, только не сегодня! Воспоминание о ней сильно возбуждало Йена, порой до боли, но к желанию примешивалась толика беспомощности. Мальва... Нет. Йен побаивался вызывать ее образ, поскольку считал, что ее дух все еще где-то неподалеку.

Малютка Мэри. Точно, она. Рука Йена ритмично задвигалась, и он вздохнул, с облегчением вызывая в памяти маленькие розовые грудки и ободряющую улыбку первой девушки, с которой переспал.

Чуть позже, уже паря на краю сна, в котором маленькая светловолосая девушка была его женой, Йен сонно подумал: «Да, может, он уже умер».

Ролло утробно заворчал, словно не соглашаясь, и перевернулся лапами кверху.

Глава 14

Деликатные материи

Лондон. Ноябрь, 1776 г.

«И у возраста есть свои преимущества», – думал лорд Джон. Мудрость, широкий кругозор, положение в обществе, чувство удовлетворения от достигнутого и от того, что время

потрачено не зря, роскошь любви к друзьям и близким... А еще то, что не нужно вжиматься спиной в стену, когда беседуешь с лордом Джорджем Жерменом. Хотя и зеркало, и камердинер уверяли, что он по-прежнему великолепно выглядит, лорд Джон был, по меньшей мере, лет на двадцать старше, чем объекты пристрастий государственного секретаря по делам колоний, который предпочитал юношей с нежной кожей.

Секретарь, жестом пригласивший его войти, полностью подходил под это описание и к тому же обладал длинными темными ресницами и мягкими, капризно надутыми губками. Грей едва удостоил юношу взглядом: его собственные вкусы были более брутальными.

Было уже довольно поздно – хорошо зная привычки Жермена, Грей дождался часа пополудни, – но последствия бессонной ночи все еще сказывались на государственном секретаре. Под его глазами набрякли синюшные мешки, напоминающие яйца всмятку, и он смотрел на Грея без особого энтузиазма. Тем не менее Жермен попытался соблюсти правила приличия, предложив Грею присесть и послав секретаря с телячьими глазами за бренди и печеньем.

Грей почти никогда не пил крепкого спиртного до вечернего чаепития и сейчас хотел сохранить свежую голову, и потому только пригубил бренди, который оказался превосходным. Жермен погрузил в бокал свой знаменитый сэквиллский нос, длинный и острый, как нож для вскрытия конвертов, глубоко вдохнул и выпил до дна, а потом налил еще. Судя по всему, жидкость обладала восстанавливающим действием, ибо, когда Жермен оторвался от второго бокала, он выглядел несколько веселее и наконец спросил, как дела у Грея.

– Прекрасно, благодарю вас, – любезно ответил Джон. – Я недавно вернулся из Америки и привез вам несколько писем от общих знакомых.

– Неужели? – Жермен немного просветлел. – Очень любезно с вашей стороны, Грей. Как прошло путешествие? Удачно?

– Довольно сносно.

На самом деле плавание оказалось прескверным: на пути через Атлантику они попали в штормовой фронт, который несколько дней болтал корабль и швырял его из стороны в сторону, да так сильно, что Грею захотелось, чтобы судно затонуло и мученьям пришел конец. Но сейчас он не хотел тратить время на праздные разговоры.

– У меня произошла весьма интересная встреча, как раз перед отъездом из колонии Северная Каролина, – сказал Грей, решив, что Жермен уже готов его выслушать. – Позвольте мне рассказать о ней.

Жермен был тщеславен и мелочен, он в совершенстве овладел искусством политической неопределенности, но при желании мог помочь в решении определенных вопросов, особенно если ситуация сулила ему выгоду. Упоминание Северо-Западных территорий явно привлекло его внимание.

– Вы больше не говорили с этим Бичемом?

Третий бокал бренди стоял у локтя Жермена, уже полупустой.

– Нет, он передал сообщение, но я счел нецелесообразным вести с ним дальнейшие переговоры, так как выяснилось, что он не обладает свободой действий. Если бы Бичем намеревался разгласить имена своих хозяев, он бы это сделал.

Жермен поднял бокал, но пить не спешил, а крутил его в руке, как будто это помогало ему собраться с мыслями. Простой, не огаженный бокал, весь в смазанных отпечатках пальцев Жермена и его губ.

– Вы знакомы с этим человеком? Почему он искал именно вас?

«А он отнюдь не глупец», – подумал Грей.

– Я сталкивался с ним много лет назад, – ровно произнес он. – Когда работал с полковником Боулзом.

Ни за что на свете Грей не сказал бы Жермену, кто такой Перси на самом деле. Он был – вообще-то, и до сих пор остается – сводным братом ему и Хэлу, и только счастливая случай-

ность вкупе с решимостью самого Грея предотвратила вселенский скандал во время предполагаемой смерти Перси. Некоторые скандалы со временем утихают, но этот бы не утих.

Услышав имя Боулза, который много лет возглавлял английский «Черный кабинет», Жермен приподнял выщипанные брови.

– Шпион?

В его голосе послышалось легкое пренебрежение: шпионы были вульгарной необходимостью, настоящий джентльмен никогда бы не стал с ними якшаться.

– Возможно, какое-то время. Очевидно, после этого он значительно преуспел в жизни.

Грей поднял свой бокал, сделал большой глоток – все-таки бренди был необыкновенно хорош! – поставил бокал на стол и встал, чтобы откланяться. Не стоит давить на Жермена. Пусть лучше дело останется в его ведении, а там личные интересы секретаря заставят его действовать.

Пока Жермен сидел, развалившись в кресле, и задумчиво рассматривал пустой бокал, Грей попрощался и взял свой плащ у секретаря с пухлыми губами, который как бы ненароком коснулся Грея рукой.

* * *

Заворачиваясь в плащ и натягивая поглубже шляпу, Грей размышлял. Нет, он не положился целиком и полностью на непредсказуемое чувство ответственности Жермена. Да, тот был государственным секретарем по делам американских колоний, но дело Грея касалось не только Америки. В Кабинете лорда Норта было еще два государственных секретаря, один отвечал за Северный департамент, включающий в себя всю Европу, другой – за Южный, который охватывал все остальные страны. Грей предпочел бы вообще не иметь никаких дел с лордом Жерменом, однако и требования протокола, и политические соображения не позволяли обратиться к лорду Норту напрямую, что было первым порывом Грея. Он решил, что даст Жермену день форы, а потом сообщит о возмутительном предложении Бичема государственному секретарю Южного департамента Томасу Тинну, виконту Уэймуту. В его служебные обязанности входило взаимодействие с европейскими католическими странами, следовательно, Франция тоже относилась к сфере его интересов.

Если они оба решат заняться этим делом, то оно непременно привлечет внимание лорда Норта, а уже Норт (или кто-то из его министров) обратится к Грею.

Вверх по Темзе двигался шторм. Грей видел клубящуюся черную тучу, казалось, что она вот-вот обрушит всю свою ярость прямо на здание парламента.

– Толика грома и молнии им бы не помешала, – злобно пробормотал Грей и окликнул кеб: первые тяжелые капли дождя уже падали на землю.

Дождь стоял стеной к тому времени, как он прибыл в клуб «Бифштекс», и Грей чуть не промок за те три шага, что отделяли входную дверь клуба от кромки тротуара.

Мистер Бодли, пожилой дворецкий, встретил Грея так, будто бы тот приходил сюда только вчера, а не около полутора лет назад.

– Сегодня у нас черепаховый суп с хересом, милорд, – сообщил он, знаком велел помощнику взять у Грея мокрую шляпу и плащ. – Хорошо согревает желудок. А потом подать вам превосходную баранью котлету с молодым картофелем?

– То, что нужно, мистер Бодли, – улыбнулся Грей.

Он занял свое место в столовой, несколько успокоившись при виде пылающего камина и прохладной белизны столового белья. Откинувшись на спинку стула, Грей позволил мистеру Бодли подоткнуть ему салфетку под подбородок и вдруг заметил нечто новое в убранстве зала.

– Кто это? – изумленно спросил Грей.

Напротив него на самом видном месте висела картина с изображением величественного индейца, украшенного страусовыми перьями и расшитыми тканями. Он выглядел довольно странно среди портретов выдающихся, но в основном уже покойных членов клуба.

– О, так это же мистер Брант⁴¹, – сказал мистер Бодли с ноткой укора в голосе. – Мистер Джозеф Брант. В прошлом году, когда он приезжал в Лондон, мистер Питт приводил его сюда отобедать.

– Брант?

Мистер Бодли удивленно поднял брови. Как большинство лондонцев, он полагал, что каждый, кто хоть раз бывал в Америке, просто обязан всех там знать.

– Полагаю, он вождь племени могавков, – сказал он, тщательно выговаривая слово «могавк». – Представляете, он был с визитом у короля!

– Надо же, – пробормотал Грей. Интересно, подумал он, кого больше впечатлил этот визит, короля или индейца?

Мистер Бодли удалился, очевидно, чтобы принести суп, но через минуту вернулся и положил на скатерть перед Греем письмо.

– Это прислали для вас через секретаря, сэръ.

– Да? Благодарю вас, мистер Бодли.

Грей взял письмо и сразу же узнал почерк сына. Сердце екнуло. Почему Вилли не захотел отправить письмо через бабушку или Хэла?

Разум услужливо подсказал логичный ответ: «Наверное, боялся, что они это письмо прочитают». Грей взял нож для рыбы и с некоторой тревогой вскрыл конверт.

Может, дело в Ричардсоне? Хэлу он не нравился, и не нравилось, что Вилли на него работает, хотя брат так и не объяснил, почему. Грей подумал, что, возможно, и не стоило направлять Уильяма по этому пути, тем более сам он знал грязный мир шпионажа не понаслышке.

Тем не менее тогда требовалось немедленно убрать Вилли из Северной Каролины, пока он не столкнулся лицом к лицу либо с Джейми Фрээрером, либо с так называемым Перси Бичемом.

И конечно, ты должен отпустить сына, позволить ему сделать собственный выбор в этом мире, и неважно, во что это тебе обойдется. Так говорил ему Хэл, и не раз. «Три, если быть точным, – с улыбкой подумал Грей, – каждый раз, когда один из сыновей Хэла получал патент на звание».

Он осторожно вскрыл письмо, как будто боялся, что оно взорвется. Увидел аккуратно исписанный листок и счел это дурным знаком: обычно Вилли писал довольно разборчиво, но с пометками.

*«Лорду Джону Грею
Общество любителей английского бифштекса
От лейтенанта Уильяма лорда Элмира
7 сентября 1776 г.
Лонг-Айленд
Королевская колония Нью-Йорк*

*Дорогой отец!
Мне нужно рассказать Вам об одном очень деликатном деле».*

Грей подумал, что у любого родителя кровь застынет в жилах от подобной фразы. Неужели Вилли нашел себе женщину с ребенком? Проиграл значительную сумму в азартные

⁴¹ Тайенданегеа, в крещении Джозеф Брант (1743–1807), – вождь племени могавков, офицер английской армии, отличившийся во время войны за независимость США. Встречался с известнейшими людьми своего времени, включая короля Георга III и Джорджа Вашингтона.

игры? Подхватил венерическую болезнь? Вызвал кого-то на дуэль? Или вызвали его? А может, он столкнулся с чем-то очень опасным, пока собирал разведанные для генерала Хау?.. Грей взял бокал с вином, сделал хороший глоток для подкрепления сил и только потом вернулся к чтению письма. Как выяснилось, ничто не смогло бы подготовить его к следующему предложению:

«Мы с леди Доротеей любим друг друга».

Грей поперхнулся, забрызгав вином руку, однако отмахнулся от дворецкого, который поспешил к нему с полотенцем, а просто вытер руку о штаны, торопливо пробегая страницу глазами.

«Хотя некоторое время мы чувствовали растущее влечение, я не спешил признаваться в своих чувствах, зная, что мне скоро придется отплыть в Америку. Но случилось так, что на балу у леди Бельведер за неделю до моего отъезда мы внезапно оказались наедине в саду, и красота этого места, романтика вечера и опьяняющая близость леди Доротей взяли верх над моей рассудительностью».

– Господи Иисусе! – вырвалось у лорда Джона. – Ради бога, скажи, что ты не лишил ее девственности где-нибудь под кустом!

Заметив, что из-за соседнего стола на него бросают любопытные взгляды, он коротко кашлянул и вновь вернулся к чтению письма.

«Чувства охватили меня до такой степени, что я не решаюсь доверить бумаге все, что случилось. Конечно, я попросил прощения, хотя, разумеется, никаких извинений не хватит, чтобы загладить столь бесчестное поведение. Леди Доротей великодушно меня простила и была весьма настойчива, убеждая меня не ходить к ее отцу, что я намеревался сделать поначалу».

– Очень благоразумно, Дотти, – пробормотал Грей, слишком хорошо представляя реакцию брата на подобное откровение. Оставалось только надеяться, что Вилли заливажется краской стыда не из-за по-настоящему серьезного проступка...

«Я намеревался попросить тебя замолвить за меня словечко перед дядей Хэлом в следующем году, когда я вернусь домой и смогу официально попросить руки леди Доротей. Однако я только что узнал, что она получила предложение от виконта Максвелла и что дядя Хэл серьезно его рассматривает. Как бы то ни было, я бы никогда не стал порочить честь леди, но при сложившихся обстоятельствах совершенно очевидно, что она не может выйти замуж за Максвелла».

«Ты хочешь сказать, что Максвелл обнаружит, что она не девственница, и сразу же после первой брачной ночи поспешит рассказать об этом Хэлу», – мрачно подумал Грей. Он крепко потер рукой лицо и продолжил читать.

«Папа, невозможно передать словами, как я раскаиваюсь в своем поступке. Я понимаю, что разочаровал тебя, и не могу собраться с силами, чтобы просить прощения, которого не заслуживаю. Не ради себя, но ради леди Доротей я умоляю тебя поговорить с герцогом. Надеюсь, его можно убедить принять мое предложение, избежав откровений, которые могут причинить страдания леди, и он разрешит нам обручиться».

*Твой покорный заблудший сын
Уильям».*

Грей откинулся назад и закрыл глаза. Первое потрясение прошло, и разум попытался найти правильное решение.

В принципе, это вполне осуществимо. Серьезных препятствий для женитьбы Уильяма на Дотти не существует. Хотя номинально они приходятся друг другу двоюродными братом и сестрой, кровного родства между ними нет. Уильям его сын во всех смыслах, но не по крови. И хотя Максвелл молод, богат и весьма подходящая партия, Уильям – граф, наследник титула баронета Дансени и к тому же далеко не беден.

Нет, с этим все в порядке. И Минни Уильям очень нравится. Хэл и мальчишки... ну, если они не пронюхают о поступке Уильяма, то наверняка согласятся. С другой стороны, если кто-нибудь из них потом узнает правду, Уильяму очень повезет, если он отделается только тем, что его высекут хлыстом и переломают все кости. И Грею тоже.

Хэл, конечно, удивится: кузен с кузиной часто виделись, когда Вилли бывал в Лондоне, но Уильям никогда не говорил о Дотти так, чтобы можно было предположить...

Грей взял письмо и перечитал его снова. Потом еще раз. Положил письмо и, прищурившись, какое-то время пристально смотрел на него и думал.

– Будь я проклят, если поверю в это! – наконец сказал он вслух. – Что ты, черт подери, задумал, Вилли?

Он скомкал письмо, взял с ближайшего стола подсвечник, извинившись кивком, и поджег послание. Дворецкий заметил и тут же подал маленькое фарфоровое блюдечко, куда Грей уронил пылающий ком бумаги.

– Ваш суп, милорд, – произнес мистер Бодли и, аккуратно развеяв дым костерка салфеткой, поставил перед Греем тарелку с дымящимся супом.

* * *

Так как Уильям находился вне пределов досягаемости, Грей решил, что первым делом нужно встретиться с соучастницей его преступления, каким бы оно ни было. Чем больше Грей думал, тем больше убеждался: что бы ни связывало Уильяма, девятого графа Элсмира, и леди Доротею Жаклин Бенедикту Грей, это не имело отношения ни к любви, ни к греховной страсти.

Но как же поговорить с Дотти незаметно от ее родителей? Он же не может слоняться по улице, пока Хэл и Минни не уйдут куда-нибудь и не оставят Дотти одну. Впрочем, даже если удастся застать ее дома и поговорить с ней наедине, слуги обязательно обмолвятся о встрече, и Хэл, который трясется над своей дочуркой, как огромный мастиф над любимой косточкой, непременно захочет узнать причину разговора.

Грей отказался от предложения швейцара найти ему экипаж и пошел пешком к дому матери, размышляя над способами и средствами. Можно, конечно, пригласить Дотти на ужин, но было бы странно не пригласить одновременно и Минни. То же самое с приглашением в театр или оперу. Грей часто сопровождал женщин, потому что Хэлу не хватало терпения прослушать всю оперу целиком, а большинство пьес брат считал нудной болтовней.

Путь пролегал через Ковент-Гарден, где Грей ловко увернулся от брызг воды, которую выплеснули из ведра, чтобы смыть скользкие капустные листья и гнилые яблоки с булыжной мостовой у прилавка зеленщика. Летом тротуар покрывала увядшая зелень. На рассвете из окрестных сел на телегах привозили цветы, и они наполняли площадь ароматом и свежестью. Осенью здесь воцарялся запах подгнивших раздавленных фруктов, разлагающегося мяса и треснувших овощей – признак того, что в Ковент-Гардене сменился караул.

Весь день продавцы зазывали покупателей, торговались, устраивали между собой грандиозные побоища, отбивались от воров и карманников, а вечером отправлялись в таверны на улицах Тависток и Бриджес, чтобы прокутить половину заработка. С приближением ночи Гарден заполняли шлюхи.

Заметив парочку девиц, которые пришли пораньше и теперь прохаживались в надежде найти клиентов среди собирающихся домой торговцев, Грей ненадолго отвлекся от семейных неурядиц и мысленно вернулся к более ранним событиям этого дня.

Прямо перед ним простиралась Бриджес-стрит. Почти в самом конце улицы он видел элегантный особняк, который с изящной скромностью расположился в стороне от проезжей части. А что, это мысль: шлюхи многое знают и могли бы узнать еще больше за соответствующее вознаграждение. У Грея возникло искушение прямо сейчас навестить Несси, хотя бы для того, чтобы просто насладиться ее обществом. Но нет, во всяком случае, пока.

Вначале нужно выяснить, что известно о Перси Бичеме в более официальных кругах, а только потом выпускать собственных гончих в погоню за этим кроликом. Или встретаться с Хэлом.

Было уже слишком поздно для официальных визитов. Тем не менее лорд Джон написал записку с просьбой о встрече и уже утром собирался посетить «Черный кабинет».

Глава 15

Черный кабинет

Интересно, что за романтическая душа придумала название «Черный кабинет», размышлял Грей. Или это отнюдь не романтическое определение? Возможно, в прежние времена шпионам приходилось довольствоваться темной каморкой без окон под лестницей ныне сгоревшего Уайтхольского дворца, и название носило чисто описательный характер. Сейчас слова «Черный кабинет» обозначали скорее род занятий, нежели конкретное место.

Во всех европейских столицах (и многих городах поменьше) были свои «Черные кабинеты» – места, где корреспонденция либо перехватывалась шпионами на пути ее следования, либо ее просто изымали из пакетов с дипломатической почтой, досматривали, с переменным успехом расшифровывали, а затем отправляли тому конкретному лицу или ведомству, которое нуждалось в добытой информации. Когда Грей работал на английский «Черный кабинет», тот состоял из четырех джентльменов, не считая клерков и мальчишек-курьеров. Теперь людей там стало гораздо больше, они ютились в разных комнатухах и закутках на улице Пэлл-Мэлл, но главный центр всех операций по-прежнему находился в Букингемском дворце.

Не в тех красиво обставленных помещениях, что предназначались для королевской семьи, их секретарей, горничных, экономок, дворецких или другой старшей прислуги, но все же в самом дворце.

Проходя мимо караульного у задних ворот, Грей кивнул – он специально надел свой мундир подполковника, чтобы было проще войти, – и спустился по ободранному, плохо освещенному коридору, где запах старой мастики для пола, смешанный с легким душком вареной капусты и подгорелого пирога к чаю, вызвал у него приятное чувство ностальгии. Третья дверь слева была приоткрыта, и лорд Джон вошел, не постучав.

Его ждали. Артур Норрингтон поприветствовал его, не вставая, и показал на стул. Грей давно знал Норрингтона, хотя они не были близкими друзьями, и сейчас его несколько приободрило, что Артур, казалось, нисколько не изменился за все годы со дня их последней встречи: все такой же крупный и дородный, с большими, слегка навывкате глазами и толстыми губами, которые придавали ему вид палтуса на льду – величественный и чуточку укоризненный.

– Я ценю вашу помощь, Артур, – сказал Грей, затем сел, положил на угол стола маленький сверток и добавил, махнув рукой: – Небольшой знак признательности.

Норрингтон приподнял тонкую бровь и, взяв подарок, тут же развернул жадными пальцами.

– О! – воскликнул он с неподдельным восторгом. Бережно повертел в больших мягких руках крошечную фигурку из слоновьей кости, замороженно поднес к лицу, чтобы лучше рассмотреть детали. – Цудзи?

Грей пожал плечами, довольный произведенным эффектом. Сам он ничего не смыслил в нэчке, зато знал человека, который торговал китайскими и японскими резными фигурками из слоновой кости. Грея поразило изящество и мастерство исполнения крохотной вещицы, изображающей полуголую женщину, в весьма причудливой позе занимающуюся любовью с тучным обнаженным джентльменом, волосы которого были забраны в пучок.

– Боюсь, что историю ее происхождения установить невозможно, – сказал лорд Джон извиняющимся тоном, но Норрингтон лишь отмахнулся, не сводя глаз с новообетенного сокровища. Спустя мгновение он счастливо вздохнул и спрятал фигурку во внутренний карман сюртука.

– Благодарю вас, милорд, – произнес он. – А что касается субъекта, которым вы интересуетесь, то, боюсь, у нас очень мало сведений о таинственном мистере Бичеме.

Он кивнул на стол, где лежала потерянная кожаная папка без ярлыка. Грей заметил, что внутри находится что-то объемное, но не бумаги. Папка была пробита, и через отверстие пропущена короткая веревка, удерживающая предмет внутри.

– Вы меня удивляете, мистер Норрингтон, – учтиво сказал Грей и потянулся к папке. – Все же дайте взглянуть, что там у вас, и, возможно...

Норрингтон прижал пальцами папку к столу и на миг нахмурился, пытаясь создать впечатление, что официальные секреты нельзя раскрывать первому встречному. Грей улыбнулся.

– Да ладно вам, Артур, – сказал он. – Если хотите узнать, что мне известно о нашем загадочном мистере Бичеме, – а я в этом не сомневаюсь! – то покажете все, что на него есть, до последней буквы!

Норрингтон чуточку расслабился, с неохотным видом убрал руку, скользнув пальцами по папке. Грей взял ее, приподняв бровь, и открыл. Объемный предмет оказался маленьким холщовым мешочком. Кроме него, внутри оказалось несколько листков бумаги, и все. Грей вздохнул.

– Плохо работаете, Артур, – с упреком произнес он. – Существуют целые завалы из бумаг, имеющих отношение к Бичему, а также множество ссылок на его имя. Конечно, в последние годы он исчез из виду, но кто-то должен был проверить!

– А мы так и сделали, – ответил Норрингтон с необычной ноткой в голосе, отчего Грей резко поднял голову. – Старина Крэббот вспомнил имя, и мы проверили. Все материалы исчезли.

Плечи Грея свело, словно по ним ударили плетью.

– Странно, – спокойно сказал он. – Ну, тогда...

Он склонился над папкой, хотя ему потребовалось какое-то время, чтобы успокоить скачущие мысли и понять, на что он смотрит. Едва Грей сосредоточился на странице, как взгляд выхватил из текста имя «Фрэзер», и сердце сжалось.

Уф, не Джейми Фрэзер. Грей медленно вдохнул, перевернул страницу, прочел следующую, вернулся назад. Всего четыре письма, только одно расшифровано полностью. Еще одно начато – на полях чьи-то предварительные заметки. Грей сжал губы: в свое время он был хорошим дешифровщиком, но уже давно отошел от дел и понятия не имел о современных идиомах, которые используются французами, не говоря уже о характерных для каждого конкретного шпиона выражениях. К тому же очевидно, что письма писали по меньшей мере два разных человека.

– Я их просмотрел, – заявил Норрингтон, и Грей, подняв взгляд, обнаружил, что Артур уставился на него выпученными светло-кариими глазами, словно жаба на сочную муху. – Еще не расшифровал как положено, но имею представление, о чем там говорится.

Что ж, Грей уже принял решение и пришел сюда, готовый все рассказать Артуру, который умел хранить молчание лучше, чем кто-либо из его прежних коллег по «Черному кабинету».

– Бичем – это не кто иной, как Персиваль Уэйнрайт, – сказал Грей без обиняков, удивляясь, почему он хранил в секрете настоящее имя Персиваля. – Он британский подданный, армейский офицер, которого арестовали по обвинению в содомии, но не осудили. Считалось, что он умер в Ньюгейтской тюрьме, пока ждал суда, но...

Он разглядел письма, закрыл папку и добавил:

– Как видите, нет.

Пухлые губы Артура округлились в беззвучном «О».

Какое-то мгновение Грей думал, что, может, стоит на этом остановиться, но потом решил продолжить. Артур настойчив, как такса, раскапывающая барсучью нору, и если он узнает правду самостоятельно, то тут же заподозрит, что Грей многое скрывает.

– А еще он мой сводный брат. – Грей произнес это как бы между прочим и положил папку на стол Артура. – Я встретил его в Северной Каролине.

Артур слегка скривил рот, но тут же моргнул, и его лицо приняло обычное выражение.

– Ясно, – сказал он. – Ну, тогда... Понимаю.

– Да, вы прекрасно понимаете, почему мне нужно знать содержание этих писем, – сухо согласился Грей, кивком указав на папку. – И как можно скорее.

Поджав губы, Артур кивнул, устроился поудобнее и взял письма. Раз уж дело приняло такой оборот, он сразу стал серьезным.

– Похоже, большая часть из того, что я уже расшифровал, связана с торговым флотом, – сказал он. – Контакты в Вест-Индии, грузы, которые нужно доставить, – обычная контрабанда, хотя и с размахом. Одно упоминание банкира из Эдинбурга; с ним я пока еще не разобрался. Но в трех письмах встречается одно и то же имя, причем не зашифрованное. Вы, конечно, это заметили.

Грей не стал отрицать.

– Кому-то во Франции очень хочется разыскать некоего Клоделя Фрэзера, – продолжил Артур и приподнял одну бровь. – Как вы думаете, кто это?

– Понятия не имею, – ответил Грей, хотя, разумеется, у него возникли кое-какие мысли. – А вы как думаете, кто хочет его найти... или зачем?

Норрингтон покачал головой.

– Зачем его ищут, я не знаю, – откровенно сказал он. – А вот кто именно – полагаю, что, возможно, французский дворянин.

Он снова открыл папку и осторожно достал из закрепленного внутри мешочка две сургучные печати, одну наполовину сломанную, другую – почти целую. На обеих было изображение ласточки на фоне восходящего солнца.

– Я пока не нашел никого, кто бы знал, чье это, – сообщил Норрингтон, аккуратно поддев одну из печатей толстым коротким пальцем. – Вы случайно не знаете?

– Нет, – ответил Грей. В горле внезапно пересохло. – Но вы можете проверить некоего барона Амандина. Это имя назвал Уэйнрайт... кто-то из его хороших знакомых.

– Амандин? – Норрингтон выглядел озадаченным. – Никогда о нем не слышал.

– И никто не слышал. – Грей вздохнул и поднялся на ноги. – Я уже сомневаюсь, что он вообще существует.

* * *

По дороге к дому брата Грей продолжал размышлять, существует ли барон Амандин на самом деле или нет. Если да, то он вполне мог быть ширмой, скрывающей интересы куда

более важной персоны. Если нет... Дело усложнялось и в то же время становилось проще: если нельзя узнать, кто за этим стоит, значит, единственный путь к разгадке – Перси Уэйнрайт.

Ни в одном из писем Норрингтона не упоминались Северо-Западные территории и не содержалось ни одного намека на предложение, которое озвучил Перси. Впрочем, неудивительно: было бы чрезвычайно опасно доверить такую информацию бумаге, хотя Грей, конечно, знал шпионов, которые делали нечто подобное и раньше. Если Амандин существует и непосредственно заинтересован в решении вопроса Северо-Западных территорий, то, по всей видимости, он благоразумен и осторожен.

Ладно, в любом случае нужно рассказать о Перси Хэлу. Возможно, он что-нибудь знает об Амандине или сможет разузнать: у Хэла много друзей во Франции.

Размышления о предстоящем разговоре с Хэлом внезапно напомнили Грею о письме Вилли, про которое он почти забыл за утренними интригами. При мысли о письме Грей резко втянул воздух носом. Нет, об этом он точно не скажет брату, пока не поговорит с Дотти с глазу на глаз. Возможно, получится перекинуться с ней парой слов наедине и назначить встречу.

Однако, когда Грей прибыл в Аргус-хаус, Дотти не оказалось дома.

– Она на музыкальном вечере у мисс Брайрли, – сообщила ему невестка Минни, когда он учтиво поинтересовался, как поживает его племянница и крестница. – Дотти сейчас не удержишь. Но ей будет жаль, что вы разминулись.

Улыбаясь, она встала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– Рада снова видеть тебя, Джон.

– И мне приятно тебя видеть, Минни, – искренне ответил он. – Хэл дома?

Минни выразительно закатила глаза к потолку.

– Всю неделю никуда не выходит из-за своей подагры. Еще несколько дней, и я подсыплю ему яду в суп.

Джон понимающе хмыкнул. Слова Минни подкрепили его решение не говорить с Хэлом о письме Уильяма. Брат и в добром здравии наводил ужас как на бывалых солдат, так и на опытных политиков, а уж Хэл захворавший... Теперь понятно, почему Дороти сочла нужным исчезнуть.

Вряд ли его новости улучшат настроение Хэла, подумал Грей. Он с должной осторожностью толкнул дверь в кабинет брата: тот имел обыкновение швыряться вещами, когда злился, и ничто не сердило его больше, чем недомогание.

Хэл спал, сгорбившись в кресле перед камином; забинтованная нога покоилась на табурете. В воздухе висела резкая вонь какого-то едкого лекарства, перекрывая запахи горящего дерева, топленого сала и черствого хлеба. Рядом с Хэлом стоял поднос с нетронутой тарелкой супа. «Похоже, Минни озвучила свою угрозу», – с улыбкой подумал Грей. За исключением его самого и их матери, Минни была, пожалуй, единственным человеком, который никогда не боялся Хэла.

Грей тихо сел, размышляя, стоит ли будить брата. Хэл выглядел больным и усталым, худощавее, чем обычно, а ведь он всегда был тощим. Даже сейчас, одетый в бриджи и поношенную льняную рубашку, босоногий и с потрепанной шалью на плечах, Хэл умудрялся сохранять элегантный вид, но морщины на его лице красноречиво свидетельствовали о жизни, полной сражений.

Сердце Грея сжалось от внезапной нежности, и он засомневался, стоит ли вообще тревожить Хэла дурными новостями. Однако существовала опасность, что известие о несвоевременном воскрешении Перси застанет брата врасплох, а этого Грей допустить не мог. Придется Хэла предупредить.

Прежде чем он принял окончательное решение, Хэл открыл глаза, ясные и настороженные, того же светло-синего цвета, как и у самого Грея. В них не было ни следа дремоты или рассеянности.

– Ты вернулся, – сказал Хэл и тепло улыбнулся. – Налей-ка мне бренди.

– Минни говорит, что у тебя подагра, – ответил Грей, взглянув на забинтованную ногу брата. – Неужели врачи не говорили тебе, что при подагре следует воздерживаться от употребления крепких спиртных напитков?

– Говорили, – подтвердил Хэл, выпрямляясь в кресле. Движение отозвалось болью в ноге, и брат поморщился. – Но, судя по твоему виду, ты хочешь рассказать мне нечто такое, отчего мне срочно потребуется выпивка. Лучше принеси графин.

* * *

Он покинул Аргус-хаус через несколько часов, отклонив предложение Минни остаться на ужин. Погода заметно испортилась. Уже чувствовалась осенняя прохлада, поднялся порывистый ветер, а в воздухе ощущался вкус соли – остатки морского тумана плыли в сторону берега. В такую ночь лучше всего сидеть дома и никуда не высовываться.

Минни извинилась, что не предложила свою карету: Дотти укатила в ней на музыкальный вечер. Грей заверил ее, что с радостью прогуляется пешком: ходьба помогает думать. Так оно и было, но порывы резкого ветра мешали Грею сосредоточиться, развеивая полы мундира и норовя унести шляпу. Грей уже было пожалел о карете, как вдруг увидел тот самый экипаж, который стоял в проезде у одного из особняков неподалеку от Александра-Гейт. Лошади были укрыты от ветра попонами.

Грей повернул у ворот, услышав крик «Дядя Джон!», посмотрел в сторону дома и сразу же увидел свою племянницу Дотти, которая буквально летела к нему, как корабль на всех парусах. Ветер дул ей в спину и угрожающе раздувал пышное шелковое платье-мантуя сливового цвета и бледно-розовую накидку. Дотти неслась с такой скоростью, что Грею пришлось поймать ее в объятия, чтобы остановить.

– Ты девственница? – без обиняков спросил он.

Дотти расширила глаза, рывком высвободила руку и вlepила ему пощечину.

– Что? – воскликнула она.

– Мои извинения. Несколько неожиданный вопрос, да?

Грей взглянул на ожидающий экипаж и кучера, который с каменным выражением лица смотрел прямо перед собой, велел тому подождать, затем взял Дотти за руку и повел к парку.

– Куда мы идем?

– Просто немного прогуляемся. У меня есть к тебе несколько вопросов такого свойства, что мне не хотелось бы, чтобы нас подслушали. Уверен, что и ты не захочешь.

Глаза Дотти расширились еще больше, но она не стала спорить, лишь поправила свою кокетливую маленькую шляпку и пошла с Греем; ее пышные юбки взбивал ветер.

Скверная погода и случайные прохожие не дали Грею возможности задать хотя бы один вопрос, пока они с Дотти не зашли в парк и не оказались на относительно безлюдной аллее, ведущей через небольшой садик с кустами и деревьями, подстриженными в виде затейливых фигур.

Ветер неожиданно стих, хотя небо потемнело. Дотти остановилась под сенью топиарного⁴² льва и спросила:

– Дядя Джон, что за чушь вы несете?

Дотти, как и ее мать, походила на осень: волосы цвета спелой пшеницы и щеки с румянцем оттенка нежно-розового шиповника. Но если лицо Минни было просто милостивым и привлекательным, то у Дотти черты матери обрели изящные контуры, унаследованные

⁴² Топиар, или топиари – искусство фигурной стрижки деревьев и кустарников, старейший вид садово-паркового искусства.

от Хэла, и дополнились его же темными ресницами, что делало красоту племянницы чрезвычайно опасной.

Эта опасность больше всего чувствовалась во взгляде, который Дотти обратила на дядю, и он подумал: пожалуй, неудивительно, что Уильям ею очарован. Если, конечно, он очарован.

– Я получил письмо от Уильяма, в котором он намекает, что откровенно тебя домогался, или, по меньшей мере, повел себя неподобающим для джентльмена образом. Это правда?

Дотти открыла рот в неподдельном ужасе.

– Что-что он вам написал?

Так, похоже, одной проблемой меньше. Она, скорее всего, еще девственница, и ему не придется отправлять Уильяма в Китай, чтобы обезопасить от ее братьев.

– Как я и сказал, это был всего лишь намек. Уильям не сообщил мне подробности. Давай-ка пройдемся, пока мы совсем не замерзли.

Он взял Дотти под руку и повел по дорожке, которая вела к маленькой часовне. Там они укрылись в притворе, куда выходило единственное витражное окно с изображением святой Варвары, несущей на блюде свои отрезанные груди. Грей отвлекся на изучение сего возвышенного образа, что позволило Дотти привести в порядок растрепанную ветром одежду и решить, что она скажет дяде.

– Что ж, – начала она, вздернув подбородок. – Это правда, что мы... ну, что я позволила ему себя поцеловать.

– Да? И где же? Ох, я имею в виду... – торопливо добавил Грей, заметив по ее глазам, что она потрясена до глубины души.

А вот это уже интересно: откуда бы совершенно неопытной юной леди знать, что можно целовать не только губки или ручки?

– В каком месте географически, – пояснил он.

Румянец на щеках Дотти стал ярче: она не хуже Грея понимала, что сейчас выдала себя.

– В саду у леди Уиндермир. Мы оба пришли к ней на музыкальный вечер, и ужин еще не подали, поэтому Уильям пригласил меня немного прогуляться и... и я пошла. Был такой прекрасный вечер! – простодушно добавила она.

– Да, Уильям тоже это отметил. Раньше я не осознавал дурманящего воздействия хорошей погоды.

Дотти бросила на него неприязненный взгляд.

– Как бы то ни было, мы любим друг друга. Хоть это он вам сказал?

– Да, – ответил Грей. – Собственно, Уильям с этого и начал, прежде чем пуститься в скандальные откровения насчет твоей добродетели.

Глаза Дотти округлились.

– Он... что именно он вам сказал? – требовательно спросила она.

– Достаточно, как он надеялся, чтобы убедить меня немедленно пойти к твоему отцу и объяснить ему, почему он должен согласиться отдать тебя в жены Уильяму.

– Ох!

Дотти глубоко вздохнула, как будто с облегчением, и отвела взгляд.

– Значит, вы собираетесь это сделать? – спросила она, вновь посмотрев на Грея огромными голубыми глазами, а потом с надеждой добавила: – Или вы уже?

– Нет, я еще не говорил с твоим отцом о письме Уильяма. Решил, что для начала нужно поговорить с тобой и выяснить, разделяешь ли ты его чувства в той мере, как он думает.

Дотти моргнула и одарила дядю ослепительной улыбкой.

– Ох, дядя Джон, вы такой внимательный! Многих мужчин нисколько бы не заботило женское мнение в подобной ситуации. Вы же, как всегда, очень деликатны. Мама не устает превозносить вашу доброту и отзывчивость.

– Не перестарайся, Дотти, – сдержанно сказал Грей. – Значит, ты утверждаешь, что согласна выйти замуж за Уильяма?

– Согласна? – вскричала она. – Да я хочу этого больше всего на свете!

Он посмотрел на нее долгим, внимательным взглядом.

– Неужели? – произнес Грей со всей иронией, на которую был способен. – И почему же? Дотти дважды очень быстро моргнула.

– Почему?

– Почему? Я имею в виду, что особенного ты нашла в характере Уильяма, – терпеливо повторил он и уточнил, понимая, что юные девушки не слишком хорошо разбираются в людях: – Или, скорее, в его внешности, что хочешь выйти за него замуж, к тому же так скоропалительно?

Грей уже был готов поверить, что в одном из них или сразу в обоих развиваются нежные чувства, но зачем так спешить? Даже если Уильям боится, что Хэл согласится на предложение виконта Максвелла, сама-то Дотти наверняка знает, что заботливый отец никогда не выдаст ее замуж насильно.

– Ну, мы ведь любим друг друга! – произнесла она, хотя ее голос прозвучал несколько неуверенно для такого страстного признания. – А что касается его... его характера... как же, дядя, вы же его отец и, конечно, не можете не знать о его... его уме!

Дотти победоносно выдала это слово и торопливо продолжила, набирая обороты:

– Его доброте, его веселом нраве... его кротости...

Теперь настала очередь лорда Джона ошеломленно моргать. Несомненно, Уильям отличался умом, веселым нравом и разумной добротой, но вот определение «кроткий» к нему никак не подходило. Более того, дыру в обшивке столовой его матери, через которую Уильям нечаянно выбросил собеседника во время чаепития, еще не заделали, и этот образ был свеж в памяти Грея. Возможно, что в компании Дотти Вилли вел себя более сдержанно...

– Да он же само воплощение истинного джентльмена! – провозгласила Дотти, похоже, закусив удила. – А его внешность... конечно, все женщины, кого я знаю, от него в восторге! Такой высокий, стройный...

С холодным беспристрастием лорд Джон отметил, что, хотя Дотти и назвала несколько свойственных Вилли особенностей, она ни слова не сказала о его глазах. Ведь кроме роста, который, разумеется, трудно не заметить, самой примечательной чертой в образе Уильяма были его глаза: ярко-голубые и с необычным, кошачьим разрезом. Вообще-то, это были глаза Джейми Фрэзера, отчего у Джона сжималось сердце всякий раз, когда Вилли смотрел на него с определенным выражением.

Сам Вилли прекрасно знал, как действует его взгляд на женщин, и беззастенчиво этим пользовался. Посмотри он хоть раз с вождением в глаза Дотти, она бы заворуженно замерла на месте, и не имело бы значения, влюблена она или нет. А трогательный рассказ об очаровании сада... После музыкального вечера или на балу... у леди Бельведер или у леди Уиндермир...

Грей настолько погрузился в собственные размышления, что не сразу заметил молчание Дотти.

– Приношу свои извинения, – учтиво произнес он, – и благодарю за восхваление характера Уильяма, которое не могло не согреть отцовское сердце. И все же, к чему такая спешка с женитьбой? Через год или два Уильяма наверняка отправят домой.

– Его могут убить! – воскликнула Дотти, и в ее голосе прозвучал неподдельный страх, такой искренний, что Грей насторожился.

Она слотнула и прижала руку к горлу.

– Я этого не вынесу, – проговорила Дотти внезапно ослабившим голосом. – Если его убьют и мы никогда... у нас никогда не будет шанса...

Она посмотрела на Грея заблестевшими от чувств глазами и с мольбой коснулась его руки.

– Я должна, – твердо сказала Дотти. – Правда, дядя Джон. Я должна это сделать и не могу больше ждать. Я хочу поехать в Америку и выйти замуж.

У него отвисла челюсть. Одно дело хотеть выйти замуж, но такое...

– Дотти, скажи, что ты шутишь, – произнес он. – Ты же не думаешь, что твои родители – а особенно твой отец! – когда-нибудь это одобрят.

– Он бы согласился, если бы вы изложили все должным образом, – возразила Дотти. – Ваше мнение он ценит выше, чем чье бы то ни было.

Она стиснула руку Грея и настойчиво продолжила:

– А вы, как никто другой, должны понимать, какой ужас я испытываю при мысли, что с Уильямом... может что-то случиться, прежде чем мы снова увидимся.

Действительно, подумал он, единственным доводом, что перевешивал в ее пользу, было чувство пустоты в его собственном сердце, которое возникало всякий раз при одном упоминании о возможной смерти Уильяма. Да, его могли убить. Как и любого другого во время войны, а особенно солдата. Это риск, на который идешь – а совесть не дала бы ему помешать Уильяму выбрать этот путь, – хотя, стоило ему представить Уильяма разорванным на куски пушечным ядром, или лежащим с простреленной головой, или умирающим в мучениях от дизентерии...

У лорда Джона пересохло во рту, он сглотнул и с некоторым трудом запихнул малодушные образы назад, в закрытый мысленный чулан, где они обычно и хранились под замком.

Грей глубоко вздохнул.

– Доротея, – твердо произнес он. – Я выясню, что ты задумала.

Она долго и задумчиво глядела на него, словно оценивая шансы. Уголок рта Дотти медленно приподнялся, глаза сузились, и он прочитал ответ на ее лице так же ясно, как если бы она произнесла его вслух: «Нет, вряд ли.

Впрочем, это выражение исчезло так же быстро, как появилось, и Дотти вновь посмотрела на него с негодованием, смешанным с мольбой.

– Дядя Джон, как вы смеете обвинять меня и Уильяма, своего собственного сына, в том... в том... а в чем, собственно, вы нас обвиняете?

– Понятия не имею, – признался он.

– Вот и отлично! Так вы поговорите с папой, ради нас? Ради меня? Пожалуйста? Сегодня?

Дотти была прирожденной кокеткой: говоря с ним, она придвинулась ближе, чтобы он почувствовал нежный аромат фиалок от ее волос, а пальчиками очаровательно теребила лацканы его мундира.

– Не могу, – ответил Грей, пытаясь высвободиться. – Только не сейчас. Он уже испытал из-за меня ужасное потрясение, еще одно наверняка его добьет.

– Тогда завтра, – уговаривала она.

– Дотти!

Он взял ее ладони в свои. Его удивило и тронуло, что ее руки похолодели и дрожали. Похоже, девочка говорит серьезно, что бы она ни пыталась сказать.

– Дотти, – повторил лорд Джон уже мягче. – Даже если твой отец согласится отправить тебя в Америку, чтобы ты вышла там замуж – а лично я считаю, что это может произойти только в том случае, если ты ждешь ребенка, – то все равно нет никакой возможности отплыть туда до апреля. И поэтому пока не нужно ничего рассказывать Хэлу и загонять его в могилу раньше времени. Пусть хотя бы оправится от нынешней болезни.

С недовольным видом Дотти признала, что его доводы вполне разумны.

– Кроме того, – добавил лорд Джон, выпуская ее руки, – ты знаешь, что в зимнее время кампания прекращается. Боевые действия скоро приостановят, и Уильям будет в относительной безопасности. Тебе незачем бояться, нет никаких поводов для беспокойства.

«Кроме несчастных случаев, дизентерии, лихорадки, заражения крови, несварения желудка, потасовок в питейных заведениях и более десятка других смертельно опасных угроз», – мысленно добавил он.

– Но... – начала было Дотти, потом замолчала и тяжело вздохнула. – Да, полагаю, вы правы. Все же... дядя Джон, вы поговорите с папой в ближайшее время, правда?

Он тоже вздохнул.

– Поговорю, если ты действительно этого хочешь.

Сильный порыв ветра сотряс часовню, и витраж с изображением святой Варвары задрожал в своей свинцовой раме. Внезапно начался ливень, забарабанил по кровле, и Грей плотнее закутался в плащ.

– Подожди здесь, – велел лорд Джон племяннице. – Я велю кучеру подъехать к дорожке.

Пока он шагал против ветра, одной рукой придерживая шляпу, чтобы та не улетела, ему на ум пришли его собственные слова, сказанные племяннице чуть раньше: «это может произойти только в том случае, если ты ждешь ребенка». На душе стало тревожно.

Дотти бы так не поступила. Или поступила бы? Нет, ни в коем случае, уговаривал себя Грей. Забеременеть от одного мужчины, чтобы убедить отца позволить ей выйти замуж за другого? Весьма сомнительно. Хэл выдал бы ее за виновника, она бы и рта не успела открыть. Хотя, возможно, она выбрала кого-то непригодного для женитьбы, например, уже женатого или... Но это же полная чушь! Что бы сказал Уильям, явись Дотти в Америку, беременная от другого мужчины?

Нет, даже Брианна Фрэзер Маккензи, самая прагматичная (до ужаса!) женщина из всех, кого он когда-либо знал, не сделала бы ничего подобного. Он слегка улыбнулся, вспомнив, как грозная миссис Маккензи пыталась шантажом женить его на себе, будучи беременной, но совершенно точно не от него. Грей постоянно задавался вопросом, а действительно ли этот ребенок от ее мужа? Вот она, возможно, смогла бы. Но не Дотти.

Наверняка нет.

Глава 16 Невооруженный конфликт

Инвернесс, Шотландия. Октябрь, 1980 г.

Старейшая в Инвернесе церковь, так называемая «Старая Высокая церковь Святого Стефана», невозмутимо стояла на берегу реки Несс, выветренные камни ее погоста свидетельствовали о благочестивой безмятежности. Роджер знал об этом спокойствии, но сам его не чувствовал.

Кровь все еще пульсировала в висках, и, хотя день выдался довольно прохладный, воротник рубашки взмок от физических усилий. Роджер шел пешком от парковки на Хай-стрит, шагал торопливо и яростно, как будто пожирал расстояние с каждым шагом.

Господи, Брианна назвала его трусом! Она много еще чего наговорила, но уязвило именно слово «трус», и она это прекрасно знала.

Ссора началась вчера после ужина, когда Брианна поставила пригоревшую кастрюлю в старую каменную раковину, повернулась к нему и, сделав глубокий вдох, сообщила, что идет на собеседование, чтобы получить работу в Управлении гидроэлектростанциями Северной Шотландии.

– Работу? – тупо переспросил он.

– Работу, – повторила она, сощутив глаза.

У Роджера чуть было не вырвалось: «Но у тебя же есть работа», но он успел заменить это более мягким (как ему казалось). «Зачем?»

Брианна не обладала способностями к тихой дипломатии и потому вперила в него сердитый взгляд и сказала:

– Потому, что кому-то из нас нужно работать, и если ты не хочешь, то, значит, придется мне.

– Что ты понимаешь под «нужно работать»? – спросил Роджер.

Проклятье, Бри права, он – трус, ведь он чертовски хорошо знает, что она имеет в виду.

– Нам пока хватает денег, – добавил он.

– Пока да, – согласилась она. – На год или два, может, больше, если будем экономить. А ты считаешь, что мы должны просто сидеть на задницах, пока не кончатся деньги? И что тогда? Тогда ты наконец начнешь думать, чем бы тебе заняться?

– Я уже думал, – буркнул он сквозь зубы. Бри права, он уже давно почти ничем не занимался. Нет, конечно, была еще книга. Роджер записал все песни, которые запомнил в восемнадцатом веке, и снабдил их комментариями. Только это занятие вряд ли можно было назвать работой, да и больших денег оно не сулило. Но большую часть времени он все-таки думал.

– Да? И я тоже.

Бри повернулась к нему спиной и включила воду, словно хотела смыть все, что мог сказать в ответ Роджер. А может, просто улучила секунду, чтобы взять себя в руки. Вода перестала течь, и Бри повернулась к мужу.

– Послушай, – произнесла она, стараясь говорить взвешенно. – Я больше не могу ждать. Нельзя надолго выйти из игры, а потом в любую минуту вернуться. Прошел почти год с тех пор, когда я в последний раз работала консультантом, я не могу больше ждать.

– Ты никогда не говорила, что собираешься вернуться на постоянную работу.

В Бостоне, когда Мэнди выздоровела и ее выписали из больницы, Бри пару раз поработала консультантом на краткосрочных проектах, заказы ей нашел Джо Абернети.

«Послушай, парень, – доверительно сказал он тогда Роджеру, – она на месте сидеть не будет. Я знаю эту девочку, ей необходимо двигаться. С самого рождения малышки она отдавала ей все свое внимание, постоянные больницы, врачи, а сейчас она неделями приклеена к дому и детям. Ей надо отвлечься от своих мыслей».

«А мне не надо?» – подумал Роджер, но не сказал этого вслух.

Пожилый человек в плоской кепке выдирает сорняки вокруг одного из надгробий. Рядом с ним на земле лежала рыхлая кучка вырванной с корнями зелени. Старик посмотрел на Роджера, когда тот остановился у стены, приветливо кивнул, но ничего не сказал.

Роджер хотел сказать Брианне, что она же мать. Хотел сказать о близости между ней и детьми, что она нужна им, как воздух, вода и еда. Порой он даже завидовал Бри, ведь дети не нуждались в нем так сильно. Разве можно отвергать этот дар?

Нет, он попытался сказать нечто подобное. Результат был примерно такой, как если бы в заполненной газом шахте чиркнули спичкой.

Роджер резко повернулся и вышел с кладбища. Он не мог прямо сейчас говорить с пастором, если честно, он вообще не мог говорить. Сначала нужно было остыть, вернуть голос.

Он свернул налево и пошел вдоль Хантли-стрит, краем глаза поглядывая через реку на фасад церкви Святой Марии, единственного католического храма в Инвернесе.

Вначале, в один из более рациональных моментов ссоры, Бри попыталась узнать, не она ли виновата.

– Это все из-за меня? – серьезно спросила она. – Из-за того, что я католичка? Я знаю... Понимаю, это все усложняет.

Ее губы дернулись.

– Джем рассказал мне о миссис Огилви.

Сейчас Роджеру было не до смеха, но, вспомнив, он не смог удержаться от короткой улыбки. Он тогда работал за амбаром, кидал в тачку хорошо перепревший навоз, чтобы разбросать по огороду. Джем помогал со своей маленькой лопаткой.

– «Шестнадцать тонн выдал, а что досталось тебе?»⁴³ – пропел Роджер, если хриплое карканье, которое у него получилось, можно было назвать пением.

– На день стал старше и глубже в дерьме! – проорал Джем, стараясь как можно лучше скопировать голос и интонации «Теннесси» Эрни Форда.

Именно в этот неудачный миг Роджер повернулся и обнаружил, что у них гости: миссис Огилви и миссис Макнейл – столпы «Женского общества алтаря и чая» при Свободной Северной церкви Инвернесса. Роджер их знал, и что они здесь делают, тоже знал.

– Мы пришли навестить вашу добрую жену, мистер Маккензи, – сообщила миссис Макнейл, улыбаясь поджатыми губами.

Роджер не был уверен, что означает это выражение лица: либо внутреннюю сдержанность, либо миссис Макнейл просто боялась, что плохо подогнанные вставные челюсти выпадут, если она откроет рот шире чем на четверть дюйма.

– О, боюсь ее нет дома, она уехала в город. – Роджер вытер руки о джинсы, решая, стоит ли протянуть ее для рукопожатия, но, взглянув на ладонь, передумал и просто кивнул. – Пожалуйста, заходите. Попросить девушку приготовить чай?

Обе гостьи в унисон затрясли головами.

– Мы до сих пор не видели вашу жену в церкви, мистер Маккензи. – Миссис Огилви пригвоздила его тусклым взглядом.

Что ж, Роджер этого ждал. Конечно, можно было выиграть немного времени, сказав: «Ах, ребенок болел...», но какая разница, лучше покончить с этим одним махом.

– Разумеется, – любезно произнес он, хотя его плечи невольно напряглись. – Ведь она католичка. В воскресенье она пойдет на мессу в церковь Святой Марии.

Квадратное лицо миссис Огилви вытянулось от удивления, на миг превратившись в овал.

– Ваша жена папистка? – спросила она, давая ему возможность исправить очевидную нелепость, которую он только что произнес.

– Да, с рождения. – Роджер слегка пожал плечами.

Беседа после такого признания была относительно недолгой. Быстрое знакомство с Джемом и строгий вопрос, посещает ли он воскресную школу, резкий вдох после ответа и пристальный буравящий взгляд, брошенный на Роджера перед тем, как дамы ушли.

«Ты хочешь, чтобы я стала пресвитерианкой?» – требовательно спросила Бри во время ссоры. И это было отнюдь не предложение, скорее вызов.

Роджеру вдруг отчаянно захотелось попросить ее именно об этом, просто чтобы убедиться, что она его любит и сделает, как он хочет. Но совесть верующего человека никогда бы не допустила подобных просьб, не говоря уже о совести любящего человека. Ее мужа.

Хантли-стрит внезапно перешла в Бэнк-стрит, толпы пешеходов, наводнявших торговую зону, исчезли. Роджер прошел мимо маленького мемориального сквера, разбитого в память о службе медсестер во время Второй мировой войны, и, как всегда, подумал о Клэр. Правда, в этот раз с меньшим восхищением, чем обычно.

«А что бы ты сказала?» – мысленно спросил он, хотя и так чертовски хорошо знал, что сказала бы Клэр или чью сторону приняла бы в этой ссоре. Сама Клэр недолго оставалась в статусе неработающей матери, не так ли? Пошла учиться в медицинскую школу, когда Бри было

⁴³ «Шестнадцать тонн» (Sixteen Tons) – популярная песня, повествующая о тяжелых условиях труда и бедственном положении шахтеров-угольщиков США в период Великой депрессии 1929–1939 годов. Исполнитель – «Теннесси» Эрни Форд (1919–1991), американский певец, звезда жанра кантри.

семь. И отцу Брианны, Фрэнку Рэндоллу, пришлось подменить жену, хотел он этого или нет. Роджер ненадолго замедлил шаг, размышляя. Ну да, тогда понятно, почему Бри думает...

Он прошел мимо Свободной Северной церкви и слегка улыбнулся, вспомнив миссис Огилви и миссис Макнейл. Они обязательно вернутся, если он ничего не предпримет. Роджер был знаком с подобной непреклонной добротой. Господь всемогущий, а если они услышат, что Бри вышла на работу и, по их мнению, бросила его с двумя маленькими детьми, то начнут по очереди бегать к нему с пастушьими запеканками и горячим жарким по-шотландски. Может, это и неплохо, подумал он, мечтательно облизнувшись. Вот только они наверняка станут совать носы в ведение домашнего хозяйства, а пусти их на кухню Брианны – и это станет не просто игрой с динамитом, а прицельным броском бутылки с нитроглицерином прямо в сердце его брака.

«Католики не верят в развод, – однажды сообщила ему Бри. – Мы верим в убийство. Ведь, в конце концов, существует исповедь».

Вдали на берегу виднелся единственный англиканский храм Инвернесса – собор Святого Андрея. Одна католическая церковь, одна англиканская и не менее шести пресвитерианских, и все располагаются квадратом у реки, на расстоянии меньше чем четверть мили. И это все, что нужно знать о сути Инвернесса, подумал Роджер. Он говорил об этом Бри, хотя и не упоминал о собственном кризисе веры.

А Бри и не спросила. Надо отдать ей должное, она не дожимала его расспросами. В Северной Каролине его почти рукоположили – и он с трудом пережил последствия трагических событий, прервавших обряд, – но после рождения Мэнди, с распадом общины Риджа, с решением рискнуть и пройти через камни... никто не упоминал об этом. А когда они вернулись, нужно было срочно позаботиться о сердечке Мэнди, а потом как-то обустроить жизнь... в общем, вопрос о его служении священником не поднимался.

Он думал, что Брианна не затрагивала эту тему потому, что не знала, как он собирается решать вопрос, и не хотела его подталкивать. То, что она католичка, усложняло для него исполнение обязанностей пресвитерианского пастора в Инвернессе, но Роджер не мог закрыть глаза на то, что его служение создало бы серьезные трудности и в ее жизни. И Бри это понимала.

В результате никто из них не касался этого вопроса, когда они обсуждали детали возвращения.

Они продумали каждую мелочь настолько хорошо, насколько смогли. Роджер не мог вернуться в Оксфорд, во всяком случае, без тщательно отработанной легенды.

– Нельзя так просто выпасть из научного сообщества и попасть обратно, – объяснил он Бри и Джо Абернети, доктору, который долгое время дружил с Клэр, пока та не вернулась в прошлое. – Правда, можно уйти в творческий или просто продолжительный отпуск, но тогда нужно заявить, что ты собираешься делать, а когда вернешься, показать результат, например публикацию.

– Ты же можешь написать убойную книгу, скажем, о зарождении революции на Юге, – заметил Джо Абернети.

– Могу, – согласился Роджер. – Но она не будет научным трудом.

Роджер криво усмехнулся, чувствуя, как слегка ноют суставы пальцев. Он мог бы написать книгу, да такую, какую никто другой не написал бы. Но только не как историк.

– Нет источников, – объяснил он, кивнув на полки в кабинете Джо, где они собрались на первый из нескольких военных советов. – Если я напишу книгу как ученый-историк, нужно будет перечислить все источники, которыми я пользовался, а о большинстве уникальных ситуаций, которые я могу описать, конечно, нигде не упоминается. Утверждение, что автор видел все собственными глазами, не сойдет за доказательство в университетской прессе, я тебя уверяю. Если уж браться за книгу, то нужно писать роман.

Эта мысль несколько привлекала Роджера, но он понимал, что художественная литература не впечатлит коллег из Оксфорда.

А вот в Шотландии...

Новые люди не появляются в Инвернесе незамеченными, впрочем, как и в любом другом месте Шотландского высокогорья. Но Роджер не был чужаком. Он вырос в доме пастора в Инвернесе, и в городе еще было немало людей, кто знал его и взрослым. А жена-американка и дети вполне объясняли его отсутствие...

– Видишь ли, местных не волнует, чем ты занимался, пока тебя не было, – объяснил он, – им важно только то, что ты делаешь здесь, рядом с ними.

Он уже дошел до островов на реке Несс. Маленький тихий парк расположился на островках всего лишь в нескольких футах от берега реки, настоящий парк с грунтовыми дорожками, высокими деревьями и почти безлюдный в это время дня. Роджер бродил по тропинкам, стараясь очистить разум и наполнить его лишь звуком журчащей воды да спокойствием хмурого неба.

Роджер добрал до конца острова и немного постоял, почти не замечая мусор, застрявший в кустах, растущих у кромки воды, – кучки опавших листьев, птичьи перья, рыбы кости, несколько пустых сигаретных пачек, принесенных паводком.

Конечно, он думал только о себе. Чем он займется, что о нем подумают люди. Почему ему никогда не приходило в голову поинтересоваться, что будет делать Брианна, если они переедут в Шотландию?

Что ж, это было очевидным, – тогда, в прошлом. В Ридже Брианна делала... ну да, несколько больше, чем обычная женщина. Разве можно забыть, как Брианна выслеживала бизонов, стреляла индеек, словно сама богиня охоты, и даже убила пирата, но ведь она же занималась и тем же, что и остальные женщины! Заботилась о семье, кормила их, одевала, утешала, а иногда и наказывала. А из-за болезни Мэнди и печали Брианны от того, что ей пришлось расстаться с родителями, вопрос о работе был просто неуместным. Ничто не могло разлучить ее с дочерью.

Но сейчас Мэнди совершенно здорова, и это сразу видно по хаосу, который она за собой оставляет. Их семья полностью восстановила свою идентичность в двадцатом веке, Лаллиброх выкупили у банка, который владел поместьем, переезд в Шотландию удачно завершился, Джем более-менее привык к деревенской школе неподалеку, и еще они наняли милую девушку из той же деревни помогать по хозяйству и присматривать за Мэнди.

И теперь Брианна собирается работать...

А он, Роджер, идет ко всем чертям. Метафорически, если не буквально.

* * *

Брианна не могла сказать, что ее не предупреждали. Мир, куда она собиралась войти, был мужским.

Это всегда было работой на износ, тяжелым трудом – тяжелейшим! – прокладка туннелей, в которые укладывают мили кабеля от турбин гидроэлектростанций. «Туннельные тигры», так называли мужчин, выбравших это занятие, и многие из них были польскими и ирландскими иммигрантами, приехавшими на работу еще в пятидесятых годах.

Брианна читала о них, видела фотографии их перемазанных, как у шахтеров, лиц с белыми глазами. В конторе электростанции все стены были увешаны этими снимками, доказательствами важнейшего достижения Шотландии в наши дни. Интересно, что было бы важнейшим достижением Шотландии в древности? Килт? При мысли об этом Брианна едва сдержала смех, что явно придало ей очарования, потому что мистер Кэмпбелл, менеджер по персоналу, дружелюбно улыбнулся.

– Повезло вам, девушка! Мы открываем Питлохри – запуск уже через месяц, – сообщил он.

– Замечательно. – У нее на коленях лежала папка с портфолио, но мистер Кэмпбелл не попросил его показать, что весьма удивило Брианну. Она положила папку на стол, открыла. – Вот мое...

Он уставился на лежащее сверху резюме, и у него отвисла челюсть, да так сильно, что Брианна заметила металлические пломбы в его коренных зубах.

Захлопнув рот, он бросил на нее изумленный взгляд, затем снова посмотрел на папку и медленно вытащил резюме, словно боялся найти под ним что-нибудь еще более скандальное.

– Думаю, у меня достаточно квалификации, – сказала Брианна, сдерживая нервное желание вцепиться пальцами в ткань юбки. – Я имею в виду, чтобы стать инспектором электростанции.

Она чертовски хорошо знала, что чего-чего, а знаний и опыта у нее хватает. Да она могла бы построить долбаную электростанцию, не говоря уже о том, чтобы ее инспектировать!

– Инспектором... – слабым голосом пробормотал мистер Кэмпбелл, потом закашлялся и слегка покраснел.

Похоже, заядлый курильщик, подумала Брианна; она чувствовала запах табака, пропитавший его одежду.

– Моя дорогая, боюсь, произошло небольшое недоразумение, – сказал он. – Мы ищем секретаршу для работы в Питлохри.

– Возможно, – произнесла Брианна, поддавшись желанию сжать пальцами ткань. – Но я откликнулась на объявление о должности инспектора станции, и я претендую именно на нее.

– Но... моя дорогая! – менеджер затряс головой, явно ошарашенный. – Вы же женщина!

– Да. И что? – ответила она. Любой из сотни мужчин, кто знал ее отца, немедленно отступил бы, услышав в ее голосе отзвук стали. К несчастью, мистер Кэмпбелл не знал Джейми Фрэзера, но был близок к тому, чтобы узнать. – Не будете ли вы так любезны объяснить мне, когда именно во время инспекции электростанции нужен пенис?

Его глаза полезли на лоб, а лицо приобрело оттенок, который бывает у бородки индюка в брачный сезон.

– Так вы... То есть...

С видимым усилием менеджер взял себя в руки настолько, чтобы говорить вежливо, хотя на грубоватом лице все еще сохранялось ошеломленное выражение.

– Миссис Маккензи, я знаком с понятием «женское освобождение». У меня самого есть дочери.

«И ни одна из них не скажет мне ничего подобного», – словно говорила его приподнятая бровь.

– И не то чтобы я считал вас некомпетентной... – Он взглянул на открытую папку, вскинул обе брови и решительно ее захлопнул. – Дело... в рабочей среде. Она не совсем подходит для женщины.

– Почему?

К менеджеру вернулась уверенность.

– Зачастую условия тяжелые и сложные чисто физически, и, честно говоря, миссис Маккензи, мужчины, с которыми вам пришлось бы столкнуться, такие же. Скажу вам честно, компания заботится о своей репутации и не может рисковать вашей безопасностью.

– Вы нанимаете мужчин, которые могут напасть на женщину?

– Нет, что вы! Мы...

– На ваших станциях опасно работать? Тогда вам и правда нужен инспектор, вы согласны?

– Юридически...

– Я ознакомилась со всеми правилами, регулирующими деятельность электростанции, – твердо произнесла Брианна и достала из сумки замусоленный буклет с правилами, который взяла в Управлении по развитию Шотландского высокогорья и островов. – Я могу обнаружить проблемы и сказать, как решить их быстро и экономично.

Мистер Кэмпбелл выглядел глубоко несчастным.

– И, насколько я слышала, у вас не так много кандидатов на эту должность, – закончила она. – Ни одного, если быть точной.

– Мужчины...

– Мужчины? – переспросила Брианна, выделив это слово, чтобы слегка позабавиться. – Я работала с мужчинами раньше и умею с ними ладить.

Она молча посмотрела на него. «Я знаю, как убить человека, – подумала она. – И знаю, как это легко. А вот ты – нет». Наверное, у нее изменилось выражение лица, потому что Кэмпбелл слегка побледнел и отвел взгляд. Интересно, ответит ли взгляд Роджер, если прочитает это знание в ее глазах? Но сейчас не было времени думать о Роджере.

– Может, покажете мне какую-нибудь рабочую площадку? – мягко спросила она. – А потом еще поговорим.

* * *

В восемнадцатом веке церковь Святого Стефана использовали как временную тюрьму для пленных якобитов. По некоторым сведениям, двоих из них казнили прямо на кладбище. Не самое плохое из того, что видишь на Земле в последний раз, подумал Роджер. Широкая река и просторное небо сливаются с морем. Ветер, облака и вода несут неизменное ощущение покоя, несмотря на то, что беспрестанно движутся.

«Если ты когда-нибудь обнаружишь себя посреди парадокса, будь уверен, что стоишь на краю истины», – сказал ему как-то приемный отец. «Знаешь, ты можешь ее не увидеть, – с улыбкой добавил он, – но она там есть».

Пастор церкви Святого Стефана, доктор Уизерспун, тоже мог поделиться парочкой афоризмов.

«Когда Бог закрывает дверь, он открывает окно». Точно. Только вот это самое окно открывалось на десятом этаже, и Роджер сомневался, что Бог снабдит его парашютом.

– Или как? – обратился Роджер к плывущему над Инвернессом небу.

– Простите, что вы сказали?

Испуганный кладбищенский сторож выглянул из-за надгробия, у которого работал.

– Извините! – Роджер смущенно махнул рукой. – Я просто... просто разговариваю сам с собой.

Старик понимающе кивнул.

– Да, значит, все в порядке. Вот если вам начнут отвечать, тогда стоит встревожиться.

Хрипло посмеиваясь, он ушел и вскоре исчез из виду.

Роджер спустился с холма, где находилось кладбище, на улицу, медленно пошел к парковке. Что ж, первый шаг сделан. Намного позже, чем следовало бы – в чем-то Бри права, он действительно трус, – но все же он его сделал.

Конечно, трудности пока еще не преодолены, но как хорошо, что у него появилась возможность поделиться ими с кем-то, кто понимает и сочувствует! «Я буду молиться за вас», – сказал на прощание доктор Уизерспун, пожимая Роджеру руку. И это тоже утешало.

Роджер стал подниматься по влажным цементным ступеням парковки, нашаривая в кармане ключи. Нельзя сказать, что он полностью примирился с самим собой, но уже чувствовал себя гораздо спокойнее по отношению к Бри. Теперь можно вернуться домой и сказать ей...

Нет, черт возьми, нельзя! Нет, пока нет. Он должен удостовериться.

Вообще-то, проверять необязательно, он и так знает, что прав, но ему нужны доказательства, чтобы предъявить Бри.

Роджер резко повернулся, прошел мимо озадаченного сторожа парковки, который посеменил за ним, спустился, перешагивая по две ступеньки зараз, и поспешил вверх по Хантли-стрит с такой скоростью, как будто ступал по раскаленным углям. Он ненадолго остановился у магазинчика «Фокс», выудил из кармана несколько монеток и позвонил в Лаллиброх. Энни ответила в своей обычной грубоватой манере, произнесла «Дасс?» так резко, что это прозвучало как вопросительное шипение.

Роджер не стал ей выговаривать за невежливость.

– Это Роджер. Передайте хозяйке, что я еду в Оксфорд, нужно кое-что выяснить. Остаюсь там на ночь.

– Мммфм, – неразборчиво пробормотала она и повесила трубку.

* * *

Брианне хотелось ударить Роджера по голове каким-нибудь тяжелым предметом. Возможно, чем-то вроде бутылки шампанского.

– Куда-куда он поехал? – переспросила Бри, хотя прекрасно слышала Энни Макдональд.

Та высоко, до самых ушей, подняла узкие плечи, показывая, что понимает риторический характер вопроса.

– В Оксфорд, – повторила она. – В Англию!

Тон ее голоса подчеркивал чрезвычайную возмутительность поступка Роджера. Он не просто уехал, чтобы поискать что-то в старых книгах – одно это уже было бы странно (хотя ученые чего только себе не позволяют!), – а без предупреждения бросил жену и детей и укатил в другую страну.

– Сказал, что придет завтра, – добавила Энни с большим сомнением.

Она достала из бумажного пакета бутылку шампанского очень осторожно, как будто та вот-вот взорвется.

– Как вы думаете, поставить это на лед?

– Поставить на... нет, только не в морозильную камеру. Поставьте в холодильник. Спасибо, Энни.

Энни скрылась на кухне, а Бри на какое-то время осталась в продуваемом насквозь холле, стараясь взять себя в руки перед тем, как найти Джема и Мэнди. Дети есть дети, они – самый чувствительный радар во всем, что касается родителей. Они уже знают, что между ней и Роджером пробежала кошка, и неожиданное исчезновение отца вряд ли поможет им чувствовать себя уютно и безопасно. Он хотя бы попрощался с ними? Сказал, что скоро вернется? Наверняка нет.

– Чертов эгоист, самодовольный... – пробормотала она.

Бри безуспешно попыталась найти подходящее определение, чтобы закончить фразу, но на ум пришло только «ублюдочный крысюк», и она невольно фыркнула от смеха. Не только из-за дурацкого оскорбления, но и от мрачного осознания, что она добилась чего хотела. В обоих случаях.

Конечно, Роджер не смог бы запретить ей выйти на работу, подумала Брианна, да и вообще, пройдет немного времени, неурядицы утрясутся, он все поймет и смирится с ее решением.

«Мужчины ненавидят перемены, – как-то между делом сказала ей мать. – Конечно, если не сами их затеяли. Но иногда можно заставить их поверить, что это их рук дело».

Возможно, нужно было быть не столь прямолинейной. Если уж не убеждать Роджера в том, что идея с выходом на работу принадлежит ему, то как минимум попытаться дать понять, что ее, Брианну, интересует его мнение. Это бы его подтолкнуло. Но Брианне не хотелось хитрить. Или применять дипломатию.

А что до того, как она поступила с Роджером... что ж, она слишком долго мирилась с его бездействием и только сейчас, устав терпеть, столкнула его со скалы. Сознательно.

– И мне ни капельки не стыдно! – сказала она вешалке.

Брианна медленно повесила пальто, еще немного потянула время, вытаскивая из карманов одежды использованные салфетки и смятые квитанции.

И все же, почему Роджер уехал? Назло ей, чтобы отомстить за то, что она решила выйти на работу? Или рассердился из-за того, что она назвала его трусом? Роджеру это очень не понравилось: глаза у него потемнели, и он едва не лишился голоса. Сильные эмоции душили Роджера в буквальном смысле – гортань немела, и он не мог говорить. Но Брианна обозвала его намеренно. Она знала его слабые места, а он знал о ее слабостях.

При мысли об этом Брианна невольно сжала губы, и тут же ее пальцы нащупали во внутреннем кармане жакета что-то твердое. Старая, потертая ракушка, выпуклая и гладкая, побелевшая от солнца и воды. Роджер подобрал ее на галечном берегу озера Лох-Несс и отдал Брианне.

– Чтобы ты в ней пряталась, – с улыбкой сказал он, но хриплый после травмы голос предательски дрогнул. – Когда тебе понадобится укромное место.

Брианна бережно сомкнула пальцы на раковине и вздохнула.

Роджер никогда не был мелочным. Он бы не уехал в Оксфорд – Брианна вспомнила, с каким возмущением Энни произнесла: «В Англию!» – и невольно улыбнулась, – только для того, чтобы ее позлить. Значит, у него была причина. Наверняка что-то произошло, когда они ссорились, и это немного беспокоило Брианну.

Ему пришлось преодолеть немало трудностей с тех пор, как они вернулись. Ей, конечно, тоже: болезнь Мэнди, решение о том, где жить, все детали перемещения семьи во времени и пространстве – этим они занимались вместе. Но кое с чем Роджеру пришлось бороться в одиночку.

Брианна росла единственным ребенком, так же как и Роджер, и прекрасно знала, каково это – замыкаться в себе. Но, черт возьми, что бы ни творилось у него в душе, оно буквально съедало его у нее на глазах. И если Роджер ничего ей не говорил, значит, он либо считал свои переживания слишком личными, чтобы поделиться (что раздражало Брианну, но она смирилась), либо думал о чем-то слишком тревожном и опасном, чтобы рассказать жене. А вот с этим, черт побери, она мириться не собиралась.

Пальцы стиснули ракушку, и Брианна заставила себя ослабить хватку, пытаясь успокоиться.

Она слышала голоса детей наверху, доносящиеся из комнаты Джема. Он что-то читал Мэнди... похоже, «Пряничного человечка». Брианна не слышала слов, но узнала сказку по ритму, в который врывались возбужденные возгласы Мэнди: «Убежав! Убежав!»

Не стоит им мешать. Она еще успеет сообщить, что папочка не придет ночевать. Может, если она невзначай скажет об этом, дети не расстроятся. Роджер никогда не покидал их с тех пор, как они вернулись, но пока они жили в Ридже, он часто уходил на охоту с Джейми или Йеном. Мэнди, конечно, не помнит, но Джем...

Брианна собиралась пойти в свой кабинет, но поймала себя на том, что шагает через коридор к открытой двери в кабинет Роджера. Это была старая «переговорная» комната: оттуда дядя Йен годами управлял делами поместья, а до него – отец, правда, очень недолго, а до отца – дед Брианны.

А теперь здесь был кабинет Роджера. Он спросил, хочет ли она занять эту комнату, но Брианна отказалась. Ей понравилась маленькая гостиная через коридор, с окном, полным солнца, и тенью от очень старой вьющейся желтой розы, которая украшала ту сторону дома цветами и ароматом. А еще Брианна просто чувствовала, что кабинет с чистым истертым деревянным полом и удобными, но обшарпанными полками должен принадлежать мужчине.

Роджеру удалось отыскать старинную, 1776 года, хозяйственную книгу; она лежала на верхней полке, и под потрепанным матерчатым переплетом хранились все, до последней мелочи, подробности жизни на шотландской ферме: одна четверть фунта пихтовых семян, племенной козел, шесть кроликов, тридцать мер семенного картофеля... Неужели это писал ее дядя? Брианна не знала, она никогда не видела его почерка.

Ей до дрожи хотелось узнать, вернулись ли ее родители в Шотландию – сюда, в Лаллиброх. Увидели ли они снова Йена и Дженни; сидел ли отец – будет ли сидеть? – вот в этом кабинете, вновь у себя дома, обсуждая дела поместья с Йеном? А мама? Из оброненных Клэр слов следовало, что они с Дженни были не в лучших отношениях, когда расстались, и Брианна знала, что мать сильно переживала из-за этого, ведь когда-то они крепко дружили. Возможно, все было поправимо, и, может, им и вправду удалось все наладить.

Брианна взглянула на деревянную шкатулку, которая стояла на верхней полке рядом с той самой хозяйственной книгой, и свернувшуюся рядом маленькую змейку из вишневого дерева. Поддавшись порыву, Брианна взяла змейку, находя какое-то утешение в гладких изгибах ее тельца и забавном выражении мордочки, оглядывающейся через несуществующее плечо, и невольно улыбнулась.

– Спасибо, дядя Вилли, – негромко произнесла она и почувствовала, как по телу пробежала легкая дрожь. Не от страха или холода, а от чего-то вроде сдержанного восторга.

Она часто видела эту змейку – в Ридже, а теперь и здесь, где вырезали фигурку, – но никогда не думала о ее создателе, старшем брате отца, умершем в одиннадцать лет. Он тоже был здесь, в вещах, созданных его руками, в комнатах, которые его знали. Когда Брианна попала в Лаллиброх в восемнадцатом веке, на верхней лестничной площадке висел его портрет – невысокий крепыш с рыжими волосами стоял, положив руку на плечо младшего брата, голубоглазого и серьезного.

Интересно, где сейчас эта картина? И другие картины, написанные бабушкой? Сохранился один автопортрет, который каким-то образом попал в Национальную портретную галерею, – не забыть бы отвезти детей в Лондон посмотреть на него, когда они подрастут! – но куда делись остальные? Была еще одна картина с изображением совсем юной Дженни Мюррей, кормившей ручного фазана с добрыми карими глазами, совсем как у дяди Йена. Бри улыбнулась воспоминанию.

Они поступили правильно. Приехали сюда, привезли детей... домой. И неважно, если им с Роджером придется приложить усилия, чтобы найти свое место. Бри подумала, что, возможно, ей не следует говорить за Роджера, и поморщилась.

Она еще раз посмотрела на шкатулку. Как жаль, что рядом нет родителей – хоть кого-то из них! Она бы рассказала о Роджере, спросила бы, что они думают по этому поводу. Не то чтобы ей нужен совет... Если честно, она просто хочет, чтобы ей сказали, что она поступила правильно.

С заливающимися краской щеками Брианна обеими руками взяла шкатулку и стащила вниз, чувствуя себя виноватой из-за того, что не дождалась Роджера, хотя они договаривались читать письма вместе. Но... ей так нужна мама, прямо сейчас. Брианна взяла верхнее письмо, конверт которого был надписан рукой матери.

*«Кантора газеты «L'Oignon»,
Нью-Берн, Северная Каролина
12 апреля 1777 года*

Дорогая Бри (конечно, и Роджер, и Джем, и Мэнди)!

Мы добрались до Нью-Берна без серьезных происшествий. Я так и слышу, как ты думаешь: «Серьезных?» Тем не менее это правда, хотя на дороге южнее Буна нас задержала парочка потенциальных бандитов. Учитывая, что им, вероятно, было лет девять и одиннадцать соответственно, а из оружия у них был лишь древний колесцовый мушкет, который наверняка разорвал бы их обоих на куски, сумеи они его запалить, – серьезная опасность нам не грозила. Ролло выскочил из фургона и сбил одного с ног, после чего второй бросил ружье и пустился наутек. Твой кузен побежал за ним и за шкурку притащил обратно. Твоему отцу пришлось потратить довольно много времени, чтоб добиться от них мало-мальски вразумительного ответа, но небольшое угощение творит чудеса. Они сказали, что их зовут Герман и – нет, серьезно! – Эрман.

Их родители погибли зимой: отец пошел на охоту и не вернулся, мать погибла при родах, а младенец умер через день, потому что мальчики не могли его накормить. Они никого не знают со стороны отца, но сказали, что девичья фамилия их матери была Кьюкендалл. К счастью, твой отец знает семейство Кьюкендалл неподалеку от Бейли-Кемп, так что Йен повел маленьких бродяжек туда, чтобы отыскать Кьюкендаллов и выяснить, смогут ли они приютить мальчишек. Если нет, то, думаю, он привезет их в Нью-Берн и мы постараемся пристроить их куда-нибудь подмастерьями или, возможно, возьмем их в Уилмингтон и определим в юнги.

У Фергуса, Масали и их детей, кажется, все хорошо, как со здоровьем – если не считать семейной склонности к росту аденоидов и самой большой бородавки из всех, что я когда-либо видела, на левом локте Жермена, – так и в финансовом отношении.

Не считая «Уилмингтонского вестника», «L'Oignon» – единственная регулярная газета в колонии, так что Фергусу работы хватает. А если учесть, что он еще печатает и продает книги и брошюры... В общем, дела у него идут очень хорошо. Теперь у их семьи есть две дойных козы, стая кур, свиньи и три мула, считая Кларенса, которого мы оставим им, когда уедем в Шотландию.

Из-за сложившихся обстоятельств и неопределенности («Это означает, – подумала Брианна, – что вы не знаете, кто и когда прочитает это письмо») я не стану уточнять, что он печатает помимо газеты. Сама по себе «L'Oignon» исключительно беспристрастна и публикует яростные разоблачения как лоялистов, так и тех, кто куда менее лоялен, а также сатирические стихи нашего доброго друга «Анонимуса» и памфлеты обеих сторон нынешнего политического конфликта. Я редко видела Фергуса таким счастливым. Некоторые люди находят себя во время войны, и, как ни странно, Фергус один из них.

Твой кузен Йен – тоже из таких, хотя в его случае, может, это и к лучшему, поскольку удерживает его от разных ненужных мыслей. Интересно, как встретит его мать? Впрочем, насколько я знаю Джесси, она начнет подыскивать ему жену, едва пройдет первое потрясение. Джесси весьма проникательна, и она такая же упрямая, как твой отец. Надеюсь, он об этом помнит.

Раз уж речь зашла о твоём отце – он часто отсутствует вместе с Фергусом, занимаясь мелкими «делами» (он не уточняет, чем именно, и это значит, что чем-то таким, из-за чего мои волосы побелеют ещё больше или совсем поседеют, если я узнаю). Ещё он расспрашивает торговцев о попутном корабле, но я думаю, что у нас будет больше шансов найти его в Уилмингтоне, куда мы отправимся, как только вернется Йен.

Тем временем я пометила территорию – в буквальном смысле. У входа в типографию Фергуса теперь висит моя табличка, на которой написано: «УДАЛЕНИЕ ЗУБОВ, ЛЕЧЕНИЕ СЫПИ, МОКРОТЫ И ЛИХОРАДКИ». Её смастерила Марсали. Она хотела добавить строку про оспу⁴⁴, но мы с Фергусом её отговорили. Он – из боязни, что это может навредить репутации его заведения, а я – из-за болезненного пристрастия к точности в рекламе, так как ровным счетом ничего не могу сделать с теми недугами, которые здесь называют оспой. А что касается мокроты... ну, с ней всегда можно что-нибудь сделать, хотя бы выпить чашку горячего чая (а сейчас это залитые кипятком корни сассафраса, котовника или Melissa) с толикой виски.

По дороге сюда я заглянула в Кросс-Крик к доктору Фентиману и купила у него несколько необходимых инструментов и некоторые лекарства, чтобы пополнить свою аптечку (за все пришлось отдать бутылку виски и восхититься последним пополнением его отвратительной коллекции засоленных диковинок – нет, ты не хочешь этого знать, правда, не хочешь. Хорошо, что он не видел бородавку Жермена, иначе сразу бы примчался в Нью-Берн и уже кружил бы с ампуточной пилой у типографии).

Мне по-прежнему не хватает хороших хирургических ножниц, но Фергус знает в Уилмингтоне ювелира по имени Стивен Морэй, и тот, как утверждает Фергус, может сделать пару ножниц по моему заказу. На данный момент я в основном удаляю зубы, поскольку цирюльник, который обычно этим занимался, утонул в ноябре прошлого года: пьяным свалился с пристани в воду.

С любовью, мама

P.S. Да, кстати, об «Уилмингтонском вестнике» – твой отец собирается зайти туда и попытаться выяснить, кто оставил то проклятое объявление о пожаре. Впрочем, мне грех жаловаться, если бы ты его не увидела, то никогда бы не вернулась в прошлое. И пусть в результате твоего возвращения произошло многое, чему бы лучше никогда не случаться, я никогда не буду сожалеть о том, что ты узнала своего отца, а он – тебя».

Глава 17

Чертенята

Эта тропа почти ничем не отличалась от остальных оленьих троп, которые им попадались, по крайней мере, начиналась она так же. Но все же было в ней нечто особенное, то, что подсказывало – здесь есть люди, а Йен уже давно привык к подобным предостережениям и редко обращал на них внимание сознательно. Не сделал он этого и сейчас, лишь дернул поводья Кларенса, заставив свою лошадь повернуть голову.

⁴⁴ Речь идет о сифилисе, одно из исторических названий которого – «Большая оспа».

– Чего это мы остановились? – подозрительно спросил Герман. – Здесь же ничего нет!

– Там наверху кто-то живет. – Йен указал подбородком на поросший лесом склон. – Тропа слишком узкая для лошадей. Мы привяжем их здесь и пойдем пешком.

Герман и Эрман молча обменялись скептическими взглядами, но слезли с мула и потащились за Йеном вверх по тропе.

Его начали одолевать сомнения: никто из тех, с кем он разговаривал на последней неделе, и слыхом не слыхивал о каких-либо Кьюкендаллах, а тратить время на дальнейшие поиски он уже не мог. Вообще-то, можно было взять маленьких дикарей с собой в Нью-Берн, но Йен понятия не имел, как они отнесутся к такому предложению.

Если на то пошло, Йен не имел ни малейшего представления, что у них на уме. Они были не застенчивыми, а скорее скрытными, все время перешептывались за его спиной, а когда он поворачивался, сразу замолкали, замыкались, как ракушки, и лишь молча смотрели на него с деланой кротостью, но Йен видел по их лицам, что они усиленно думают. Что же они замышляют?

Если пострелята надумают сбежать, решил Йен, он не станет догонять их слишком усердно. Но если они собираются украсть Кларенса и лошадь, пока он, Йен, спит, то это совсем другое дело.

Наверху они обнаружили хижину; из трубы вился дымок. У Германа был весьма удивленный вид, и Йен улыбнулся мальчугану.

– Я же говорю! – сказал Йен и окликнул хозяев.

Дверь со скрипом приоткрылась, и из щели высунулось дуло ружья. В глухомани нередко привечают незнакомцев подобным образом, и Йена это несколько не смутило. Он повысил голос и объяснил, в чем дело, выдвинув перед собой Германа и Эрмана как доказательство своих добрых намерений.

Дуло не убрали, но подняли с вполне определенной целью. Повинуясь инстинкту, Йен бросился на землю, дернув мальчишек за собой, и в тот самый миг над их головами прогрехотал выстрел. Скрипучий женский голос что-то выкрикнул на иностранном языке. Слов Йен не разобрал, но смысл понял, и потому, подняв мальчишек на ноги, торопливо повел их вниз по тропе.

– Я с ней жить не буду, – сообщил Эрман, прищурившись и бросая через плечо неприязненные взгляды. – Точно тебе говорю...

– Конечно, не будешь, – согласился Йен. – Поехали дальше, ладно?

Но Эрман встал как вкопанный.

– Мне надо поспать.

– Что? Давай тогда побыстрее.

Йен отвернулся, он еще раньше заметил, что мальчишки всегда тщательно прячутся, когда справляют нужду.

Меж тем Герман ушел вперед: спутанная копна грязных белокурых волос уже едва виднелась ярдах в двадцати вниз по склону. Йен однажды предложил мальчишкам подстричься, раз уж они не расчесываются, или хотя бы умыться в знак уважения к родне, которой, возможно, придется забрать их к себе, но оба предложения были встречены яростным отказом. Йен подумал, что, к счастью, ему не нужно следить за тем, чтобы маленькие паршивцы мылись. Да и, честно говоря, умывание не помогло бы им избавиться от вони, учитывая состояние одежды, которую они, видимо, не снимали несколько месяцев. По ночам Йен укладывал сорванцов спать с другой стороны костра, надеясь, что вши, которые у них так и кишели, не доберутся до него и Ролло.

Он задался вопросом, почему младшему мальчишке родители дали такое странное имя. Неужели только из-за того, что оно рифмовалось с именем старшего?

Оглушительный рев Кларенса вырвал Йена из раздумий. Он зашагал быстрее, коря себя за то, что оставил ружье притороченным к седлу. Ему просто не хотелось идти к дому вооруженным, вот и...

Снизу раздался пронзительный вопль, и Йен нырнул в заросли у тропы. Крик внезапно оборвался, и Йен стал спускаться так быстро, как только мог, не поднимая при этом шума. Пантера? Медведь? Нет, Кларенс тогда бы ревел словно бешеный, а сейчас он храпит и взвизгивает, как будто видит...

Кого-то знакомого.

Йен замер, притаившись за куртиной тополей. У него похолодело сердце.

Арч Баг повернул голову на едва слышный шорох.

– Выходи, парень, – велел он. – Я тебя вижу.

Он не лгал: старческие глаза уставились прямо на Йена, и тот медленно вышел из-за деревьев.

Арч забрал ружье Йена – оно висело у него через плечо. Одной рукой он сжимал горло Германа; лицо мальчишки налилось кровью от удушья, а ноги дергались в нескольких дюймах от земли, как у издыхающего кролика.

– Где золото? – напрямую спросил Арч.

Белые волосы старика были аккуратно завязаны, и, судя по всему, он вполне благополучно пережил зиму. Наверное, нашел, с кем перезимовать. Интересно, где? Может, в Браунсвилле? Чертовски плохо, если он рассказал Браунам о золоте, впрочем, старина Арч – стреляный воробей и не станет распускать язык с кем попало.

– Там, где ты его никогда не найдешь! – резко ответил Йен.

Он лихорадочно соображал, что делать: за поясом есть нож, но расстояние слишком велико, чтобы его метнуть, а если не долетит...

– Что тебе нужно от ребенка? – спросил Йен, пододвигаясь чуть ближе. – Он ничего тебе не сделал.

– Нет, зато, похоже, он кое-что значит для тебя.

Герман хрипло попискивал, ноги еще дергались, но уже медленнее.

– Да нет, он мне никто, – с деланой небрежностью произнес Йен. – Я лишь помогаю ему найти родню. Собираешься перерезать ему глотку, если я не скажу, где золото? Валяй, все равно ты от меня ничего не узнаешь.

Он не заметил, как Арч вытащил нож, но в правой руке старика появился клинок, который Арч держал неловко из-за недостающих пальцев, но, безусловно, сумел бы им воспользоваться.

– Ладно, – спокойно произнес Арч и приставил острие ножа к шее Германа.

Из-за спины Йена раздался пронзительный вопль, и Эрман наполовину пробежал, наполовину кубарем пролетел последние футы тропы. Арч озадаченно замер и поднял голову, Йен пригнулся, чтобы броситься на него, но Эрман его опередил.

Мальчишка налетел на Арча Бага и изо всех сил пнул его в голень, выкрикивая:

– Ах ты, старый мерзавец! Отпусти ее немедленно!

Старика, похоже, ошеломил не только увесистый пинок, но и смысл сказанного, однако он не выпустил Германа.

– Ее? – переспросил Арч, взглянув на свою жертву, а она – она? – улучив момент, повернула голову и яростно укусила старика за запястье.

Йен бросился вперед, но его снова опередил Эрман, который мертвой хваткой вцепился в ногу Арча и пытался ударить его кулачком по яйцам.

Свирепо зарывчав, Арч встряхнул едва стоящую на ногах девочку – если это действительно была девочка – и отшвырнул к Йену, а затем обрушил тяжелый кулак на голову Эрмана,

оглушив его. Арч стряхнул мальчишку со своей ноги, пнул с такой силой, что тот отлетел в сторону, повернулся и побежал прочь.

– Труди, Труди! – Герман бросился – нет, бросилась! – к брату, который лежал на прелой листве, хватая гром воздух, как выброшенная на берег форель.

Йен разрывался: ему хотелось броситься в погоню за Арчем, но в то же время он боялся, что Эрман сильно пострадал. К тому же и Баг уже исчез, скрылся в лесу. Сжав зубы, Йен присел и наскоро ощупал Эрмана. Крови не было, и мальчишка уже пытался дышать, сглатывая и хрипя, как дырявые кузнечные мехи.

– Труди? – спросил Йен у «Германа», который крепко обнимал Эрмана за шею.

Не дожидаясь ответа, Йен задрал рваную рубаху Эрмана, оттянул пояс слишком больших штанов, заглянул внутрь и тут же отпустил ребенка.

«Герман», выпучив глаза и прижав руки к промежности, вскочила – да-да, вскочила! – на ноги.

– Нет! – завопила она. – Я не позволю тебе совать в меня свой мерзкий член!

– Тебе не нужно со мной расплачиваться, – успокоил ее Йен. – Если это Труди... – он кивнул на Эрмана, который (нет, которая!) стояла на четвереньках и блевала в траву, – то как, черт подери, зовут тебя?

– Гермиона, – хмуро буркнула девочка. – А ее – Эрминтруда.

Йен провел рукой по лицу, пытаясь переварить услышанное. Сейчас он видел... нет, они по-прежнему походили на двух грязнущих чертенят, а не на маленьких девочек; прищуренные глазенки сверкали из-под сальных, свалывшихся волос. Скорее всего, девчушек придется обрить наголо, подумал он и понадеялся, что во время процесса его не будет рядом.

– Понятно, – сказал он, не придумав ничего лучше.

– У тебя есть золото? – спросила Эрминтруда, уняв рвоту. Девочка села, вытерла ладошкой рот и умело сплюнула. – Где?

– Если я не сказал ему, то с какой стати расскажу тебе? И вообще, лучше забудь об этом прямо сейчас, – строго сказал Йен, заметив, как взгляд девочки метнулся к ножу на его поясе.

Проклятье. И что теперь делать? Он отогнал от себя мысли о появлении Арча Бага – об этом можно подумать и позже – и медленно взьерошил волосы пятерней, размышляя. То, что они девчонки, ничего не меняет, но вот то, что они узнали о золоте... Йен подумал, что теперь побоится оставить их с кем бы то ни было, потому что, если он это сделает...

– Если ты нас бросишь, мы расскажем о золоте! – объявила Гермиона. – Мы не хотим жить в вонючей хижине. Мы хотим поехать в Лондон.

– Что? – Йен изумленно уставился на девочку. – Во имя всего святого, что ты знаешь о Лондоне?

– Наша мама оттуда родом.

Герман, нет, Гермиона закусил губу, дрогнувшую при упоминании о матери. Йен с интересом отметил, что раньше девочка никогда не говорила о матери, а уж тем более не проявляла открыто свою уязвимость.

– Она нам рассказывала, – продолжила Гермиона.

Йен фыркнул.

– А почему бы мне не прикончить вас собственными руками? – сердито спросил он.

К его удивлению, девочка улыбнулась, и он впервые увидел на ее лице хоть слегка приятную гримаску.

– Пес тебя любит, – ответила Гермиона. – Он бы тебя не любил, если бы ты убивал людей.

– Ты ошибаешься, – буркнул Йен и встал.

Ролло, который отлучался по своим делам, выбрался из кустов, деловито приносиваясь.

– И где тебя носило, когда ты был мне нужен? – требовательно осведомился Йен.

Ролло тщательно обнюхал место, где стоял Арч Баг, задрал лапу и помочился на куст.

– Думаешь, этот старый мерзавец убил бы Герми? – внезапно спросила младшая из девочек, когда Йен усаживал ее на мула позади сестры.

– Нет, – уверенно ответил Йен.

Однако, вскочив в седло, он задумался. У него возникло весьма неприятное чувство, что Арч Баг слишком хорошо понимает природу вины. Достаточно ли убить невинное дитя, чтобы он, Йен, почувствовал себя виноватым в его смерти? А Йен бы почувствовал, и Арч Баг это прекрасно знал.

– Нет, – твердо повторил Йен.

У Арча Бага хватало и мстительности, и злопамятности – и он имел на то полное право, напомнил себе Йен, однако монстром, как ни крути, старик не был.

И все же Йен заставил девчушек ехать впереди себя до тех пор, пока они не остановились на ночь.

* * *

Арч Баг исчез бесследно, но, пока они устраивались на ночлег, у Йена то и дело возникало ощущение, что за ним следят. Неужели старик все это время его преследовал? Похоже, так оно и было, не случайно же он на них натолкнулся.

Значит, Арч Баг вернулся к развалинам Большого дома, намереваясь забрать золото после отъезда дяди Джейми, только вот сокровище исчезло. На миг Йен задался вопросом, удалось ли Арчу прикончить белую свинью, но сразу же отмел это предположение: дядя говорил, что та тварь – исчадие ада, ее просто так не уничтожишь, и Йен охотно ему верил.

Он бросил взгляд на Ролло, который мирно дремал у его ног и ничем не показывал, что рядом кто-то чужой. Уши пса были настороженно приподняты. Йен немного расслабился, хотя и не расставался с ножом даже во время сна.

Конечно, не только из-за Арча Бага, ведь еще существовали и мародеры, и дикие звери. Йен взглянул на Трудю и Гермиону, которые лежали рядышком по другую сторону костра, закутавшись в его одеяло. Вот только девчушек там не оказалось. Одеяло взбили, чтобы создать видимость, будто под ним кто-то лежит, но внезапный порыв ветра откинул угол, и Йен убедился, что там никого нет.

Он в отчаянии закрыл глаза, потом открыл и посмотрел на пса.

– Почему ты ничего не сказал? – спросил он у Ролло. – Ты-то наверняка видел, как они сбежали!

– А мы не сбежали, – сообщил хриловатый голосок за его спиной.

Йен обернулся и увидел девчушек. Они обе сидели на корточках возле его седельной сумки и сосредоточенно копались в ней в поисках еды.

– Мы просто проголодались, – сказала Трудя, деловито набивая рот остатками лепешки.

– Я же вас накормил!

Он подстрелил несколько куропаток и запек их в глине. Не самое роскошное пиршество, но...

– А мы не наелись, – честно заявила Гермиона.

Она облизала пальцы и рыгнула.

– Вы что, выпили все пиво? – возмущился Йен, поднимая пустую керамическую бутылку, которая перекачивалась у ног девочки.

– Ммм-хмм, – сонно сказала она и неожиданно села.

– Нельзя воровать еду! – сурово произнес Йен, забирая у Трудю опустевшую седельную сумку. – Если вы съедите все сейчас, то нам придется голодать, пока я не... не доставлю вас туда, куда бы мы ни ехали, – почти неслышно закончил он.

– А если мы не поедем, то будем голодать сейчас, – резонно заметила Труды. – Лучше голодать потом.

– А куда мы направляемся?

Гермиона слегка покачивалась из стороны в сторону, словно маленький грязный цветок на ветру.

– В Кросс-Крик, – ответил Йен. – Это первый большой город на нашем пути, и я там кое-кого знаю.

А вот есть ли у него знакомые, которые могли бы помочь в сложившихся обстоятельствах... жаль, что нельзя обратиться к двоюродной бабушке, Иокасте. Живи она по-прежнему в поместье «Горная река», можно было бы оставить девчонок там, но Иокаста и ее муж Дункан переехали в Новую Шотландию. Была еще служанка Иокасты, Федра... Кажется, она работает в пивной в Уилмингтоне. Но нет, она не сможет...

– Такой же большой, как Лондон?

Гермиона легко опрокинулась на спину и легла, широко раскинув руки. Ролло поднялся, подошел к ней и обнюхал. Она захихикала – первый невинный звук, который услышал от нее Йен.

– Что с тобой, Герми?

Встревоженная Труды бросилась к сестре и присела рядом с ней на корточки. Ролло, который тщательно обнюхал Гермиону, переключил свое внимание на Труды, но та лишь оттолкнула любопытную морду пса. Меж тем Гермиона начала что-то фальшиво напевать себе под нос.

– С ней все в порядке, – заверил Йен, бегло взглянув на девочку. – Она просто немного опьянела. Это пройдет.

– А-а. – Успокоенная Труды села рядом с сестрой, обхватив колени. – Папа часто напивался. А еще орал и ломал все подряд.

– Правда?

– Угу. Однажды он сломал маме нос.

– О, – произнес Йен, не зная, что на это ответить. – Плохо.

– Думаешь, он умер?

– Надеюсь.

– И я тоже, – удовлетворенно сказала девочка.

Она зевнула так широко, что Йен почувствовал запах гнилых зубов с того места, где сидел, а Труды свернулась калачиком на земле, крепко обняв Гермиону.

Йен вздохнул, сходил за одеялом и накрыл их обеих, бережно подоткнув его под обмякшие тельца.

Он думал, что теперь делать. Недавний обмен словами почти походил на нормальный разговор, раньше они так не говорили, но Йен не обольщался, прекрасно понимая, что краткая попытка проявить дружелюбие не дотянет и до утра. Где бы найти кого-нибудь, кто захочет и сумеет с ними справиться?

Из-под одеяла послышалось негромкое сопение, словно пчела зажужжала крыльшками, и юноша невольно улыбнулся. Маленькая Мэнди, дочка Бри, издавала точно такой же звук, когда спала.

Ему приходилось держать на руках спящую Мэнди, как-то раз даже больше часа, и он смотрел на бьющуюся на шейке жилку и не хотел отпускать крошечное теплое тельце. Представлял с тоской и болью, сглаженными временем, свою собственную дочь. Она родилась мертвой, он никогда не видел ее лица. Йекса – называли ее могавки. «Малютка» – слишком маленькая, чтобы иметь имя. И все же имя у нее было – Ишебел. Так он ее назвал.

Йен завернулся в потрепанный плед, который дал ему дядя Джейми, когда он, Йен, решил стать могавком, и лег у костра.

Молись! Вот что посоветовали бы ему родители и дядя. Но Йен не знал, кому именно молиться или что говорить. Должен ли он обращаться к Иисусу Христу, или к Богородице, а может, к какому-нибудь святому? К духу красного кедра, что стоит за костром, как часовой, или к жизни, которая движется в лесу и шепчет что-то под ночным ветерком?

– *A Dhia, cuidich mi*⁴⁵, – наконец прошептал Йен в открытое небо и заснул.

Был ли это Бог или Йену ответила сама ночь, но на рассвете он проснулся с идеей.

* * *

Йен ожидал увидеть косоглазую горничную, но дверь открыла сама миссис Сильви. Она вспомнила его: в ее глазах мелькнула искорка узнавания и, как ему показалось, радости, но, конечно, все ограничилось улыбкой.

– Мистер Мюррей, – холодно и спокойно произнесла она, затем бросила взгляд вниз, и ее невозмутимость дала сбой.

Миссис Сильви поправила на носу очки в проволочной оправе, желая получше разглядеть тех, кто сопровождал Йена, потом подняла голову и с подозрением уставилась на юношу.

– Что это?

Йен ожидал подобной встречи и был к ней готов. Он молча поднял небольшой, плотно набитый мешочек, который приготовил заранее, и потряс, чтобы она услышала металлический звон.

От этого звука выражение лица миссис Сильви изменилось, она отошла в сторону, пропуская нежданных гостей в дом, но смотрела по-прежнему настороженно.

Впрочем, не так настороженно, как две маленькие дикарки – Йен все еще с трудом воспринимал их как девочек, – которые упирались до тех пор, пока он не взял обеих за тонкие шейки и не втокнул прямо в гостиную миссис Сильви. Они сели (вернее, их заставили сесть), но выглядели так, будто что-то замышляли, и Йен не сводил с них глаз, даже когда разговаривал с хозяйкой заведения.

– Горничные? – в полнейшем недоумении переспросила она, глядя на девочек.

Йен вымыл их прямо в одежде, насильно, за что был покусан. К счастью, ни один укус пока не воспалился. Правда, с волосами сделать ничего было нельзя, разве что обрезать, а Йен не собирался даже близко подходить к девчонкам с ножом – опасался поранить себя или их в процессе последующей борьбы. Они сидели и бросали свирепые взгляды сквозь спутанные патлы, совсем как горгульи – злобные и красноглазые.

– Ну, они не хотят быть шлюхами, – мягко сказал Йен. – Да и мне бы этого не хотелось. Конечно, нельзя сказать, что я лично не одобряю это занятие, – из вежливости добавил он.

Уголок рта миссис Сильви дернулся, она пристально и чуть весело взглянула на Йена сквозь очки.

– Рада это слышать, – сухо произнесла она и, опустив глаза, начала медленно, почти оценивающе, оглядывать его тело с ног до головы так, что Йену вдруг показалось, будто его окунули в кипяток. Глаза миссис Сильви вновь задержались на его лице и повеселели еще больше.

Йен закашлялся, представив со смесью смущения и вожделения несколько занимательных образов, которые хранились в его памяти со времени их прошлой встречи пару лет назад. С виду миссис Сильви была самой обычной женщиной за тридцать, ее лицо и манеры скорее подошли бы властной монахине, а не шлюхе. Однако под скромным коленкорovým платьем и муслиновым фартуком... она стояла всех потраченных денег, настоящая госпожа Сильви.

⁴⁵ Господи, помоги мне (*гэльск.*).

– Я ведь не прошу об услуге, – сказал Йен и кивнул на увесистый мешочек, который положил на столик возле своего стула. – Я подумал, что, может, вы возьмете их в подмастерья?

– Девочки-подмастерья. В борделе. – Слова миссис Сильви прозвучали не как вопрос, но уголок рта снова слегка дернулся.

– Для начала они могли бы стать прислугой. Вам же нужно, чтобы здесь убрали? Опорожняли ночные горшки и все такое? А если окажется, что они достаточно смышленные... – Йен, прищурившись, взглянул на девочек, и Гермiona показала ему язык. – Можно выучить их на кухарок. Или на швей. Да у вас тут, наверное, полно штопки. Рваные простыни и все такое?

– Скорее, рваные сорочки, – очень сухо сказала она, бросив взгляд на потолок, откуда доносился ритмичный скрип, свидетельствующий о присутствии клиента.

Девочки слезли с табуретов и рыскали по гостиной, как дикие кошки, настороженно изучая все подряд. Внезапно до Йена дошло, что они никогда не видели города, не говоря уже о приличном человеческом жилище.

Миссис Сильви подалась вперед, взяла мешочек и удивленно округлила глаза, почувствовав его тяжесть. Она развязала его, высыпала на ладонь горстку черной, покрытой жиром дробин и подняла взгляд на Йена. Тот молча улыбнулся, взял один шарик, с силой царапнул по нему ногтем большого пальца и бросил обратно в руку миссис Сильви. Процарапанная полоска сверкнула золотом на темном фоне.

Поджав губы, она снова взвесила мешочек.

– Все полностью?

По приблизительной оценке Йена, там было золота фунтов на пятьдесят, если не больше, половина того, что он вез с собой.

Он протянул руку и забрал у Гермiony фарфоровую статуэтку.

– Работенка будет не из легких, – сказал он. – Думаю, это справедливая плата.

– Я тоже так думаю, – согласилась миссис Сильви, наблюдая за Труди, которая без всякого стеснения сняла штаны и села облежаться в углу возле очага. С тех пор как секрет их половой принадлежности раскрылся, девочки перестали прятаться, справляя нужду.

Миссис Сильви позвонила в серебряный колокольчик, и обе девочки удивленно повернулись на звук.

– Почему я? – спросила она.

– Я больше не знаю никого, кто мог бы с ними справиться, – честно ответил Йен.

– Я весьма польщена.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся он. – Значит, по рукам?

Миссис Сильви тяжело вздохнула, разглядывая девочек, которые, сдвинув головы, о чем-то шептались, бросая в ее сторону взгляды, исполненные глубочайшей подозрительности. Вздохнув еще раз, женщина покачала головой.

– Похоже, я продешевила, но сейчас тяжелые времена.

– Неужели? В вашем-то бизнесе? Мне думается, что у вас всегда есть спрос.

Йен хотел пошутить, но миссис Сильви вдруг вызверилась.

– О, чего-чего, а клиентов у меня предостаточно, – сказала она, сузив глаза. – Только денег ни у кого нет, все на мели. Я-то возьму и курицу, и свиной бок, но у половины посетителей и этого нет. Они платят «прокламационными» деньгами, либо континентальными долларами, либо временными облигациями ополчения – хотите угадать, сколько стоят на рынке эти бумажки?

– Да я...

Но она уже закипела, как чайник, и, шипя, напустилась на Йена:

– Или вообще ничего не платят. Когда времена честные, то и люди в основном тоже.

Но прижми их чуть-чуть, и они перестают понимать, почему нужно платить за собственные удовольствия. В конце концов, мне же это ничего не стоит? И я не смею отказать, иначе они

все равно возьмут то, что хотят, а потом сожгут мой дом или навредят нам из-за моей несговорчивости. Полагаю, это вам ясно?

Горечь в ее голосе жалила, как крапива, и Йен сразу же отказался от почти созревшей мысли предложить ей скрепить сделку частным образом.

– Ясно, – ответил он как можно спокойнее. – Но ведь это и есть издержки вашей профессии, разве нет? И вы до сих пор процветаете.

Она на миг поджала губы.

– У меня был... покровитель. Джентльмен, который меня защищал.

– В обмен на...

На впалых щеках женщины вспыхнул яркий румянец.

– Не ваше дело, сэр!

– Неужели? – Он кивнул на мешочек в ее руке. – Раз уж я оставляю здесь своих... этих... ну, их... – Йен показал на девчушек, которые теребили шторы, мусоля пальцами ткань, – то, несомненно, имею право знать, не подвергаю ли я их опасности.

– Они девочки, – коротко ответила миссис Сильви. – Родились в опасности и проживут в ней всю свою жизнь, независимо от обстоятельств.

Ее рука крепче сжала мешочек, костяшки пальцев побелели. Йена впечатлила ее честность, учитывая, что, судя по всему, миссис Сильви отчаянно нуждалась в деньгах. Несмотря на ее злобу, он получал удовольствие от стычки.

– Значит, вы считаете, что жизнь мужчин не опасна? – поинтересовался он и тут же добавил: – Что случилось с вашим сутенером?

Кровь отхлынула от ее лица, и она побледнела, словно выбеленная кость. Глаза миссис Сильви пылали.

– Он был моим братом. – Ее голос упал до яростного шепота. – Сыны Свободы⁴⁶ облили его дегтем, вывалили в перьях и бросили умирать на моем пороге. А теперь, сэр, есть ли у вас еще вопросы касательно моих дел или мы договорились?

Прежде чем Йен придумал, что сказать в ответ, дверь открылась и вошла молодая женщина. Его словно обухом по голове ударили, земля ушла из-под ног, и в глазах побелело. Затем комната перестала качаться, и Йен понял, что снова может дышать.

Это была не Эмили. Молодая женщина с любопытством переводила взгляд с него на маленьких дикарок, завернувшихся в шторы. Она была наполовину индианкой, невысокой и грациозной; длинные, как у Эмили, густые волосы цвета воронового крыла свободно ниспадали на спину. Широкие, как у Эмили, скулы. Мягкий округлый подбородок. Но это была не Эмили.

«Слава богу!» – подумал Йен, но в то же время почувствовал внутри жуткую пустоту. Появление девушки пушечным ядром ударило его и прошло сквозь тело, оставив зияющую дыру.

Миссис Сильви что-то коротко велела девушке-индианке, указав на Гермину и Труди. Черные брови на миг поднялись, но она кивнула, улыбнулась девчушкам и позвала их на кухню перекусить.

Девочки мигом выпутались из штор: завтрак был уже довольно давно, да и тот состоял из овсяного толокна, разведенного водой, и нескольких кусочков вяленой медвежатины, жесткой как подошва.

Сестры пошли за индианкой к двери, не удостоив его взглядом. Уже на пороге Гермину она оглянулась, подтянула мешковатые штаны и, вперив в Йена испепеляющий взгляд, обличительно подняла длинный тощий указательный палец.

⁴⁶ Сыны Свободы (Sons of Liberty) – революционная американская организация, боровшаяся за самоопределение североамериканских колоний. Основана в 1765 году Сэмюэлем Адамсом.

– Ты, мудака, если в конечном итоге мы станем шлюхами, я тебя найду, отрежу твои яйца и затолкаю их тебе в задницу.

Собрав остатки достоинства, Йен откланялся и ушел, а в его ушах все звенели раскаты смеха миссис Сильви.

Глава 18

Удаление зубов

Нью-Берн, колония Северная Каролина. Апрель, 1777 г.

Ненавижу удалять зубы. Фигура речи, которая сравнивает нечто чрезвычайно трудное с вырыванием зубов, – отнюдь не гипербола. Даже в самой благоприятной ситуации – когда перед тобой взрослый человек с большим ртом и спокойным нравом, а больной зуб находится в верхней челюсти и спереди (то есть у него слабые корни и к нему легко подобраться), – дело это грязное, кровавое и в буквальном смысле зубодробительное. А чисто физическую непривлекательность занятия обычно сопровождает неизбежное чувство депрессии от возможного исхода.

Удалять пораженный абсцессом зуб необходимо, поскольку нарыв весьма болезнен, и из-за него бактерии могут попасть в кровоток и вызвать сепсис или даже смерть. Но вырвать зуб, не имея возможности его заменить, означает не только ухудшить внешность пациента, но и нарушить строение и работу ротовой полости. Отсутствие одного-единственного зуба приводит к смещению всех остальных, расположенных рядом, и изменяет прикус, что мешает как следует пережевывать пищу. А это, в свою очередь, сказывается на пищеварении пациента, его здоровье и перспективах на долгую счастливую жизнь.

«Впрочем, удаление даже нескольких зубов не сильно ухудшит состояние бедной девочки», – мрачно размышляла я, в очередной раз меняя положение в надежде получше рассмотреть зуб, которым сейчас занималась.

Она была не старше восьми-девяти лет, с узкой челюстью и выраженным неправильным прикусом – верхние зубы сильно выдавались вперед. Молочные клыки девочки вовремя не выпали, а за ними выросли постоянные, и две пары клыков придавали ей зловещий вид. Ко всему прочему у нее была необычайно узкая верхняя челюсть, из-за чего два растущих передних резца искривились так сильно, что их передние поверхности почти соприкасались.

Я дотронулась до нарывающего верхнего коренного зуба, и привязанная ремнями к стулу девочка дернулась, испустив пронзительный вопль, от которого возникло ощущение, будто мне под ногти загнали бамбуковые щепки.

– Йен, дай, пожалуйста, ей еще немного.

Я выпрямилась. Поясница ныла, словно ее зажали тисками. Уже несколько часов я работала в передней комнате типографии Фергуса, и маленькая мисочка у моего локтя до краев наполнилась окровавленными зубами, а толпа зевак за окном увлеченно наблюдала за действием.

Йен, как истинный шотландец, скептически фыркнул, но взял бутылку и, бормоча что-то ободряющее, двинулся к девочке, которая снова закричала при виде его татуированного лица и крепко сжала губы. Потеряв терпение, ее мать шлепнула малышку и, вырвав у Йена бутылку, вставила горлышко в рот дочери, а другой рукой зажала ей нос.

Глаза малышки округлились, как монетки, из уголков рта фонтаном брызнул виски, но худенькая шейка несколько раз дернулась, и девчушка начала глотать.

– Думаю, уже достаточно, – заметила я, несколько встревоженная количеством алкоголя, которое выпил ребенок.

Качество виски, который мы приобрели уже здесь, оставляло желать лучшего, и, хотя Джейми с Йеном его попробовали и пришли к выводу, что от него никто не ослепнет, я решила использовать этот виски исключительно в малых дозах.

Мать девочки хмыкнула, критически осматривая дочь, но бутылку не убрала.

– А вот теперь, полагаю, хватит.

Глаза ребенка закатились, напряженное маленькое тельце внезапно обмякло, откинувшись на спинку стула.

Мать убрала бутылку, аккуратно вытерла горлышко своим фартуком и, кивнув, вернула виски Йену.

Я торопливо проверила пульс и дыхание девочки, но, похоже, все было в порядке, по крайней мере пока.

– *Capre diem*⁴⁷, – пробормотала я, хватая зубные щипцы. – Или следует сказать «*capre vinorum*»? Йен, следи, чтобы она дышала.

Йен рассмеялся и, наклонив бутылку, смочил виски клочок чистой ткани, чтобы вытирать кровь и гной.

– Думаю, у тебя хватит времени не только на один зуб, тетушка. Ты можешь вырвать у бедной девчушки все зубы, и она ничего не почувствует.

– А это мысль! – сказала я, поворачивая голову ребенка. – Йен, принеси, пожалуйста, зеркало.

У меня было крошечное квадратное зеркальце, чтобы, если повезет, направлять в рот пациента солнечный свет. Сейчас свет, теплый и яркий, в изобилии лился через окно, но, к сожалению, его загораживали головы зевак, они прижимались к стеклу и мешали Йену направить солнечный зайчик туда, куда мне нужно.

– Марсали! – позвала я, на всякий случай держа палец на пульсе девочки.

– Да? – Вытирая тряпкой перемазанные чернилами руки, она вышла из задней комнаты, где очищала или, скорее, пачкала типографский шрифт. – Тебе снова нужен Анри-Кристиан?

– Если ты... или он... не против.

– Только не он! – уверила меня Марсали. – Он это обожает, маленький тщеславный поросянок! Джоан! Фелисите! Сходите за малышом, ладно? Он нужен на улице, у витрины.

Фелисите и Джоан, или, как называл их Джейми, адские кошечки, с радостью побежали за Анри-Кристианом: они любили его представления почти так же сильно, как он сам.

– Пошли, Пузырик! – позвала Джоан, придерживая дверь на кухню.

Анри-Кристиан поспешил наружу, переваливаясь с боку на бок на коротеньких кривых ножках. Румяное лицо сияло от удовольствия.

– Опля, опля, опля! – восклицал он, направляясь к двери.

– Наденьте на него шапочку! – крикнула Марсали. – А то ветер в уши надует!

День стоял солнечный, но ветреный, а у Анри-Кристиана легко простужались уши. У него была вязаная шерстяная шапочка в белую и голубую полоску, украшенная красными помпонами, которая завязывалась под подбородком. Брианна связала эту шапочку, и когда я ее увидела, то почувствовала, как сердце слегка сжалось от нежности и боли.

Девочки взяли Анри-Кристиана за руки – в последний миг Фелисите успела сдернуть с вешалки старую фетровую шляпу своего отца, чтобы собирать монетки, – и все трое вышли на улицу под радостные возгласы и свист толпы. Через окно я видела, как Джоан убрала с уличного стола выставленные книги, а Фелисите поставила на их место Анри-Кристиана. Улыбаясь во весь рот, он раскинул коротенькие сильные руки и изысканно поклонился сперва в одну сторону, потом в другую. Затем наклонился, уперся ладонями в столешницу и со сдержанной грацией встал на голову.

⁴⁷ Лови момент (лат.).

Я не стала смотреть все представление – большей частью оно состояло из танцев и брыканий вперемешку с кувырками и стойками на голове, но яркая личность Анри-Кристиана и его гномья фигурка придавали зрелищу милое очарование. Он моментально отвлек толпу от окна, как мне и хотелось.

– Давай, Йен, – велела я, возвращаясь к работе.

Под бликующим светом зеркальца дела пошли лучше, и я почти сразу ухватила зуб щипцами. Предстояло самое сложное: зуб был сильно разрушен, и я боялась, что, когда начну его выворачивать, он не выйдет целиком, а сломается. А уж если это произойдет...

К счастью, все обошлось. Раздался приглушенный треск, когда корни зуба выскочили из челюсти, и я уже держала крошечный белый предмет – не сломанный.

Мать девочки, которая напряженно следила за происходящим, вздохнула и немного ослабилась. Девочка тоже вздохнула и раскинулась на стуле. Я еще раз проверила ее состояние: пульс ровный, разве что дыхание стало поверхностным. Наверняка она проспит до...

И тут меня осенило.

– Знаете, – нерешительно обратилась я к матери малышки, – я могу вырвать еще один или два зуба, и ей не будет больно. Вот, взгляните... – Я отодвинулась, жестом приглашая женщину посмотреть. – Вот эти... – Я коснулась невыпавших молочных клыков. – Их нужно срочно удалить, чтобы зубы за ними встали на свое место. И вы же видите передние резцы... Я удалила верхний передний коренной слева, а если удалю такой же справа, то, возможно, ее зубы слегка сместятся, чтобы заполнить пустое пространство. А если вам удастся убедить девочку нажимать языком на передние зубы всякий раз, когда она об этом вспомнит...

Разумеется, это было трудно назвать ортодонтией, к тому же опасность заражения слегка увеличивалась, но мне безумно хотелось это сделать: бедный ребенок выглядел как летучая мышь-людоед.

– Х-м-м, – протянула мать девочки, хмуро взглядываясь в ее рот. – Сколько вы мне за них заплатите?

– Сколько?.. Вы хотите, чтобы я вам заплатила?

– Это прекрасные, крепкие зубы, – тут же ответила мать. – Зубодер в порту наверняка даст по шиллингу за штуку. А Глории нужны деньги для приданого.

– Приданого? – удивленно повторила я.

Мать пожала плечами.

– Ну, за красоту-то бедняжку вряд ли кто возьмет.

Мне пришлось признать, что это правда: даже не беря в расчет ужасное состояние зубов девчушки, назвать ее внешность заурядной уже было бы комплиментом.

– Марсали! – позвала я. – У тебя есть четыре шиллинга?

Золото, вшитое в подол юбки, тяжело качнулось у моих ног, но сейчас я не могла его использовать.

Марсали удивленно отвернулась от окна, через которое приглядывала за Анри-Кристианом и девочками.

– У меня нет наличных.

– Все в порядке, тетушка, у меня есть немного денег.

Йен положил зеркальце, полез в спорран и вытащил оттуда пригоршню монет.

– И учтите, – сказал он, устремив на женщину тяжелый взгляд, – за здоровый зуб вы больше трех пенсов не получите... и не больше пенни за молочный, точно вам говорю.

Женщина высокомерно посмотрела на него, нисколько не смущаясь.

– Вот ведь сквалыга шотландец! – сказала она. – Пусть и татуированный, что твой дикарь. Тогда по шестипенсовику за зуб, ты, крохобор!

Йен широко улыбнулся, показывая собственные зубы, которые хоть и были чуточку неровными, все же находились в превосходном состоянии.

– Хотите отнести малышку к набережной, чтобы тамошний живодер разодрал ей рот в клочья? – любезно спросил он. – Она как раз к тому времени проснется, вы же понимаете. Крику-то будет... Три.

– Йен! – сказала я.

– Нет, тетушка, я не позволю ей тебя обмануть. Мало того что она хочет, чтобы ты выдернула девочке зубы задаром, так еще требует денег за оказанную честь!

Мое вмешательство приободрило женщину, она выставила вперед подбородок и повторила:

– Шесть пенсов!

Подошла Марсали, привлеченная перепалкой, и заглянула в рот девочки.

– Меньше чем за десять фунтов вы ей мужа не найдете! – напрямик сказала она женщине. – С такой-то внешностью. Мужчина испугается, что она его покусает, когда он будет ее целовать. Йен прав. На самом деле это вы должны заплатить двойную цену!

– Вы же согласились заплатить, когда пришли сюда, так ведь? – нажимал Йен. – Два пенса за то, чтобы выдернуть зуб, и моя тетя уступила только из жалости к ребенку!

– Кровопийцы! – воскликнула женщина. – Точно говорят, вы, шотландцы, медяки с глаз покойника заберете!

Я поняла, что все это надолго: и Йен, и Марсали явно настроились приятно провести время, торгуясь с женщиной. Вздохнув, я забрала у Йена зеркальце. Клыки я выдерну и без подсветки, а к тому времени, когда займусь верхним коренным справа, Йен, возможно, снова сосредоточится на работе.

Честно говоря, клыки особой трудности не представляли: молочные зубы, почти без корней, да еще готовые в любую минуту выпасть... наверняка я смогла бы их вытащить пальцами. Быстрый поворот на каждый зуб, и они выскочили, десны почти не кровоточили. Довольная, я промокнула ранки тампоном, смоченным виски, и стала думать, как подступиться к коренному.

Он находился с другой стороны рта; если я наклоню голову ребенка назад, то у меня будет достаточно света и без зеркала. Я взяла руку Йена – он был так занят спором, что ничего не заметил, – положила на лоб девочки, чтобы удерживать голову, и осторожно наложила щипцы.

На миг перед светом мелькнула какая-то тень, потом исчезла... и вновь появилась, полностью загородив свет. Я сердито оглянулась и увидела весьма элегантного джентльмена, который с любопытством заглядывал в окно.

Я бросила на него недовольный взгляд и жестом велела отойти. Он моргнул, кивнул, извиняясь, и шагнул в сторону. Я не стала дожидаться дальнейших помех, наклонилась, крепко взялась за зуб и удачно выкрутила его одним движением.

Довольно напевая себе под нос, я капнула виски на кровоточащую ранку, затем наклонила голову девочки в другую сторону, осторожно прижала тампон к десне и выдавила гной из нарыва. Вдруг я почувствовала, что безвольно качающаяся шейка ребенка как-то странно обмякла, и замерла.

Йен тоже это почувствовал и, замолчав на полуслове, бросил на меня озадаченный взгляд.

– Развяжи ее, – велела я. – Быстро!

Он тут же высвободил девочку из ремней, а я подхватила ее под мышки и уложила на пол. Голова малышки болталась, как у тряпичной куклы. Не обращая внимания на встревоженные восклицания Марсали и матери девочки, я отклонила голову девочки назад, вытащила изо рта тампон, зажала пальцами ее нос, прижалась ртом к ее губам и начала делать искусственное дыхание.

Как будто надуваешь маленький тугой воздушный шарик: неподатливость, сопротивление и, наконец, грудь поднимается. Только вот ребра не растягиваются, как резина, и вдувать воздух не становится легче.

Пальцы другой руки я держала на шейке девочки, отчаянно пытаюсь нащупать пульс на сонной артерии. Вот... Нет? Да, вот он! Ее сердечко все еще билось, хотя и очень слабо.

Вдох. Пауза. Вдох. Пауза... Я почувствовала едва заметный выдох, потом худенькая грудь немного поднялась. Я ждала, слыша, как в ушах колотится кровь, но грудь больше не двигалась. Вдох. Пауза. Вдох...

Грудь снова шевельнулась и теперь уже продолжила подниматься и опускаться самостоятельно. Я села на пятки, тяжело дыша; на лице выступил холодный пот.

Мать девочки уставилась на меня, открыв рот. Словно в тумане, я невольно отметила, что ее зубы в довольно хорошем состоянии. Один бог знает, как выглядел ее муж.

– С ней... она... – неуверенно сказала женщина, моргая и переводя взгляд с меня на свою дочь.

– С ней все в порядке, – решительно сказала я и медленно встала, чувствуя, что у меня кружится голова. – Только она не сможет идти, пока не выветрится виски. Думаю, все будет хорошо, но у нее опять может случиться остановка дыхания. Кто-то должен присмотреть за ней, пока она не очнется. Марсали?

– Да, я положу ее на выдвижную кровать, – ответила Марсали, подходя ближе, чтобы взглянуть. – А, вот и вы... Джоани, присмотришь за бедной девочкой? Ей нужно немного полежать в твоей кроватке.

Раскрасневшиеся дети зашли домой, хихикая и неся полную шляпу мелких монет и пуговиц, но, когда увидели на полу девочку, тут же подбежали посмотреть.

– Опля! – сказал пораженный Анри-Кристиан.

– Она умерла? – деловито спросила Фелисите.

– Если бы она умерла, маман не просила бы меня за ней присмотреть, – резонно заметила Джоани. – Она же не заблуждает мою постель, да?

– Я подложу полотенце, – пообещала Марсали, наклоняясь, чтобы поднять маленькую девочку. Йен ее опередил и бережно поднял ребенка.

– Тогда мы возьмем с вас два пенса, – сказал он матери. – Зато отдадим все зубы бесплатно, идет?

Женщина ошарашенно кивнула и вслед за толпой направилась в заднюю часть дома. Я услышала топот множества ног, которые поднимались по лестнице, но сама никуда не пошла: мои собственные ноги стали как ватные, и я неожиданно села.

– С вами все хорошо, мадам?

Я подняла голову и увидела элегантного незнакомца, который вошел в типографию и с любопытством глядел на меня.

Взяв полупустую бутылку виски, я сделала большой глоток. Жидкость со вкусом горелых костей обожгла горло. Я несколько раз хрипло выдохнула, хотя и не закашлялась; на глаза навернулись слезы.

– Все хорошо, – присипела я. – Просто великолепно. – Я рукавом вытерла слезы. – Что вам угодно?

Незнакомец едва уловимо улыбнулся. Похоже, его забавляло происходящее.

– Зуб мне вырывать не нужно, и это, возможно, к лучшему для нас обоих. Однако... вы позволите? – Он вытащил из кармана плоскую серебряную фляжку, протянул мне и сел. – Полагаю, этот напиток чуть лучше подкрепит ваши силы, чем... тот.

Я открыла фляжку, и оттуда, подобно джинну, выплыл насыщенный аромат превосходного бренди.

– Спасибо, – коротко поблагодарила я и, закрыв глаза, выпила. – В самом деле, огромное спасибо, – добавила я секундой позже, когда открыла глаза.

И правда, подкрепляющий напиток. Тепло собралось в центре моего тела и оттуда, словно дым, заструилось по конечностям.

– Всегда к вашим услугам, мадам, – сказал незнакомец и улыбнулся.

Он определенно был франтом, да еще далеко не бедным: его костюм щедро украшали роскошные кружева, на жилете блестели позолоченные пуговицы, и все это дополнял напудренный парик и две черные шелковые мушки на лице – звездочка у левой брови и вздыбленный конь на правой щеке. «Мда, такой наряд нечасто встретишь в Северной Каролине, особенно в эти дни», – подумала я.

Несмотря на все украшения, он был красивым мужчиной. Лет сорока или около того, с мягкими темными глазами, в которых светился юмор, и утонченным, чувственным лицом. По-английски незнакомец говорил очень хорошо, хотя и с явным парижским акцентом.

– Имею ли я честь обращаться к миссис Фрэзер?

Судя по взгляду, он заметил мою возмутительно непокрытую голову, но из вежливости ничего не сказал.

– Ну да, – неуверенно произнесла я. – Возможно, я не та, кого вы ищете. Мою невестку тоже зовут миссис Фрэзер, они с мужем – владельцы этой типографии. Если вам нужно что-нибудь напечатать...

– Миссис Джеймс Фрэзер?

Я инстинктивно замолчала, но выбора не было, пришлось ответить.

– Да, это я. Вы ищете моего мужа? – осторожно спросила я.

Люди искали Джейми по разным причинам, и далеко не всегда было желательно, чтобы они его нашли.

Незнакомец улыбнулся, возле глаз появились симпатичные морщинки.

– Совершенно верно, миссис Фрэзер. Капитан моего корабля сказал, что мистер Фрэзер приходил к нему сегодня утром, спрашивал, не берет ли он пассажиров.

У меня подпрыгнуло сердце.

– О, так у вас есть корабль, мистер...

– Бошан, – сказал он, взял мою руку и с изяществом поцеловал. – Персиваль Бошан, к вашим услугам, мадам. Да, у меня есть корабль... он носит имя «Охотница».

Мне показалось, что мое сердце остановилось, но нет, оно забилося с громким стуком.

– Бошан, – повторила я. – Бичем?

Незнакомец произносил свою фамилию на французский манер, но, услышав «Бичем», кивнул и улыбнулся еще шире.

– Да, так эту фамилию произносят англичане. Вы сказали, ваша невестка... значит, мистер Фрэзер, хозяин типографии, приходится вашему мужу сыном?

– Да, – машинально ответила я.

«Не будь дурочкой, – выругала я себя. – Это имя не такое уж и редкое. Скорее всего, он не имеет никакого отношения к твоей семье!» И все же... Англо-французские связи. Я знала, что семья моего отца перебралась в Англию из Франции в восемнадцатом веке, но больше ничего мне не было известно. Я заворожено уставилась на мистера Бичема: есть ли в его лице что-либо знакомое? Хоть какая-то черточка, которую можно было бы сравнить с моими смутными воспоминаниями о родителях и с более яркими – о дяде.

Кожа белая, как у меня, но, с другой стороны, почти все аристократы могут похвастаться бледностью, потому что усиленно прячут лица от солнца. Глаза у него гораздо темнее моих и очень красивые, но другой формы: круглее. Брови... Были ли у дяди Лэмба брови такой же формы? Густые и тяжелые у переносицы, разлетающиеся от нее изящными арками?

Меня настолько поглотила эта головоломка, что я не услышала, что он сказал.

– Простите, не расслышала.

– Маленький мальчик, – повторил Бичем, кивнув на дверь, за которой скрылись дети. – Он кричал «Опля!», как французские бродячие артисты. У вашей семьи есть родственники или друзья во Франции?

Я ощутила запоздалую тревогу, волосы на руках встали дыбом от смутного беспокойства.

– Нет, – сказала я, пытаюсь удержать на лице вежливо-недоуменное выражение. – Скорее всего, он просто от кого-то услышал это слово. В прошлом году небольшая труппа французских акробатов колесила по обеим Каролинам.

– А, наверно, так оно и есть. – Он подвинулся ближе, не сводя с меня темных сосредоточенных глаз. – А вы сами их видели?

– Нет. Мы с мужем... здесь не живем, – торопливо закончила я и чуть было не сказала, где мы жили, но не знала, что ему известно – если вообще известно! – об обстоятельствах Фергуса.

Бичем снова сел, поджав губы с легким разочарованием.

– Как жаль! Я подумал, что джентльмен, которого я ищу, мог бы входить в эту труппу. Хотя, скорее всего, вы вряд ли узнали бы имена артистов, даже если бы их видели, – подумав, добавил он.

– Вы кого-то ищете? Француза?

Я взяла миску с окровавленными зубами и стала их перебирать с деланным безразличием.

– Да, человека по имени Клодель. Он родился в Париже... в борделе, – уточнил Бичем слегка извиняющимся тоном – он ведь использовал при мне такое неприличное слово. – Сейчас ему, должно быть, чуть за сорок, возможно, сорок один или сорок два.

– Париж, – повторила я, прислушиваясь, не спускается ли по лестнице Марсали. – А с чего вы взяли, что сейчас он в Северной Каролине?

Бичем изящно пожал плечом.

– Вполне возможно, что его здесь нет. Я точно знаю лишь то, что лет тридцать назад его забрал из борделя шотландец, которого все описывали как мужчину весьма впечатляющей внешности: очень высокий, с роскошными рыжими волосами. А вот дальше мнения расходятся... – Он криво улыбнулся. – Чего только не говорили мне про Фрэзера! Он-де и вино-торговец, и якобит, и лоялист, и предатель, и шпион, и аристократ, и фермер, и импортер... или контрабандист, что почти одно и то же. И что у него обширные связи, от монастыря до королевского двора.

Я подумала, что это исключительно точное описание Джейми, и стало ясно, почему Джейми так трудно по нему найти. Хотя, с другой стороны... Вот же он, Бичем, сидит передо мной...

– Я нашел виноторговца Майкла Мюррея, который, услышав это описание, сказал, что оно напоминает его дядю, некоего Джеймса Фрэзера, переехавшего в Америку более десяти лет назад. – Темные глаза стали серьезными и пристально уставились на меня. – Однако, когда я поинтересовался ребенком по имени Клодель, месье Мюррей самым решительным образом заверил меня, что ничего о нем не знает.

– Неужели?

Я взяла большой коренной зуб, пораженный кариесом, и, прищурившись, начала его рассматривать.

Иисус твою Рузвельт Христос. Я знала Майка только по имени: он был одним из старших братьев Йена-младшего и родился после моего отъезда, а к тому времени, когда я вернулась в Лаллиброх, он уже перебрался во Францию, чтобы получить там образование и заняться виноторговлей вместе с Джаредом Фрэзером, старшим и бездетным кузеном Джейми. Само собой, Майкл, который вырос в Лаллиброхе вместе с Фергусом, чертовски хорошо знал его настоящее имя. Он явно что-то заподозрил или почуял неладное в манере поведения незнакомца и встревожился.

– Вы хотите сказать, что проделали весь долгий путь в Америку, зная только имя человека и то, что у него рыжие волосы? – спросила я, стараясь изобразить легкую недоверчивость. – Бог мой... вы, должно быть, очень хотите найти этого Клоделя!

– Так и есть, мадам. – Он посмотрел на меня с легкой улыбкой и слегка наклонил голову. – А скажите, миссис Фрэзер, у вашего мужа рыжие волосы?

– Да, – ответила я. Нет смысла отрицать очевидное, тем более что любой в Нью-Берне мог бы сказать об этом Бичему. И, скорее всего, уже сказали, подумала я. – Впрочем, как и у большинства его родственников, да и у половины населения Шотландского высокогорья.

Серьезное преувеличение, но я была уверена, что сам мистер Бичем ту местность не прочесывал.

Сверху донеслись голоса; Марсали могла в любую минуту спуститься вниз, а мне не хотелось, чтобы она вошла посреди именно этого разговора.

– Что ж, – произнесла я и решительно встала. – Думаю, вы хотите поговорить с моим мужем, как и он с вами. Но сейчас он уехал по делам и не вернется до завтра. Вы где остановились?

– В «Королевской гостинице», – ответил он, тоже поднимаясь со стула. – Мадам, передайте, пожалуйста, своему мужу, чтобы он меня там нашел. Благодарю вас.

Он низко поклонился и снова поцеловал мою руку, затем улыбнулся и вышел из типографии, оставив за собой аромат иссопа и бергамота, смешанный с запахом превосходного бренди.

* * *

Многие торговцы и деловые люди покинули Нью-Берн из-за полной неразберихи в политической ситуации: гражданские власти бездействовали, и общественная жизнь, за исключением самых простых торговых операций, остановилась. Люди – как сторонники короля, так и сочувствующие мятежникам, – уезжали из Нью-Берна, опасаясь насилия. В городе осталось лишь две приличные гостиницы, одной из них была «Королевская гостиница», а другой – «Уилзи-Армз». К счастью, мы с Джейми сняли комнату в последней.

– Ты пойдешь к нему?

Я только что закончила рассказывать Джейми о визите мсье Бичема, и между бровями мужа залегла глубокая морщина тревоги.

– Господи, откуда он все это узнал?

– Он знал, что Фергус жил в борделе, вот с него и начал расспросы. Полагаю, ему не составило особого труда найти тех, кто тебя видел или слышал о том происшествии. В конце концов, тебя нелегко забыть. – Несмотря на тревогу, я улыбнулась, вспомнив, как двадцатипятилетний Джейми, вооруженный (совершенно случайно!) огромной колбасой, нашел временное пристанище в борделе, а потом сбежал оттуда, прихватив с собой десятилетнего карманника Клоделя, который время от времени приторговывал телом.

Слегка смутившись, Джейми пожал плечами.

– Ну да, наверное. Но он слишком много знает... – Джейми в раздумье почесал голову. – Что же до разговора с ним... сперва я потолкую с Фергусом. Думаю, нам захочется узнать чуть больше об этом мсье Бичеме, прежде чем мы ему представимся.

– Я бы тоже хотела узнать о нем побольше, – сказала я. – Меня вот что интересует, может... Хотя вряд ли, имя довольно распространенное... Но все равно любопытно, вдруг он приходится мне дальним родственником. Насколько я знаю, в восемнадцатом веке мои предки действительно жили во Франции, но это все, что мне известно.

Джейми улыбнулся.

– А что бы ты сделала, саксоночка, если бы он и вправду оказался твоим предком?

– Я...

Не договорив, я замолчала, потому что понятия не имела, как бы поступила в этом случае.

– Скорее всего, ничего, – признала я. – Да и в любом случае, вряд ли нам удастся это выяснить, ведь я не помню, как звали моих прапрадедов, даже если когда-то и знала. Просто... просто было бы интересно узнать побольше, вот и все, – смущенно, будто защищаясь, закончила я.

– Само собой, тебе бы хотелось узнать побольше, – согласился он. – Но только если мои расспросы не подвергнут Фергуса опасности, так ведь?

– Что ты, конечно! Но как ты...

В дверь тихо постучали, и я замолчала. Подняв брови, бросила взгляд на Джейми, который, немного помешкав, пожал плечами и открыл дверь.

Комнатка была такой маленькой, что со своего места я без труда увидела, кто пришел. К моему удивлению, в дверях была целая компания женщин, а коридор превратился в море белых чепцов, которые подрагивали в полумраке, словно медузы.

– Мистер Фрэзер? – Один из чепцов коротко качнулся. – Я... меня зовут Эбигейл Белл. Мои дочери. – Она повернулась, и я мельком увидела застывшее бледное лицо. – Лиллиан и Мириам. – Другие два чепца (да, их оказалось всего три) тоже качнулись. – Можно с вами поговорить?

Джейми кивнул, пригласил их в комнату и зашел за ними, подняв брови и глядя на меня.

– Моя жена, – сказал он, кивнув в мою сторону, пока я вставала, бормоча приветствия.

В комнате были только кровать и стул, так что нам всем пришлось стоять, неловко улыбаясь и кивая друг другу.

Невысокая и довольно плотная миссис Белл, похоже, когда-то была такой же хорошенькой, как ее дочери. Но сейчас некогда пухлые щечки обвисли, словно она внезапно похудела, а кожа от волнений покрылась морщинками. У дочерей тоже был встревоженный вид: одна из них теребила свой передник, а другая искоса поглядывала на Джейми из-под опущенных ресниц, будто боялась, что он расвирепееет, если смотреть на него прямо.

– Прошу прощения, сэр, что мы заявились без приглашения. – Губы миссис Белл дрожали, ей пришлось на миг их сжать и только потом продолжить: – Я слышала, вы ищете корабль, который направляется в Шотландию.

Джейми настороженно кивнул, явно прикидывая, откуда женщина об этом узнала. Похоже, он оказался прав, когда сказал, что через пару дней это станет известно всему городу.

– Вы знаете кого-то, кто туда собирается? – вежливо спросил он.

– Нет, не совсем. Я... то есть... возможно... дело в моем муже, – проговорила она.

Тут голос женщины дрогнул, и она прикрыла рот подолом фартука. Одна из дочерей, темноволосая, ласково взяла мать под локоть и отвела в сторону, чтобы самой встретиться лицом к лицу с ужасающим мистером Фрэзером.

– Мой отец в Шотландии, мистер Фрэзер, – сообщила она, – и мама надеется, что, возможно, вы его там найдете и поможете ему вернуться к нам.

– А кто ваш отец? – спросил Джейми.

– О, мистер Ричард Белл из Уилмингтона, сэр. – Девушка торопливо сделала книксен, как будто дополнительная вежливость могла помочь в ее деле. – Он... он был...

– Он и сейчас есть! – вполголоса, но категорично прошипела ее сестра, и первая, темненькая, бросила на нее сердитый взгляд.

– Отец занимался торговлей в Уилмингтоне, мистер Фрэзер. У него были обширные деловые связи, и в интересах бизнеса он поддерживал связь со многими британскими офицерами, которые покупали у него разное снаряжение и припасы. Это были исключительно деловые контакты! – заверила его девушка.

– Но в такие ужасные времена бизнес перестает быть просто бизнесом. – Миссис Белл взяла себя в руки и встала рядом с дочерью. – Они сказали... враги моего мужа... они пустили слух, что мой муж – лоялист.

– Так оно и было! – вставила вторая сестра. Эта девушка, светловолосая и голубоглазая, не дрожала. Подняв подбородок и сверкая глазами, она смотрела в лицо Джейми. – Мой отец был верен своему королю! И я, во-первых, не думаю, что за это нужно оправдываться или извиняться! А во-вторых, считаю неправильным делать вид, что отец не был лоялистом, только для того, чтобы получить помощь человека, который нарушил все возможные клятвы...

– Ох, Мириам! – сердито перебила ее сестра. – Неужели ты не могла помолчать хотя бы секунду? Теперь ты все испортила!

– Ничего подобного! – огрызнулась Мириам. – А даже если и так, то все равно из этого бы ничего не вышло! С какой стати он бы нам...

– Да все бы получилось! Мистер Форбс сказал...

– Зануда он, твой мистер Форбс! Ему-то откуда знать!

Миссис Белл тихонько застонала в свой фартук.

– Почему ваш отец уехал в Шотландию? – спросил Джейми, чтобы прекратить неразбериху.

Вопрос захватил Мириам врасплох, и она ответила:

– Он не уехал. Его похитили на улице и бросили на корабль, который направлялся в Саутгемптон.

– Кто? – удивилась я, пробираясь к двери через непроходимое море юбок. – И зачем?

Высунув голову в коридор, я увидела мальчишку, который чистил обувь на верхней площадке, и жестами велела ему спуститься в таверну и принести кувшин вина. Судя по тому, в каком состоянии сейчас Беллы, подумала я, самое время вернуться к принятым в обществе любезностям.

Я вернулась обратно в комнату, когда миссис Лиллиан Белл говорила, что они не знают похитителей отца.

– По крайней мере, их имена, – сказала она, и ее лицо вспыхнуло от ярости. – Злодеи натянули на лица капюшоны, но это были Сыны Свободы, я точно знаю!

– Да, это они, – решительно заявила мисс Мириам. – Они и раньше ему угрожали: прикрепляли к двери записки, подбросили на крыльцо дохлую рыбу, завернутую в красную тряпку... И все в таком роде.

В прошлом августе недруги от угроз перешли к делу. Мистер Белл направлялся к своему складу, когда из переулка выбежали несколько человек в капюшонах, схватили его и оттащили в порт, где швырнули на корабль, который тут же снялся с якоря и медленно отчалил, лоя парусами ветер.

Я слышала, что неугодных лоялистов «депортируют» таким манером, но никогда раньше не сталкивалась ни с чем подобным.

– Если корабль направлялся в Англию, – поинтересовалась я, – то как ваш отец попал в Шотландию?

Возникла небольшая сумятица, когда все три леди одновременно попытались объяснить, что произошло, но вновь победила Мириам.

– Разумеется, отец прибыл в Англию без гроша в кармане, из всего имущества только то, что было на нем, да еще и задолжал за проезд на корабле и еду. Но в пути он подружился с капитаном, который взял его из Саутгемптона в Лондон, где у отца нашлись знакомые: он с ними водил дела в прошлом. Один из них дал отцу взаймы денег, чтобы вернуть долг капитану, и пообещал оплатить дорогу в Джорджию, если папа присмотрит за грузом, который должны были отправить в Америку через Вест-Индию. Корабль отплывал из Эдинбурга, и потому отец

отправился туда при содействии своего покровителя, но в Эдинбурге выяснилось, что груз, который нужно забрать в Вест-Индии, – это полный трюм негров.

– Мой муж – аболиционист, – с застенчивой гордостью встала миссис Белл. – Он говорил, что не поощряет рабство и тем более никогда не будет помогать его распространению, чего бы это ни стоило ему самому.

– А мистер Форбс рассказал, что вы сделали для той женщины, служанки миссис Кэмерон, – обеспокоенно добавила Лиллиан. – Вот мы и подумали... даже если вы...

Она смущенно замолчала.

– Ну да, предатель и мятежник, – сухо произнес Джейми. – Понимаю. Мистер Форбс... Должно быть, это Нил Форбс, адвокат?

В его голосе прозвучал легкий сарказм, и, надо сказать, не без оснований.

Несколько лет назад Форбс сватался к Брианне, а Иокаста Кэмерон, тетя Джейми, его поощряла. Бри не слишком вежливо отвергла нежеланного ухажера, и спустя некоторое время он отомстил, организовав ее похищение печально известным пиратом. Дело приняло весьма скверный и неприятный оборот: в отместку Джейми похитил престарелую мать Форбса (хотя пожилой леди приключение понравилось), а Йен-младший отрезал Форбсу ухо. Может, время излечило телесные раны, но трудно представить человека, кто меньше Форбса хотел бы возносить хвалу Джейми.

– Он самый, – сказала Мириам, но я заметила неуверенные взгляды, которыми обменялись миссис Белл и Лиллиан.

– Что именно сказал обо мне мистер Форбс? – спросил Джейми. Все три леди побледнели, и он поднял брови. – Так что же? – с нажимом повторил он, обращаясь к миссис Белл, поскольку безошибочно определил, что она и есть самое слабое звено в семейной цепи.

– Он сказал: как хорошо, что вы погибли, – слабым голосом ответила леди, после чего ее глаза закатились и она рухнула на пол, как мешок с зерном.

* * *

К счастью, я приобрела у доктора Фентимена флакончик нюхательных солей. От них миссис Белл тут же пришла в себя и начала чихать. Она задыхалась и хватала ртом воздух, и дочери уложили ее на кровать. Именно в этот момент принесли вино, и я щедро налила его всем присутствующим, не забыв оставить большую кружку и для себя.

– Ладно, – сказал Джейми, медленно обводя дам пронзительным взглядом, от которого даже у закоренелого злодея подкосились бы ноги и он признался бы во всех грехах. – А теперь расскажите мне, где вы слышали, как мистер Форбс говорил о том, что я погиб.

Миссис Лиллиан устроилась поудобнее на кровати и положила руку на плечо матери, словно хотела ее защитить.

– Я это слышала. В таверне Саймондса. Мы тогда еще жили в Уилмингтоне, до того как перебрались сюда к тете Бертон. Я пошла за кувшином горячего сидра, – дело было в феврале, и еще стояли холода. Ну вот, и та женщина – ее зовут Федри, она там работает – отправилась налить и разогреть мне сидр. Пока я ждала, пришел мистер Форбс и заговорил со мной. Он знал, что случилось с отцом, и посочувствовал, все спрашивал, как мы справляемся. Потом Федри принесла кувшин, и он ее увидел.

Само собой, Форбс узнал Федри, ведь он много раз видел ее в поместье «Горная река», у Иокасты. Он весьма удивился, увидев ее в таверне, и потребовал объяснений, на что и получил несколько модифицированную версию правды, в которой Федри, конечно же, превозносила доброту и заслуги Джейми в ее освобождении.

Я тихо фыркнула в кружку. Федри прекрасно знала, что случилось с ухом Нила Форбса. Спокойная и мягкая, она не упускала возможности подколоть тех, кто пришелся ей не по душе. А я точно знала, что Нила Форбса Федри не любила.

– Мистер Форбс весь покраснел, наверное, от холода, – тактично сказала Лиллиан, – и заявил, что да, он слышал, как хорошо мистер Фрэзер относится к неграм... Боюсь, он сказал это в очень неприятных выражениях, – добавила она, бросив извиняющийся взгляд на Джейми. – А потом мистер Форбс рассмеялся, хотя и притворился, что кашляет, и сказал, дескать, какая жалость, что вы со всей семьей сгорели дотла и что, несомненно, рабы в бараках будут сильно горевать по этому поводу.

Джейми поперхнулся вином.

– А с чего мистер Форбс это взял? – требовательно спросила я. – Он сказал?

Лиллиан горячо закивала.

– Да, мэм. Федри тоже спросила... Думаю, она решила, что он просто хочет ее огорчить, а мистер Форбс сказал, что прочитал о пожаре в газете.

– В «Уилмингтонском вестнике», – вмешалась Мириам, явно недовольная тем, что все внимание приковано к сестре. – Мы, конечно, газет не читаем, а с тех пор, как папа... ну, к нам теперь редко кто заходит.

Она невольно опустила глаза, машинально разгладила передник, чтобы скрыть большую заплатку на юбке. У сестер и их матери был чистый и ухоженный вид, а одежда – дорогая и хорошего качества, но уже пообтрепанная на рукавах и по подолу. Похоже, дела мистера Белла сильно пошатнулись, как из-за его отсутствия, так и по причине войны.

– Дочь рассказала мне о встрече, – сказала миссис Белл. Она уже пришла в себя и сидела, обхватив чашку с вином ладонями. – И потому, когда вчера вечером сосед сказал, что встретил вас в доках... Я даже не знала, что подумать, но предположила, что, должно быть, произошла какая-то дурацкая ошибка... В самом деле, сейчас нельзя верить всему, что пишут, газеты совсем одичали. А мой сосед упомянул, что вы ищете корабль в Шотландию. Вот мы и подумали...

Женщина умолкла и смущенно спрятала лицо в чашке с вином.

Джейми задумчиво потер пальцем нос и медленно проговорил:

– Да, я собираюсь отправиться в Шотландию. И, конечно, я буду рад поспрашивать о вашем муже и помочь ему, если смогу. Но, к сожалению, я никак не могу найти корабль. Эта блокада...

– Так у нас есть для вас корабль! – с воодушевлением перебила Лиллиан. – В том-то и дело!

– Мы думаем, что сумеем помочь вам сесть на корабль, – поправила Мириам.

Она задумчиво посмотрела на Джейми, чуть прищурившись, словно оценивала его характер. Джейми слегка улыбнулся, показывая, что вполне понимает ее недоверие, и спустя миг девушка неохотно улыбнулась в ответ.

– Вы мне кого-то напоминаете, – призналась она.

Кем бы ни был этот человек, он определенно нравился Мириам, потому что она кивнула матери, выражая согласие. Миссис Белл облегченно вздохнула, ее плечи немного расслабились.

– У меня еще остались друзья, – сказала она чуточку вызывающе. – Несмотря... ни на что.

Среди этих друзей оказался некий Дилэнси Холл, который владел двухмачтовым рыболовецким судном и, как половина города, время от времени промышлял контрабандой.

Холл сказал миссис Белл, что ждет корабль из Англии, который должен прийти в Уилмингтон на следующей неделе или чуть позже, – конечно, если по пути его не захватят или он не потонет. Корабль со всем грузом принадлежит одному из местных Сынов Свободы, и потому он вряд ли рискнет зайти в уилмингтонский порт, где до сих пор стоят два английских военных фрегата. Скорее всего, он встанет на якорь неподалеку от гавани, где его встретят разномаст-

ные суденышки, выгрузят товар и незаметно переправят на берег. После чего корабль отправится на север, в Нью-Хейвен, и там снова загрузится.

– И поплывет в Эдинбург! – вставила Лиллиан, ее лицо осветила надежда.

– Родственника моего отца в Эдинбурге зовут Эндрю Белл, – перебила сестру Мириам, слегка вздернув подбородок.

– Малыш Энди Белл? – оживился Джейми. – Тот, кто напечатал Большую энциклопедию?

– Да, это он, – с удивлением произнесла миссис Белл. – Вы хотите сказать, что знаете его, мистер Фрэзер?

Джейми громко расхохотался, приведя дам в замешательство.

– Эх, сколько же вечеров я провел в таверне с Энди Беллом! – сообщил он. – Вообще-то, Энди Белл – тот самый человек, к которому я собирался заехать в Шотландии, у него в мастерской хранится мой печатный станок. Ну, по крайней мере, я на это надеюсь, – добавил он, но веселья у него не убавилось.

Такая новость вкупе с еще одним кувшином вина чрезвычайно воодушевила наших гостей, и когда они, разгумившиеся от возбуждения, наконец ушли, то щебетали, словно стайка радостных сорок. Я выглянула в окно и увидела, как они, слегка пошатываясь от вина и избытка чувств, идут по улице, прильнув друг к дружке, оживленные и полные надежд.

– «Мы не только поем, но еще и танцуем, так же хорошо, как и ходим»⁴⁸, – пробормотала я, глядя им вслед.

Джейми бросил на меня озадаченный взгляд.

– Арч Белл со своей группой, – объяснила я. – Ладно, не бери в голову. Думаешь, безопасно будет сесть на тот корабль?

– Господи, конечно, нет! – Он содрогнулся и поцеловал меня в макушку. – Если не принимать во внимание штормы, короедов, плохо проконопаченные швы, перекошенную обшивку и так далее, есть еще английские военные корабли в гавани и каперы за ее пределами...

– Я не о том, – перебила я. – Ко всему такому мы были готовы с самого начала, правда? Я имею в виду владельца корабля и этого Дилэнси Холла. Миссис Белл думает, что знает их политические взгляды, но...

От одной мысли, что придется доверить наши жизни (и наше золото) совершенно незнакомым людям, мне стало не по себе.

– Ладно, – согласился Джейми, – я собираюсь завтра утром пойти поговорить с мистером Холлом. И, возможно, с мистером Бичемом тоже. А пока... – Он погладил меня по спине, сжал рукой ягодицу. – Йен с псом вернутся через час, не раньше. Хочешь еще вина?

* * *

«С виду вылитый француз», – думал Джейми. И, надо сказать, в Нью-Берне такой вид был совсем не к месту. Бичем только что вышел из склада Фороугуда Нортропа и остановился, разговаривая с владельцем. Ветер с моря развеивал шелковую ленточку, которая стягивала темные волосы Бичема сзади. Как Клэр его и описывала: щеголеватый, но не расфуфыренный, одет со вкусом и дорого. Очень дорого.

– Он похож на француза, – заметил Фергус, вторя мыслям Джейми.

Они сидели у окна в таверне «Уинбуш», заведении средней руки, где завсегдатаями были рыбаки и грузчики со складов. Внутри воняло пивом, потом, табаком, дегтем и протухшими рыбьими внутренностями.

⁴⁸ Строка из песни «Tighten up» американской вокальной ритм-н-блюзовой группы «Archie Bell & the Drells».

– Его корабль? – спросил Фергус, наморщив лоб и кивая на элегантную черно-желтую одномачтовую яхту, которая тихо покачивалась на волнах, стоя в некотором отдалении на якоре.

– Это корабль, на котором он плавает, но не могу сказать, принадлежит ему судно или нет. Ты узнаешь лицо?

Фергус придвинулся ближе к окну, почти прижав нос к волнистому стеклу, чтобы лучше разглядеть месье Бичема. А Джейми, в свою очередь, изучал лицо Фергуса, и ему вдруг пришло в голову, что, хотя Фергус с десяти лет жил в Шотландии, а последние десять или больше лет провел в Америке, он по-прежнему похож на француза. И дело не только в чертах лица, а, возможно, в самом строении костей.

Фергуса отличало костистое лицо: подбородок настолько острый, что казалось, он мог разрезать бумагу, выдающийся клювообразный нос, глубокие глазницы под высоким лбом. В откинутых с этого лба густых темных волосах серебрилась седина, и Джейми вдруг ощутил какое-то странное чувство. В его душе образ Фергуса не менялся: десятилетний сирота-карманник, которого он спас из парижского борделя, и этот образ никак не соотносился с красивым худошавым лицом мужчины перед ним.

– Нет, – покачал головой Фергус, снова усаживаясь на лавку. – Я его никогда не видел.

В глубоко посаженных темных глазах Фергуса вспыхнуло любопытство и подозрение.

– И в городе его никто не знает. Хотя я слышал, что он спрашивал о Клоделе Фрэзере в Галифаксе и Эдентоне.

Ноздри Фергуса возбужденно раздулись: Клоделем его назвали при рождении, другого имени у него не было, хотя Джейми сомневался, что кто-нибудь называл его так вне Парижа или в последние тридцать лет.

Джейми хотел было спросить, не выдал ли себя Фергус, когда расспрашивал людей о Бичеме, но передумал и просто допил пиво. Фергус не стал бы удачливым печатником в это тяжелое время, не будь он осторожным.

– Он тебе никого не напоминает? – спросил Джейми.

Фергус бросил на него удивленный взгляд, но снова вытянул шею, потом покачал головой и сел на место.

– Нет, а должен?

– Не думаю, – ответил Джейми.

Он и правда так не думал, но был рад, что Фергус подтвердил его мысли.

Клэр предположила, что Бичем мог оказаться в родстве с ней, возможно, ее прямым предком. Она старалась говорить как бы между прочим, сама отвергла эту идею, даже не высказав до конца, но Джейми заметил в ее глазах воодушевление, тронувшее его. В свое время у Клэр не осталось близких родственников, что казалось Джейми ужасным, хотя он и понимал, что, будь по-другому, возможно, она бы не была так сильно привязана к нему.

С этой мыслью Джейми пристально вглядывался в лицо Бичема, но не заметил ничего, что напоминало бы Клэр, не говоря уже о Фергусе. Джейми подумал, что самому Фергусу вряд ли придет в голову мысль о возможном родстве с Бичемом. Он был абсолютно уверен: Фергус относится к Фрэзерам из Лаллиброха как к своей единственной семье, не считая Марсали и детей, которых любит всем пылким сердцем.

Теперь Бичем прощался: он поклонился Нортропу с истинно парижским шиком и изящно помахал шелковым платочком. Как удачно, подумал Джейми, что этот тип вышел из склада прямо перед ними. Они с Фергусом собирались отыскать Бичема позже и как следует к нему приглядеться, но его своевременное появление избавило их от дальнейших забот.

– Хороший корабль, – заметил Фергус, переключая внимание на яхту «Охотница». Он задумчиво посмотрел на Джейми. – Ты уверен, что не хочешь наприситься пассажиром к мистеру Бичему?

– Уверен, – сухо ответил Джейми. – Отдать себя и жену во власть совершенно постороннего человека, чьи мотивы весьма подозрительны, да к тому же на крошечной лодчонке посреди бескрайнего моря? Даже человека, который не страдает от морской болезни, подобная перспектива приведет в ужас.

Фергус широко улыбнулся.

– Миледи снова собирается воткнуть в тебя добрый десяток иголок?

– Да, – довольно сердито буркнул Джейми.

Он ненавидел, когда в него втыкали иголки, ему претило появляться в таком виде на людях – ошетилившийся иголками, словно заморский дикобраз, – пусть даже и в ограниченном пространстве корабля. Но Джейми прекрасно понимал, что в противном случае его всю дорогу будет выворачивать наизнанку, и потому терпел.

Фергус не заметил его недовольства и снова приник к стеклу.

– *Nom d'nom...* – тихо чертыхнулся он по-французски. В его голосе прозвучала тревога, и Джейми тут же повернулся к окну.

Бичем ушел довольно далеко, но еще не скрылся из виду. Похоже, его что-то остановило, и теперь казалось, что он отплясывает нелепую джигу. Одно это выглядело довольно странно, но еще большую тревогу вызывал Жермен, сын Фергуса, который прыгал на корточках перед Бичемом, похожий на взволнованного лягушонка.

Непонятная суэта продолжалась еще несколько секунд, затем прекратилась. Теперь Бичем стоял на одном месте, но возмущенно размахивал руками, пока Жермен, как казалось, ползал перед ним на коленях. Мальчик встал и засунул что-то под рубашку. После недолгого разговора Бичем рассмеялся и протянул Жермену руку. Они обменялись рукопожатиями, коротко поклонились друг другу и разошлись. Жермен зашагал в сторону таверны «Уинбуш», а Бичем продолжил свой путь.

Жермен вошел в таверну, увидел Джейми и Фергуса и с довольным видом уселся на скамью рядом с отцом.

– Я встретил того человека, – без лишних слов сообщил мальчик. – Того, кто ищет папу.

– Да, мы видели, – кивнул Джейми, подняв брови. – Что, черт возьми, ты там делал?

– Ну, я увидел, что он идет, но понял, что он не станет со мной говорить, если я его просто окликну. Вот я и бросил ему под ноги Саймона и Питера.

– Кто... – начал было Джейми, но Жермен уже полез за пазуху.

Не успел Джейми договорить, как мальчуган извлек двух огромных лягушек, одну зеленую, а другую мерзкого желтоватого оттенка. Испуганно выпучив глаза, они прижались друг к дружке на голых досках столешницы.

Фергус вlepил сыну оплеуху.

– Убери этих треклятых тварей со стола, пока нас отсюда не вышвырнули! Неудивительно, что ты весь покрыт бородавками, раз возишься с *les grenouilles!*⁴⁹

– *Grandmère* мне велела, – возразил Жермен, но тем не менее сгреб своих питомцев и снова сунул за пазуху.

– Бабушка велела?

Джейми уже не удивлялся способам лечения, которые предлагала его жена, но этот казался слишком странным, даже по ее меркам.

– Ну да, она сказала, что с бородавкой у меня на локте уже ничего не сделать, разве что натереть дохлой лягушкой и похоронить ее – я имею в виду лягушку! – на перекрестке в полночь.

– Хм, думаю, она, скорее всего, пошутила. Ладно, а что тебе сказал тот француз?

Жермен поднял голову, посмотрел с любопытством, широко раскрыв глаза.

⁴⁹ Лягушками (*фр.*).

– Да никакой он не француз, *Grandpère*.

Джейми удивился.

– Не француз? Ты уверен?

– О да. Когда Саймон шлепнулся ему на туфлю, он сильно ругался, но совсем не так, как папа. – Жермен кротко посмотрел на Фергуса, который, похоже, собирался отвесить сыну еще одну оплеуху, но Джейми его удержал. – Он англичанин, даже не сомневайтесь.

– Он ругался по-английски? – спросил Джейми.

Что верно, то верно: французы, когда сквернословят, частенько обращаются к овощам, зачастую смешивая их с упоминанием религиозных святынь. Англичанин же, ругаясь, не затронет святых, таинства или огурцы, но помянет Бога, шлюх и экскременты.

– Да, но я не могу повторить его слова, иначе папа рассердится. У папы очень деликатные уши, – добавил Жермен, хитро поглядывая на Фергуса.

– Прекрати дразнить отца и скажи, что еще говорил тот человек.

– Хорошо, – с готовностью отозвался Жермен. – Когда он увидел, что это всего лишь пара лягушечек, то рассмеялся и спросил, не несу ли я их домой, чтобы съесть на обед. Я сказал: нет, это мои питомцы, и спросил, не ему ли принадлежит вон тот корабль, потому что все так говорят, и это очень красивое судно. Я прикинулся простаком, понимаешь? – объяснил он на случай, если дед не оценил его уловку.

Джейми подавил улыбку.

– Очень умно, – сухо сказал он. – Что еще?

– Он сказал, что нет, корабль не его, им владеет французский вельможа. Конечно, я спросил: «Какой?» А он ответил, что барон Амандин.

Джейми обменялся взглядом с Фергусом, который лишь удивленно пожал плечом.

– Потом я спросил, долго ли он еще здесь пробудет, потому что я хочу привести братишку посмотреть на корабль. Он сказал, что отплывает завтра, с вечерним отливом, и спросил – думаю, что в шутку, – не хочу ли я присоединиться к ним и стать юнгой. Я отказался, сказал, что у моих лягушек морская болезнь, совсем как у моего деда.

Жермен, ухмыльнувшись, посмотрел на деда, а тот смерил его суровым взглядом.

– Твой отец никогда не говорил тебе: «*Ne petez pas plus haute que votre cul*»?⁵⁰

– Мама вымоет тебе рот с мылом, если будешь произносить такие слова, – благовоспитанно сообщил ему Жермен. – Хочешь, я обчищу его карманы? Я видел, как он входил в гостиницу на Черри-стрит. Я бы мог...

⁵⁰ Не перди выше задницы (*фр.*). Здесь в значении: «Не прыгай выше головы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.